

12+

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

**Учредители
(соучредители):**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

И. о. главного редактора – В. М. МАМИШЕВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Светлана Мотгаева
Анжела Мусукаева
Анатолий Парпара (Москва)
Александр Пряжников (Ростов)
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

4. 2020 ИЮЛЬ–АВГУСТ

*Борис ЗУМАКУЛОВ,
Уполномоченный по правам человека
в Кабардино-Балкарской Республике,
д. и. н., профессор, заслуженный деятель
науки КБР и КЧР*

НАШ ОБЩИЙ ПРАЗДНИК
*К 100-летию государственности
Кабардино-Балкарии*

*«Нам есть чем гордиться, есть что беречь:
и родину нашу, и родимую речь...»*

Анна Ахматова

Смею утверждать, не только кабардинцы и балкарцы, но и представители других народов, проживающие на территории Кабардино-Балкарской Республики, с удовлетворением восприняли решение о праздновании в январе 2022 года столетия создания государственности народов Кабардино-Балкарии.

Руководство страны и республики призвало отметить юбилей государственности Кабардино-Балкарии как событие большой общественно-политической значимости в истории кабардинского и балкарского народов.

В январе 1922 года решением ВЦИК была образована Кабардино-Балкарская автономная область в составе РСФСР, и это должно было быть отправной точкой.

Но в силу известных причин (балкарцев депортировали, государственность была ликвидирована...) стали отмечать День государственности первого сентября, то есть в день создания Кабардинской области в 1921 году. И это вошло в практику.

Вернувшись на свою историческую родину, мои земляки с большим удовольствием отмечали 400-летие добровольного вхождения Кабарды в состав России, а затем и наступил сентябрь – День государственности Кабарды, который мягко трансформировался в День государственности Кабардино-Балкарии. И это было принято как должное и кабардинцами, и балкарцами, представителями других народов, традиционно проживающих в республике. Первого сентября каждого года все мы праздновали День государственности Кабардино-Балкарии, хотя многие знали, что это не соответствует исторической правде.

Никто об этом не говорил громко, но все-таки, особенно в постсоветский период, в условиях формирующейся демократии, стали раздаваться голоса о необходимости восстановления исторической даты образования единой Кабардино-Балкарии.

Надо признать, я один из тех, кто всегда утверждал, главное для нас, что судьбы наших народов тесно переплетены, что в течение многих десятилетий шли вместе, преодолевая трудности, совместно защищая землю от врагов, а несовпадение дня государственности считал несущественным явлением, хотя в своих книгах «Из новейшей истории балкарского народа», «Час испытаний», «Депортация, возвращение, возрождение балкарского народа», «Институт выборов в истории Кабардино-Балкарии» и в ряде научных статьях я приводил документальные данные, по которым датой создания единой Кабардино-Балкарии следовало считать январь 1922 года.

Известно, что в своем Послании Парламенту Кабардино-Балкарской Республики Глава Кабардино-Балкарской Республики Казбек Валерьевич Коков объявил 2022 год «Годом 100-летия Кабардино-Балкарии».

Для его проведения создан Организационный Комитет, разрабатываются планы подготовки к проведению юбилея.

Поэтому я посчитал уместным поделиться своими мыслями по поводу Дня государственности народов Кабардино-Балкарии.

Государственное устройство Кабардино-Балкарии на нынешнем этапе исторического развития, как нам представляется, нельзя напрямую увязывать с государственным устройством дореволюционного, да и послереволюционного периодов, но одно очевидно: кабардинский и балкарский народы прошли сложный и тернистый путь к нынешнему государственному устройству. Были радикальные изменения и эволюционные преобразования, но одно остается неизменным: Кабарда и Балкария идут по этой исторической дороге вместе много-много лет. Они вошли в состав Российского государства в разное время, не в одинаковых условиях, но и кабардинский, и балкарский народы одинаково не изменяли однажды данной на верность России присяге.

Отмечая столетие государственности, мы не должны забывать о тех наших предках, которые в суровых условиях революций и гражданской войны старались создать механизмы обеспечения государственности. Не было опыта, шли на ощупь, делая ошибки, преодолевая завалы. Были испробованы многие формы самоорганизации горцев Северного Кавказа, в итоге была создана Горская Автономная Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР, в которую как самостоятельные субъекты вошли Кабарда, Чечня, Балкария, Ингушетия, Осетия, Карачай. В первое время ГАСССР пыталась объединить вокруг себя горские народы, но вскоре начались центробежные движения, и первая о себе заявила Кабарда, решив, что республика не оправдала ожидания народов о самостоятельном устройстве и собственной госу-

дарственности, за что они боролись и пролили немало крови на полях сражений. Стремление руководителей Кабарды активно поддержал наркомнац Сталин. 1 сентября 1921 года была образована Кабардинская автономная область в составе РСФСР. Балкария продолжала оставаться в Горской республике, но и здесь стал звучать голос за выделение. Образовались две группы из балкарской элиты, которые были едины в одном – за выделение из Горской республики, но расходились в другом – одна группа считала, что надо объединиться с Кабардой и создать единую область, другая – нет, надо создать отдельную автономную Балкарскую область в составе РСФСР. Руководство Кабарды активно призывало к объединению. Победила группа, предлагавшая создать Кабардино-Балкарскую область.

В совместной телеграмме Кабардинского исполнительного областного комитета и Балкарского окружного исполнительного комитета партии в Центральный Комитет РКП (б) говорилось, что «Кабарда и Балкария всегда экономически связаны, что друг без друга существовать не могут». Вопрос был вынесен на рассмотрение Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, который 16 января 1922 года принял решение об образовании Объединенной Кабардино-Балкарской Автономной Области». (История Кабардино-Балкарской АССР, М., 1967. Т. 2 с. 108).

На совместном заседании Кабардинского областного и Балкарского окружного комитетов партии РКП (б) было принято Положение по объединению Кабарды и Балкарии. В нем указывалось, что Кабарда и Балкария должны создать единую партийную организацию и единый советский аппарат управления. Областной съезд Советов в декабре 1922 года окончательно оформил образование Кабардино-Балкарской Автономной Области. Съезд избрал 30 членов облисполкома на паритетных началах. Председателем облисполкома был избран Б. Э. Калмыков, заместителем М. А. Энеев.

Таким образом, в январе 1922 года была образована Объединённая Кабардино-Балкарская Автономная Область в составе РСФСР. В последующем после принятия Конституции СССР область была преобразована в Кабардино-Балкарскую Автономную Советскую социалистическую республику.

Наши народы получили более высокий статус с характерными для автономного государства признаками: свою конституцию, законодательство, обозначенную территорию, государственные органы. Заметьте, и такие символы государственности, как гимн, герб.

Мы можем утверждать, что у кабардинцев и балкарцев имеется своя государственность, в рамках которой можно развивать язык, поддерживать самобытную культуру, сохранять социально-культурные ценности.

Отмечая столетний юбилей государственности, надо отдать должное тем, кто стоял у истоков создания, а потом активно способствовал развитию единой Кабардино-Балкарии. Это Б. Э. Калмыков, М. А. Энеев, М. Г. Канкулов, К. Э. Ульбашев, А. Г. Мокаев, И. Л. Ульбашев, Х. К. Ахатов, Ч. К. Кудав, Т. К. Мальбахов, К. Т. Тлостанов, Ч. Б. Уянаев, М. И. Геттуев, Б. К. Чабдаров, Х. М. Кармоков, В. М. Коков, Г. С. Губин, З. А. Нахушев, М. Н. Жабоев, М. Х. Туменов, И. Б. Бечелов, А. А. Чеченов, Т. Б. Егорова, Л. М. Федченко.

И еще: переход от одной общественно-политической формации к другой, совсем неизведанной для России и Кабардино-Балкарии, был крайне сложным. Менялись общественные ориентиры и ценности.

Преыдущие формы власти с Верховным Советом и советами на местах, естественно, были неприемлемы, надо было искать новые механизмы функционирования органов власти.

Безусловно, руководство республики учитывало влияние общественных организаций, созданных по этническому признаку, некоторые из них навязывали радикальные, неприемлемые решения. Дискуссия носила порой жесткий характер, противостояние сторон доходило чуть ли не до точки невозврата. Но все же, благодаря взвешенной и очень корректной политике руководства республики во главе с Коковым Валерием Мухамедовичем, был найден и согласован с общественностью вариант двухпалатного Парламента Кабардино-Балкарской республики. И, как показала практика, на том этапе это себя оправдало. На конституционном уровне были задействованы механизмы защиты прав и интересов субъектообразующих кабардинского, балкарского и русского народов. Двухпалатный Парламент КБР в определенной степени способствовал и защите интересов регионов с учетом проблем, касавшихся вопросов землепользования и функционирования органов местного самоуправления.

На первом этапе было очень непросто, эмоции порой зашкаливали, но умение и такт, авторитет спикеров палат Нахушева Заурби Ахмедовича и Жабоева Махмуда Назировича, а также вице-спикера Федченко Людмилы Михайловны способствовали принятию взвешенных, отвечающих требованиям времени итоговых документов. Вообще хочу заметить, что и в последующем руководители Парламента КБР Туменов Мурадин Хадисович, Бечелов Ильяс Борисович, Чеченов Ануар Ахматович, Егорова Татьяна Борисовна много сделали в становлении и организации деятельности Парламента Кабардино-Балкарской Республики, формировании традиций парламентаризма.

Будучи министром труда и социального развития КБР, председателем Избирательной комиссии КБР, Уполномоченным по правам человека КБР, мне приходилось участвовать в подготовке и принятии законов, на-

правленных на защиту малообеспеченных граждан, семьи, материнства и детства, инвалидов и пожилых людей, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, создании законодательства об избирательной системе, законов по защите прав и свобод граждан.

В последнее время в Кабардино-Балкарии сделано немало в области формирования гражданского общества.

При активной поддержке Главы республики Казбека Валерьевича Кокова сделано немало в области формирования гражданского общества. Под это подводится организационная, правовая и нравственно-этическая база. В Кабардино-Балкарии практически завершено создание системных институтов гражданского общества. Этому подтверждение – деятельность Общественной палаты, института Уполномоченных по правам человека, правам ребенка, правам предпринимателей. В подготовке юбилейных мероприятий принимают участие представители как исполнительных и законодательных органов, так и некоммерческих, религиозных, правозащитных организаций, средств массовой информации. Это способствует консолидации общества, укреплению государственности, а также дает возможность возродить традиционные институты на новой основе, используя опыт реализации обычного права, накопленный в горских обществах, интегрироваться в общероссийское правовое пространство.

Уверен, столетие государственности Кабардино-Балкарии будет проведено на высоком организационном и политическом уровне, что будет способствовать дальнейшему поступательному движению республики по пути созидания, укрепления мира, национального, межконфессионального согласия, единства и благополучия.

Аскерби ШОРТАНОВ

ГОРЦЫ
Книга четвертая

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

В тени каменной постройки маячил, шатаюсь от старости и слабости, изможденный пес с высунутым языком. На впалых боках – клочья шерсти и облезлая кожа в струпьях, ребра выпирают наружу. На шее собаки – потрепанная бечевка с узелками в нескольких местах. Держит ее мальчик лет двенадцати-тринадцати. С ним на полном серьезе ведет беседу Кебит:

- Кто тебя прислал?
- Я только имаму скажу.
- Так я и есть имам.
- Ыгы, так я тебе и поверил.
- А ты что, имама знаешь?
- А кто имама не знает?

Кебит усмехнулся:

- Ладно, жди здесь.
- Вскоре из дома показался Шамиль.
- Это ты меня ищешь, парень?

Мальчик подвел к имаму своего пса:

- Тебе велели передать.
- Как? Зачем?
- Это ответ на твое послание.

Прибыв в Гуниб, Шамиль послал в аул Тилитль письмо, где в самой жесткой форме велел подвезти ему муки семьдесят пудов, полсотни сушеных бараньих боков, двенадцать кадок сыра, а с этим добром должны прибыть тридцать всадников. И вот теперь он получил ответ на свою волю – полудохлую собаку.

– А кроме тебя, некому было прийти сюда? – спросил он упавшим, враз осипшим от плохо скрываемой ярости голосом.

– Взрослого ты бы повесил, а меня – нет.

– Что с тебя взять, – махнул рукой имам и пошел в дом. На ходу бросил через плечо: – Накормить и отпустить, и мальчишку, и собаку.

¹ Продолжение. Начало в №№ 1, 2017 г., 2, 3, 4, 2019 г., 1, 2, 3, 2020 г.

Что же это происходит? Будь он сейчас в той силе, что прежде, за такую наглость вырезал бы весь аул, от младенца до старца. Прислать ему дохлую собаку! И это те люди, которые падали ниц от одного звука его хлыста! Эти люди волос из хвоста его лошади мечтали заполучить для амулета! Целовали подол его бурки!

Интересно, что они хотели сказать вот этой собакой? Что он, имам, подобен дохлому псу? Что он не стоит даже такой доходяги? Или что нет у них больше ничего, чем можно разжиться, и даже собакам есть нечего? Что ни говори, пропал народ горский, растерял и совесть, и честь свою. Самые верные, казалось, наибы его – где они теперь? Перебежали к русским! Где теперь Даниель-Бек, этот предатель, вероотступник? Говорят, у Барятинского служит. Променил Коран на генеральские погоны. А Талгик, мужчина из мужчин, чеченский наиб? Тоже бросил имама, к гяурам переметнулся. Недаром говорят: своя голова дороже твоей.

Раньше, бывало, завидят ненароком своего имама с кумганом в руке – все останавливаются поодаль и почтительно выжидают. А теперь? На днях ветром сорвало с его головы сарык, так никто не шевельнулся, чтобы поднять его. Как время намаза – никто на намазлык не ступал, говорили: «Имам еще не начал». Нынче же все иначе. Даже верный писарь Амирхан, не отходивший от него ни на шаг, и тот у Евдокимова теперь ошивается. Ладно бы просто сбежал, так еще серебряную печать имама прихватил.

Он стоял, прислонившись спиной к холодной каменной кладке, и думал, думал о том, что же заставило вчерашних соратников отвернуться от него, предать? Шамиль не мог понять того, что уже поняли те самые предатели: все кончено. Но он, имам, не верил в это. Он таил надежду: еще может случиться что-то вроде того, что было однажды в Ахульге. Многие помнили тот день – «день, когда Шамиль растоптал свой сарык». Не раз он со своими людьми попадал в такие переделки, из которых, казалось, и выхода не было, и многие готовы были пойти к врагу на поклон. И пошли бы, если бы не он, Шамиль!

Было это лет восемь назад. Генерал Аргустинский, прозванный горцами «Донгуз-Аргун», невзрачный и неразговорчивый, низкорослый и шуплый, рвался к аулу Чох. Шамиль собрал своих наивов и сказал: «Чох высоко, а Аллах еще выше. Потому говорю вам: уступите этот аул врагу – прощайтесь со своими сарыками, а заодно и с головами!»

Аргустинский разнес аул ударами из пушек, а потом повел своих солдат в наступление и прорвал оборону с одного конца селения. Вот уже половина аула занята русскими. Горцы в панике бегут. Шамиль пытается их остановить, крича во все горло: «Стойте, назад! Не позорьте меня!» Он бьет их наотмашь, плюет в них, но остановить бегущих уже никто не в силах. И тогда он в отчаянии срывает свой сарык, обнажив бритую голову, бросает его оземь и начинает топтать, сопровождая это дикими

воплями. Он был вне себя и все продолжал втаптывать в грязь свой белоснежный сарык. Пробегавший мимо молодой горец остановился в изумлении. Никогда ему не приходилось видеть имама в такой ярости. И Шамиль заметил его, прыгнул на него львом и выхватил саблю на поясе. Размахивая клинком, имам двинулся в сторону врага. Молодой горец крикнул:

– Имам идет! – и, выхватив свой длинный кинжал, двинулся вслед за ним.

– Имам идет! Имам идет! – раскатилось эхом, и горцы, кто неуверенно, кто отчаянно повернули назад. Шамиль уже был в кольце врагов, его не то что пристрелить, а даже копьем проткнуть не составило бы труда. Но все переменялось в один миг. Шамиль и теперь не помнит, каким образом горцы смогли отбить его у окруживших врагов. Он уже попрощался с жизнью, да ему было все равно. О двух людях он сожалел в этой жизни: о сыне Джамалдине, которого своими руками отдал русским в обмен на свою голову, и о той, которую любил больше всех бывших и настоящих жен – о Шуанат.

Тот день, когда он растоптал свой сарык, врезался в его память, как пример высокого духа горцев. Вот сейчас он вспоминал его и успокаивал себя: и не такое видали, выдюжат и на сей раз.

Тяжесть за грудиной гнула к земле. Он присел на прикрытую войлоком тахту, протянул руку к стопке книг и вытащил одну. Бурхан-Эллин-Али, жил в XII веке. Труд назывался «Хидай». Открыл книгу наугад, на странице «Толак». Говорилось здесь о том, что мужчина, разошедшийся с женой, не может вновь жениться на ней, пока она не проведет ночь с другим мужчиной. Таким образом она как бы «очищалась». Шамиль вдруг громко расхохотался: его смешила несуразность и несовместимость этого самого «толака» и всего, что терзало его сейчас. На его смех вышла из комнаты Шуанат.

– Что с вами, имам, что вас так позабавило?

– Да прочел тут кое-что смешное. Недаром говорят: горе и радость на одной жерди сидят.

Шуанат была одета в мужское платье. Это было распоряжение Шамиля: пусть враги думают, что в ауле много мужчин. Имам с нескрываемой нежностью посмотрел на жену. Как ей идет мужская одежда. Тонкий стан перехвачен изящным пояском с серебряными язычками, суровый наряд оттеняет белизну лица.

– Иди сюда, присядь, – подозвал ее имам.

– Имам, женщины делают отверстия для стрельбы в задних стенах, – сказала она. – Вели нам тоже выдать оружие. Хоть по одному врагу да уьем.

– Хорошо.

– Непременно вели.

– Непременно велю, – улыбнулся он, погладив длинной белой ладонью ее лицо. Затем вздохнул тяжело: – И зачем я втянул тебя в это? Лучше бы сам погиб...

– Не говори так, имам. Где ты, там и я, – она запустила пальцы в его жесткую бороду, зная, что это ему доставляет удовольствие.

– Видно, здесь, в Гунибе, закончится и слава моя, и позор...

В последнее время не было ему покоя от Евдокимова. Проклятый генерал выдал его из чеченского Ведено, где он обосновался, как думал, надолго и крепко. Перебрался в Дарго – и оттуда пришлось уходить. Метался Шамиль по горам, как неприкаянный. Куда ни повернет – «трехглазый кабан» оказывался то спереди, то сзади. Закрепился в Карате – снова выгнали.

Три отряда русских теснили Шамиля – Чеченский, Лезгинский и Дагестанский. С трех сторон все ближе подступали они, и было их не меньше сорока тысяч. Возле Гуниба их ряды смыкались, не оставляя ему пути для отступления.

Гуниб был создан самой природой как крепость. Это вершина неприступной горы. Склоны ее опоясаны тремя обрывистыми уступами. К аулу ведет лишь одна тропа – от бурливой реки Кара-Койсу. Она настолько крута, что глянь вниз – закружится голова. В довершение ко всему Шамиль укрепился по всему кругу, заложил взрывчатку под валуны. Станут лезть русские – на головы им посыплется камни. Такое уже случалось с Воронцовым во время даргинской экспедиции.

Верхнее плато Гуниба, где располагался аул, напоминало по форме гитару. Солдаты быстро окрестили его «последним пристанищем Шмеля».

Жителей этих мест и тех, кто пришел с имамом, – всех вместе было не более пяти сотен. Людей пять сотен и четыре пушки – вот и все силы.

День стоял жаркий, и Шамиль, прислонившись в каменной стене, ощущал плечом приятную прохладу.

– Ни дня покоя ты не знала, как со мной связалась, – продолжал Шамиль. – Ты даже не можешь лечь и поспать по-человечески, бедная моя.

– Не говори так, имам! – Ее синие глаза сверкнули, но она, устыдившись своего порыва, тут же опустила взгляд, совсем как горская женщина. – Не говори так никогда, мой имам.

– Ладно, ладно, это я так...

– Только... не спится мне ночами, имам.

– Почему же?

– Кажется, что не доверяешь ты мне... Все думаю, думаю... Может, все из-за того, что я родилась христианкой? Но я же в этом не виновата. Вот у турецкого султана жена Роксолана тоже была христианка, но она же смогла любить его всей душой.

– Я не султан.

– Знаю, имам, но...

– Знаешь – так не говори, – уже сердясь, перебил ее Шамиль. – Если бы не доверял, я бы тебя не то что в свою постель, даже в конуру моей собаки не пустил.

Шуанат бросилась к мужу, обняла его, прижалась нежным своим лицом к бородавтому лицу, страстно и ненасытно стала целовать его губы, лоб, глаза.

– Душа моя, мой единственный свет! Ты не смеешь падать духом. Что станет с Кавказом без тебя. Приберут ведь его русские к рукам, и никогда не выпустят.

– Прибрать-то приберут, – задумался Шамиль, – только удержат ли. Горцы – народ своевольный, давления не терпят. А Россия не давить не может...

В дверь постучали, Шуанат отпрянула от мужа и, как полагается горянке, удалилась из комнаты, не поднимая глаз.

– Имам, – доложил вошедший Саадул, – к тебе посланник от «трехглазого кабана».

– Вы его в аул пустили?

– Нет, за садами ждет.

– Ладно. Я скоро.

По пути ему встретились аульские девушки и молодые женщины, которые пытались втащить на взгорок тяжелую тележку. Шамиль подсобил им, и теперь тележка была готова к тому, чтобы наполнить ее камнями и закрепить над обрывом.

В саду у изножья Гуниба дожидался посланец Евдокимова, русский офицер, владевший кумыкским языком.

– Сказали, что ты учился в кадетском корпусе с моим сыном, – сказал Шамиль вместо приветствия. – Мне приятно, – он жестом пригласил офицера к ковру, расстеленному в тени дерева.

– Мы не просто учились с Джамалдином вместе, мы, можно сказать, вместе выросли, – ответил посланец.

– Да прибавятся к твоей жизни годы, что не дожил мой сын.

– И тебе долгой жизни, имам, – учтиво ответил офицер.

– Я уж своё, видно, прожил... С чем пожаловал?

– С поручением от генерала. Он велел передать тебе: не бери греха на душу, не надо больше крови. Сдайся, а начальство обещает тебе хорошее отношение. Хватит проливать кровь, имам!

– Твои слова? – Шамиль по обыкновению прищурил глаз.

– Нет, это слова моего генерала.

– Так вот, ступай к своему генералу и передай: я сижу здесь, на вершине Гуниба, надо мной только Аллах. Сам он стоит внизу подо мной. Если он мужчина, пусть сам ко мне придет. Поглядим, как нас Всевышний рассудит.

Офицер встал.

– И больше не приходи, – жестко сказал Шамиль. – Не учился бы ты с моим сыном – висел бы сейчас на суку вниз головой.

Над Гунибом стояла августовская ночь, одна из тех ночей, когда звезды кажутся особенно близкими, все сущее замирает, и лишь цикады перекликаются в траве.

Эта ночь была последней на свободе для человека, который потряс Кавказ, нанес немало ран России и прославился на всю Европу.

Шамилю не было известно, что наместник Кавказа совсем рядом. Барятинский отдал распоряжение, чтобы без его ведома никто не смел приближаться к имаму. Бесспорно, каждый генерал мечтал удостоиться чести взять в плен Шамиля. Барятинский не мог уступить этого никому. Если он покончит с Шамилем – это будут бесконечные милости от государя, да и война пойдет, наконец, на убыль.

Его имя было хорошо известно на Кавказе. И император знал его лично, еще с бытности его корнетом Гатчинско-Кирасирского полка. После этого он был отправлен на Кавказ, где и прослужил всю свою карьеру. Были крупные бои, ранения – в 1835-м ранили его черкесы, затем получил ранение при Дарго. За мужество, проявленное в бытность командиром Кабардинского полка при Гергебеле, получил чин генерала. Затем – должность начальника штаба Кавказского полка.

А когда император назначил его своим наместником и командующим русской армии на Кавказе, между ними состоялся разговор.

– Вместе с вами отправляю на Кавказ еще две дивизии, – сказал царь.

– Как мне благодарить Вас, Ваше императорское величество?

– Возьмите Шамиля, и будем в расчете.

– Я отправлю к Вам Шамиля живым, только обещайте, что пожалуете чин генерала тому, кто его доставит.

– За этим дело не станет, – ответил Александр II.

На самом деле Барятинского не особо занимало вознаграждение для родственника, которому он доверит столь важную миссию. И без того ясно, что представившему Шамиля пред светлые очи будет даровано генеральское звание, а ему самому – чин генерал-фельдмаршала, орден Георгия второй степени со всеми прочими почестями.

И потому так важно было Барятинскому взять Шамиля живым. Он отдал приказ своим людям, и тут же обещал десять тысяч рублей серебром тому, кто задержит имама. Кавказская армия была уже не та – Ермолов начинал с одним генералом, а у Барятинского их была уже сотня. Если под началом Ермолова был только неполный корпус, то у него, у Барятинского, большая армия, звание главнокомандующего и неограниченные полномочия.

Опершись локтем на валун у обочины единственной дороги, ведущей на Гуниб, князь Барятинский возлежал на расстеленной бурке. Он дожидался возвращения полковника Лазарева, отправленного на

переговоры с Шамилем. Введенная с некоторых пор в русской армии форменная фуражка генерала висела на ближней ветке. Его мощная фигура, самодовольное лицо с обветренными в бесконечных походах усами и бородой – все производило впечатление безмятежности и уверенности. Но это было напускное. В душе у генерала была настоящая буря. Сдастся ли мятежный имам, или удостоит его лишь своего драгоценного трупа? Тогда рушится все, на что рассчитывал генерал. Нет, Шамиль нужен живым, и тогда его, Барятинского, портрет появится во всех газетах Европы.

При внешней самоуверенности Барятинский был крайне уязвим и завистлив. Увидеть, что у кого-то из генералов на один или два ордена больше, чем у него, это как нож острый в сердце. Прячась от чужих глаз, он мог часами созерцать свой мундир, повесив его на спинку стула и мысленно украшая его всеми недостающими знаками отличия. Хотя можно ли было его судить – Россией правили погоны и ордена...

Переговорщиков все не было, а времени прошло много. Барятинский уже плохо скрывал беспокойство.

Полковник Лазарев, мысли о котором так занимали сейчас Барятинского, сидел на ковре в саду на вершине Гуниба. Вокруг него стояли пять офицеров кирасирского полка. На другом ковре сидел Шамиль. Стоявшие над ним мюриды, не отпуская рукояти кинжалов, свирепыми глазами разглядывали непрошенных гостей.

Лазарев встал и обратился к Шамилю по-аварски:

– Имам, у вас говорят, что даже Аллах может оказаться верхом на хромой лошади. Но он все равно останется Аллахом. Твоя жизнь – это пример, достойный священной книги китапа. Заслуги и труды твои неопенимы, нет тебе равных. Но с этим пора кончать, имам.

– Согласен, – ответил имам, – война и в самом деле длится слишком долго. Ни мне, ни людям моим нелегко тридцать лет жить в огне, дыму и пороховой гари.

– Да уж, нелегко, имам, – с надеждой в голосе подхватил Лазарев, желая задобрить Шамиля, – и вы проявили в той войне неслыханное мужество.

– Хорошо, я готов сдаться.

Сердце Лазарева задрожало от радости.

– Только у меня будут условия, – продолжал имам. – Ваши солдаты расступятся и пропустят меня вместе с моей семьей. Дальше я отправлюсь в Турцию, оттуда в Мекку и Медину. Но мне понадобится разрешение султана, чтобы попасть в Турцию. Пусть он даст мне свой фирман. До тех пор, пока от турецкого султана не вернутся мои и ваши послы, я останусь здесь, в Гунибе, а ваши части, что обложили меня, не сделают ни шагу. Для верности я отдаю в заложники своего сына Казий-Магомеда. От вас же в заложниках у нас будет один из ваших

инаралов, например, ваш «трехглазый», Евдоким, и ты с ним в придачу. Если примете это, то и я согласен.

– Имам, – ответил Лазарев, – я не могу принимать столь ответственные решения. Ваши слова я передам главнокомандующему, изложу ему все ваши требования.

Полковник поклонился имаму на восточный манер, то же сделал Шамиль.

Услышав от Лазарева пересказ разговора с Шамилем, Барятинский пришел в бешенство:

– Он что же думает, я дам ему себя провести, как это было с Граббе при Ахульго? И генералов моих ему подай на тарелочке! Нечего голову мне морочить, пусть спускается со своей горы, лично явится передо мной и сдается в плен!

Главнокомандующий не мог сдерживать ярость и кричал, размахивая кулаками:

– Ишь ты, сейчас я по его прихоти пошлю гонцов в Константинополь к самому султану, как бы не так! Знаю я, куда он метит, знаю! Я ему не Граббе! Я устрою ему Мекку и Медину разом! По-хорошему пусть сдается, подобру-поздорову! Все эти сказки про Мекку Шамиль придумал, чтобы тянуть время, не иначе. В Константинополь я буду посылать своих людей, чтоб ему угодить! Еще чего! Он мне будет тут свои условия ставить! Кто должен условия ставить – я или он?

Армия только и ждала команды. Начался штурм. Передовые силы были снаряжены для подъема на крутой склон: не стесняющая движений одежда, вместо сапог – кожаные гоншарыки на жестком ходу, перехваченные кожаными жесткими тесемками. Короткие и высокие лестницы, крюки и прочие приспособления должны были помочь без труда преодолеть неприступную скалу. На вооружении у штурмовиков были карабины и легкие пушки для боев в горных условиях.

Скалы с юго-восточной стороны ниже, и Шамиль с особым тщанием укреплял эти подходы. Здесь не было ни троп, ни уступов, лишь редкие овражки, промытые дождевыми потоками. Тем не менее, Шамиль опасался нападения именно с этой стороны. Другие окраины Гуниба волновали его меньше, он считал их неприступными. С северо-западной стороны скалы громоздились отвесными стенами, сверху завершаясь широким плато. Влезть на эту стену не было никакой возможности, и потому Шамиль просто выставил по всей линии караульных.

Он ошибся. Именно по этим неприступным скалам взобрались штурмовики Апшеронского полка. Их было не меньше ста пятидесяти. Солдаты пошли на хитрость. Они устроили видимость шумной атаки там, откуда Шамиль ожидал нападения, и тем временем прорвались с незащищенной стороны, и даже сумели затащить на веревках несколько пушек.

Когда вбежавший Саадул сообщил, что на вершине Гуниба объявились русские, у Шамиля подкосились ноги:

– Этого не может быть!

– Да, имам, гяуры творят невероятное!

Саадул помог ему выйти и сесть в седло.

Между тем солдаты споро устанавливали свои пушки, делали рвы. Им никто не мешал, кроме одной женщины, которая, пристроившись за камнем-великаном, успевала качать люльку с младенцем, заряжать ружье и стрелять одиночными, на миг высунувшись из укрытия, при этом напевать колыбельную. Подоспевший Шамиль поднял люльку, поставил поперек седла и удалился, оставив женщину на месте. Мюриды налетели на русских, завязался рукопашный бой.

Лишь теперь Шамиль осознал, что его война кончена. То, за что он сражался три десятка лет, более не имело смысла. Собственно, он понял это давно, но война стала его жизнью и продолжалась помимо его воли.

Возле мечети он заметил множество лошадей у коновязи. Двор мечети был полон молящимися – время намаза.

– Устроят вам намаз пришлые! – крикнул имам. – Поторапливайтесь!

Горцы поднялись с намазлыков и, не особо торопясь, направились к лошадям. Дома Шамиль застал ту же картину – Казий-Магома делал намаз. Тут же молились и наибы.

– Пока ты просиживаешь на намазлыке, русские заняли Гуниб! – прикрикнул на сына имам.

– Я молюсь Аллаху, – начал оправдываться сын.

– Нет сейчас толку от наших молитв. Надо защищаться.

– Надоело, отец. Сколько крови пролито, довольно бы уже. Нам вовек не смыть наших грехов. Пора кончать с этим, отец. Мы сделали что могли.

Шамиль обессилено обвел глазами комнату и встретился глазами с Саадулом.

– Довольно мы наглотались пороха и свинца, – бесстрашно сказал тот, не отводя взгляд. – Довольно, имам.

– Не сердчай, имам, – подключился к разговору Аюб, – но и сам ты надоел нам. Мало ли мы от тебя терпели. Ты мог бородами нас связать, мог в темнице сгноить, и мы все обиды сносили молча. А теперь стало невмоготу. В нас не осталось ничего нашего, мы все стали твоей тенью. У нас твои повадки, мы говорим твоими словами, смотрим твоими глазами, делаем твои дела.

Шамиль пожирал своего некогда верного соратника взглядом, злоеще щуря левый глаз. Но, похоже, его знаков уже никто не воспринимал.

– Ты же сам видишь, имам, люди траву жрут, коренья варят, – робко, с мольбой в голосе вступил Кебит.

Батальоны подошли совсем близко к Гунибу, и снаряды уже свистели на улицах аула. Дагестанский, Самурский, Апшеронский, Ширванский полки рвались вперед, помня об обещанных Баятинским десяти тысячах рублей тому, кто первым доберется до Шамиля. Не желали отставать и части Акушинской, Грузинской, Кумыкской милиции.

Все вокруг крутилось в адском грохоте, и лишь пасшийся в загоне астраханский черный бык оставался невозмутим. Только если снаряд рвался где-то рядом, он неохотно поворачивал голову и тут же принимался жевать свою жвачку. Но вот прилетевшая невесть откуда зажигательная граната, рассыпая искры огня, приземлилась прямо за изогнутыми рогами быка. Этого животное уже не могло вынести. Бык взревел и рванул прочь из загона, с легкостью перепрыгивая через все преграды. Он несся по улице, страшный и черный, неся огонь на рогах и наводя ужас на людей. Вот на пути попала скирда сена. Обезумевший от страха бык ткнулся головой в сено, надеясь избавиться от страшного груза, но ничего у него не вышло, лишь скирда в одно мгновение занялась огнем. А бык с диким ревом помчался дальше, в ту сторону, откуда прилетела граната. Он перелетал через рвы и валы, словно выискивая среди разбегавшихся людей того, кто запустил в него огнем.

На плоской крыше дома стоял Саадул. Он махал руками и кричал:
– Эй, урус, кончай базар! Шамиль пошел, давай Лазарь!

Полковник Лазарев, не веря своим ушам, сорвался с места и побежал в сторону, где появился Шамиль верхом на лошади.

– Веди меня к своему главному, – сказал Шамиль, тяжело подняв веки.
– Вы не пожалеете! – с чувством ответил Лазарев.

Шамиль промолчал.

Полковник взял лошадь имама под уздцы и повел, сперва медленной поступью, потом ускоряя шаг, а там и вовсе перешел на бег, словно боялся, что у него отобьют драгоценную добычу.

Вот перешли мелкий ручей и вышли на ровную поляну, и тут многократным эхом раздались ликующие крики солдат. Шамиль резко натянул поводья и остановил коня, намереваясь тут же повернуть назад. Но Лазарев крепко держал узду:

– Они приветствуют тебя, имам!

Громовое «Ураааа!» несло им навстречу, потом дальше, тяжело пластаясь по улицам Гуниба, – клич победы для одних и стон поражения для других.

Лазарев повел пленного всадника дальше, не переставая увещевать его:

– Сами увидите, имам, как вас уважает командующий. Только и вы его уважьте, будьте вежливы, поклонитесь ему, обнажив голову...

– Я даже перед ликом Аллаха не снимаю шапку! – резко оборвал его Шамиль.

– Ну, как знаете, – Лазарев предпочел не спорить.

Вскоре встретился небольшой мост, а за ним Шамиль снова уперся:

– Уберите их с глаз моих долой!

Он имел в виду дагестанско-чеченский иррегулярный полк. Спорить с ним не стали, тут же был отдан приказ увести горский полк в лес подальше, чтобы горцы не могли видеть, как сдается врагам Шамиль. Имам, даже будучи плененным, знал себе цену и оставался гордым и несломленным. Хотя одному Богу было ведомо, что творилось сейчас в его душе.

Барятинский сидел на придорожном валуне, опершись на рукоять кинжала. За его спиной реяли на ветру знамена полков, бравших Гуниб. Вокруг командующего толпились генералы Евдокимов, Врангель, Милютин, Тараканов, Кеслер.

Не доезжая с полсотни шагов, Шамиль спешился и неторопливым шагом направился к Барятинскому. Приблизившись, он слегка склонил голову. Тут же рядом находились перебежчики из наибов – Даниельбек, Талгик, Локия, Бата, Хаджи-Юсуф и другие. От группы отделился первым Безир и, вытянув руки, бросился навстречу имаму:

– Дай Аллах, чтобы твой приход стал благом для всех, мой имам!

– Предателям и подонкам я руки не подаю! – Шамиль вскинул голову и отвернулся. Увидев это, другие его бывшие соратники не рискнули двинуться с места. – Сардар! – обратился он к Барятинскому, не поднимая на него глаз. – Я – обычный уздень, и я три десятка лет пребываю в войне за веру. Но те, кто был рядом, кому я доверял, предали меня и разбежались. – Он сверкнул глазами на сгрудившихся в кучку наибов. – Я устал. Мне шестьдесят три года. Не смотри, что у меня борода черная. Это только видимость. – Он приподнял край бороды, окрашенной черной хной, и обнажил седину. – Поздравляю тебя с победой над Дагестаном и Чечней.

Он вновь едва заметно склонил голову и умолк.

– Шамиль, – сказал Евдокимов, все так же сидя на камне, – твоя жизнь в руках царя. Надеюсь, он будет к тебе милостив.

Имам кивнул в сторону толпы горцев:

– А это еще кто?

– Это Муса, певец и сказитель, – ответил Барятинский.

– И кого он тут оплакивает?

– Бог его знает.

Голос Мусы эхом разносился по ущелью. Окружившие его горцы рыдали, не пряча слез. А гыбза все лилась и лилась, и не было ей конца:

*Как нынче в горные наши теснины
Пришла погибель бурной рекой.*

*Как предводителя наших героев –
Шамиля-имама у нас забирали.
По-над головами пушки гремят,
Понизу дети плачут.
Историю наших героев
Оплакали мы сегодня...*

Вскоре Шамиля повели, гвардии полковник Трамповский по одну руку, генерал-адъютант Евдокимов – по другую. Следом шли два драгунских эскадрона и пеший батальон, замыкали шествие две сотни Дагестанского полка.

Мог ли думать Шамиль, что он попадет в руки «трехглазого капитана», того самого, что встретился ему в хоромах аварских ханов. След человека по жизни не предугадать...

В западной части Кавказа, включая Дагестан и Чечню, завиднелся конец войне. Однако в другом конце, именуемом Черкесией, война только разгоралась.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1

– По всему, я сам за собой привел гостей! – весело сказал Сафар, когда его повозка заехала во двор, а сразу за ним прибыла группа всадников.

И вправду, к нему пожаловал зять, князь Асланджерий со своей свитой.

Гости поначалу не заметили сидящую у стенки по солнечной стороне дома старуху неприглядного вида, с растрепанными седыми космами. Она что-то бормотала себе под нос, то по-русски, то по-адыгски. Старуха держала в руках замотанную в тряпье потрепанную куклу.

Увидев заезжающих во двор гостей, она вскочила на ноги. Размахивая своей куклой, подбежала к мужчинам, то убаюкивая ее, то бросая оземь и нещадно топча ногами. Потом снова поднимала и прижимала к груди, протягивала то одному, то другому, горестно причитая. Гости растерянно переглядывались.

Блаженная все не унималась, плясала вокруг мужчин, вглядываясь то в одного, то в другого. Подбежала к Даут-Бею и погладила его по груди. Затем с громким хохотом отбежала, задирая на ходу юбку.

– Эй, есть кто дома? – крикнул Сафар. – Уберите эту сумасшедшую.

Подбежали несколько мужчин и утащили брыкающуюся старуху прочь.

– Несчастливая, – пожалел ее Асланджерий. – Кто бы мог подумать, что ее муж так плохо кончит.

Он имел в виду полковника Лаврова, тело которого сам же когда-то отбил у грузин. А эта несчастная была его женой, ее похитили горцы, когда разгромили Нартсану. Тогда она была молодой женщиной, и звали ее Вера Даниловна. Теперь она тронулась умом и превратилась в грязную старуху, а имя ее все позабыли и называли просто «бедной сумасшедшей». Похитил Веру Даниловну не кто иной, как Сафар. Он целый год ждал, что за нее дадут выкуп, но так и не дождался. Тогда он решил сделать ее своей наложницей. Но и от этой мысли пришлось отказаться – ведь он считал себя «чистым мусульманином».

Говорили, будто Вера Даниловна происходила из знатной семьи, едва ли не генеральская дочь, – всякое говорили, но никто не знал, что на самом деле она дочь простого отставного солдата. Потому и выкупать ее было некому. Попытался было Сафар продать ее турецким работорговцам, только цену за нее не давали. И он решил обождать, все еще надеясь получить за пленницу вознаграждение.

Прошло еще время. Однажды, гостя у Сафара, заметил Веру Даниловну Даут-Бей. Ему понравилась эта статная женщина, и он без обиняков предложил ее продать. Но Сафар возразил: «У нас принято дарить гостю то, что ему приглянулось», – и отдал пленницу англичанину. Но очень скоро Даут-Бей вернул ее со словами: «Эта бешеная только и знает, что царапаться и кусаться». Так она снова оказалась на подворье Сафара.

Один раз она сбежала. Искали неделю – не нашли. Наконец попала на опушке леса, и ее, обессиленную, привели обратно в кандалах.

– Нет, негоже треножить женщину, – сказал Сафар, и ей развязали ноги. Тогда он впервые пожалел ее и погладил по голове. Затем испугался и целую неделю мыл руки с мылом и тер песком, чтобы от него не несло гяурским духом.

Шло время, а о пленнице никто не спрашивал. Она смешалась с прислугой и стала говорить на адыгском. Оставалось одно – обратить женщину в мусульманскую веру. Но, как ни пытались, она не согласилась. Ее крепость в вере удивляла и вызывала молчаливое уважение у челяди, за это ее, казалось, еще больше полюбили. Так шло время, пока в одно утро среди слуг не началась суматоха: «Русская умом тронулась!».

С того дня никто не видел Веру Даниловну прежней. Смастерила себе тряпичную куклу и играла с ней целыми днями, приговаривая что-то на одной ей известном смешанном наречии...

Смятение было сейчас в душе князя Асланджерия. Да нет, не сиюминутное то было настроение. Пожалуй, в последний год он слишком часто стал задумываться о прожитой жизни. Для чего жил? Разве следовало когда-нибудь заранее намеченным путем? Нет, жил как придется,

и шел, куда доведется. О своей выгоде только и пекся. Никому добра не сделал, а вот зла натворил немало. В такие минуты упорно вставал перед глазами облик замученного Бота с выжженным на груди крестом. А какое злодейство учинили они у арыка в ногайской степи! Ногайскому хану залили глотку раскаленным маслом, скот его угнали и продали в Тифлисе, а дочь продали туркам в рабство. Или когда сорвал со слуги белый тулуп – человек низкого сословия не имел права носить белую одежду! – и топором изрубил на куски...

Есть что вспомнить и о чем задуматься князю. Вот прожил он жизнь, казалось, гнул свою линию, а была ли она, эта линия? Вот война идет и идет, а он вроде бы и ни при чем. Интересы народа его не волновали, и с русскими особо не сдружился, хотя водился с ними – все ради своей корысти, не более того. И веры особой в душе не питал. Что же он за человек такой, без души и без веры? Вроде поводья в руках, а куда повернуть – не знает. Правит теми поводьями случай, а не сам он. Как придется, так и повернет... И зачем сейчас опять эти мысли, из-за которых он снова и снова падает духом?..

Из приоткрытого амбара выскочил козленок, стал облизывать ноги вицы сидевшего неподалеку князя. Тот пнул его легонько – не до тебя, мол, и снова ушел в свои думы. А козленок фыркнул и снова нырнул в амбар – вдруг перепадет что.

Ему остается только корить и проклинать себя за то, что не смог прожить жизнь как подобает, не было у него никакой благой цели. Князь с раздражением чувствовал, что почти завидует своим недавним недругам – Шамилю и Шоре, они в его глазах стали воплощением мужества и отваги.

И правду сказать, ведь Шамиль ни разу не свернул с пути. И Шора тоже. Оба не изменили ни цели своей, ни мечте. Выходит, они-то и есть настоящие мужчины и герои. А он, Асланджерий, кто он? Почему в молодые годы, когда был полон сил и отваги, не увидел он цели, не сумел разглядеть истинную дорогу?

И сколько же воды должно утечь, чтобы человек остановился и призадумался о своем месте на земле? Неужто вся жизнь? Почему-то у некоторых получается сразу выбрать верную дорогу, а прочих такие мысли посещают лишь под конец жизни. И в кого он такой уродился? Верно, в отца, тот слыл вспыльчивым человеком, который сперва делает, а потом подумает. Вот мать – та была весьма степенная и мудрая женщина, с ней даже мужчины совет держали. Нет, сын точно не в мать, это понятно...

Вера Даниловна поймала козленка и теперь носилась с ним по двору, как с куклой. Несчастливая. Князь Асланджерий почувствовал новый укол совести. Грех за эту бедняжку и на нем лежит. Ведь мог вернуть ее русским, мог к мужу отвезти, а не сделал. Отвезти ее сейчас – русские

скажут: какого рожна мычал и телился до сих пор? На что она теперь, старая и безумная? Так и скажут, сам Воронцов попеняет. Чем искупить теперь эту вину? Что он может сделать для нее?

Нет, в Кабарде сейчас и делать-то нечего. Все переменялось, считал князь. Все встало с ног на голову. Людей стоящих не осталось, и дела стоящего не найти. И ничьей вины в том нет, виновато само время. Мужчин мужчинами время делает, а не мужчины делают время, как они о себе мнят. Он, Асланджерий, понимает это, только утешение в том слабое. Видно, нет больше его доли в Кабарде...

Князь встал, тяжело вздохнул и прошелся по двору. Красивые места здесь, в ауле Сафара. Спереди – живописный вид на реку, сзади аул опоясывает густой лес, над ним во весь горизонт виднеются заснеженные вершины. Большой аул тянется далеко вдоль берега, а дом Сафара стоит особняком, на возвышении в верхней части селения. Дом построен в традиционном адыгском духе – длинный, со многими дверями и длинной верандой. Между опорами веранды протянуты веревки, на которых вывешены вещи домочадцев, сушатся овечьи и медвежьи шкуры.

Князь равнодушно окинул взглядом эту привычную картину и неспешно направился за дом. Там в тени раскидистого дерева устроилась кучка сельчан, а в центре расположился известный говорун Мыко. Этот всегда искал свободные уши, а если не с кем было поговорить – говорил сам с собой.

– Вот, скажу я вам, не умея говорить по-русски, нечего и соваться куда не след. Иной не может отличить печухи от чепухи. Меня, братья, иной раз сам наместник вызывал, люблю, говорит, Мыко, слушать твою русскую речь, давай-ка побеседуем по душам. Так-то. А то едут в город, по-русски ни слова сказать не умеют, и все им одинаково – что чепуха, что печуха. Вон Тазия хоть взять, тоже, неуч, сунулся в город, повез продавать сыр, что жена за весь год наготовила. Ну, стоит на базаре, подходят русские, пробуют сыр, спрашивают почем. А он-то не знает, что такое «почем»! Так и простоял весь день, ввечеру привез товар обратно. Жена и спрашивает, почему не продал ничего. А он: «Да они только почем давали, я и не стал продавать». Вот ведь какие неучи среди нас встречаются!

Князь Асланджерий стоял за деревьями и прислушивался к этим нехитрым шуткам и смеху. У Мыко только и был предмет для насмешек, что бедняга Тазий. Откуда только берет свои байки. А тот знай себе продолжает:

– Вот, к слову, если тебе дали чего или доброе дело сделали, – что надо сказать?

– Спасибо, – живо отозвался один парнишка, слуга Сафара. – Надо сказать «спасиб».

– Нет, – замахал рукой Мыко. – Спасиб говорят никудышные людишки. А такие, как Мыко, говорят «мерси». Понятно? Мерси, – и он сделал потешный реверанс.

«Ага, – усмехнулся Асланджерий, – наш Мыко покончил с русским языком и взялся за французский». Он бы и дальше прислушивался к беззаботной болтовне аульчан, только дело, по которому он прибыл к Сафару, не давало ему покоя. И он направился в дом. Как же некстати нагрянули сюда гости. Князю не терпелось переговорить с Сафаром. У него несметные табуны породистых кобылиц, и Асланджерий хочет взять у него с полсотни и запустить в свои косяки. Сейчас у адыгов мода пошла на конзаводы, их так и называли теперь на русский манер, а не просто конюшнями.

Сафар считался одним из самых влиятельных бжедугских князей, и потому была у него не одна кунацкая, как у всех, а две, большая и обычная. Сегодня хозяин принимал гостей в большой кунацкой, и князь Асланджерий направился туда.

Гостей было так много, что их едва вмещала просторная комната. Самым почетным гостем был, конечно, Роджерс, который, как говорили дворовые, «пересек семь морей». И Эмин был не на последнем счету на этом пиру, он любил время от времени показаться среди горцев и подчеркнуть свое влияние. Все считали, что его прислал лично Шамиль, и потому почет оказывали особый.

В честь дорогих гостей убранство было праздничным. На полу большие войлочные дорожки, на стенах нарядные ковры, увешанные дорогим оружием. Сразу от входа бросался в глаза закрепленный у стены сверкающий щит, кольчуга, наколенники и налокотники. Казалось, прямо перед глазами возник средневековый воин. Тут же рядом – сверкающий колчан со стрелами, по другую сторону – огромный меч. Все это снаряжение, как утверждал Сафар, досталось ему от прадеда. И простой люд верил этой легенде.

2

В кунацкой некоторые посторонились, пропуская князя Асланджерия: все-таки гость, издалека прибыл. Усевшись на место, он увидел большую карту на всю стену. По словам Даут-Бей, это была карта земного шара.

– Землю принято делить на пять частей, – говорил он, – Европа, Азия, Африка, Америка, Австралия. И от всех этих земель под властью Англии сегодня находятся вот эти части, – Даут-Бей очертил пальцем границы Индии, – сами судите, много это или мало. Вытянуть эти границы в одну линию – будет три месяца пути верхом на верблюде. Тут много народностей обитает. И мы зла не чиним никому. Где мечети нет – строим, у

кого скота нет – даем, кому тканей надо – привозим. Кому-то укрыться нечем, или надеть нечего – всем помогаем.

Покончив с азиатскими колониями, он перешел к Африке, затем показал на карте зависимые от Англии американские территории. Они были выделены бордовым, и вся карта была расцвечена этим цветом. Горцы понимали не все из того, что говорил Даут-Бей, но одно они видели своими глазами: Англия – это мощь, она великая и сильная, и даже Россия не может с ней тягаться.

– А где здесь Кавказ? – тяжело приподнялся с места Сафар.

– Вот твой Кавказ, – Даут-Бей показал на карте.

– А Англия?

– Вот Англия.

– Ну, чудеса, – развел руками Сафар, – такая маленькая держава, а столько земель смогла занять.

– Не занять, а завоевать, – поправил его Даут-Бей.

– Какая разница, – подал голос Эмин. – Чего не завоюешь, того не займешь...

– Погоди, Даут-Бей, – нетерпеливо перебил Сафар, – вы на карте и Англию, и все занятые ею земли одним цветом выкрасили.

– Ну да, чтобы понятно было...

– Но вы и Кавказ той же краской замазали, а ведь он не ваш! – Сафар своим огромным телом заслонял половину карты.

– Сказано же – чтобы понятно было, – раздался чей-то голос.

Кунацкая загудела. Все поняли смысл брошенных кем-то слов.

– Встречал я двух индусов, так они рассказывали, что вы непокорных привязываете к дулу пушки и расстреливаете. Они своими глазами видели! Такова ваша милость? – Это говорил Берзедж, которому не по нраву было, что англичанин крутится среди горских племен.

– Кто-то провинившихся за бороды связывает, кто-то к пушкам привязывает – все одно, – сказал Сафар, намекая, что и Шамиль не ангел.

По правде, Сафар недолюбливал этого заморского ходока. При виде его он неизменно вспоминал одну неприятную историю. Ехали они в один аул по узкой тропе над пропастью – он, Даут-Бей и француз Жозеф. В какой-то момент Даут-Бей пришпорил лошадь и толкнул едущего впереди француза, и тот полетел в теснину вместе с конем. Тогда Сафар не понял, что англичанин сделал это нарочно, думал, что лошадь понесла. Тем более, что закричал он так отчаянно, будто сам сорвался со скалы. Правда, закричал, когда всадник с лошадью уже были на дне пропасти. Лишь спустя время Сафар сопоставил все и начал понимать, что произошло на самом деле...

Эмин встревожился: эти споры могут завести горцев куда не надо, так можно и до свары дойти. И потому сказал примирительно:

– Ну, будет вам. За гостем последнее слово, таков обычай. У меня вот вопрос к тебе, Даут-Бей, даже два.

– Слушаю вас, высокочтимый Эмин.

– Как же вам удастся привести к согласию столько народов?

– Под страхом смерти, как еще! – встрял Берзедж.

– Я не тебя спросил! – Эмин нахмурился. – Итак, как у вас получается держать в узде столь разрозненные народы?

– Ясно как, уважаемый Эмин, – вкрадчиво заговорил Даут-Бей. – У нас, как вы знаете, есть король. Все в его руках. Будут ли народы процветать, или их ожидает крах – все зависит от мудрости короля. Вот у вас, адыгов, есть поговорка: сделай жука жожаком – он в навоз заведет.

– Это верно! – развеселились горцы.

– Лучше не скажешь!

Даут-Бей умолк и не спеша оглядел находившихся в кунацкой. Следовало быть очень осмотрительным сейчас. Ему ли не знать устройство старой благополучной Великобритании. Только надо рассказать об этом словами, понятными для горцев, притянуть чуждую для них действительность так, чтобы казалась она близкой и простой.

– Вот есть у нас парламент, – снова заговорил он. – Это вроде вашей хасы. Здесь решается все, что происходит и будет происходить в стране. И есть суды, это как ваша махкама. А все это подвластно королю. Вот этого у вас и нет. Потому и не ладится здесь ничего. Вы друг друга не слышите, семь ветвей – и каждая считает себя первой, каждый считает себя норовистее и главнее. Один седлает коня – другой спешивается. Нет чтобы всем вместе поднять оружие – а у вас один достает кинжал, а другой кладет в ножны. Дай вам Джульфикар – карающий меч Пророка, и его альпа Альборака – даже тогда вы ничего не сможете против царя.

– Это почему же? – подал недовольный голос Эмин.

– Потому что лада между вами нет, единства. А русским того и надо. Три десятка лет Шамиль вел войну в одиночку, и вы не помогли ему ни единым ударом шашки.

– А как бы мы им помогли? – сказал в оправдание Сафар. – Где он и где мы? Сам посуди.

– Не в расстоянии дело. Вам надо было подниматься вместе с Шамилем. Поглядите, что с вами русские делают.

Даут-Бей достал из кожаного хурджина другую карту и приколот ее поверх карты мира.

– Вот здесь чеченская земля, здесь Кабарда, рядом Осетия, потом идут дагестанские земли. Теперь смотрите: по всем границам между вами русские поставили свои крепости, поселили казачьи станицы. Берега Терека и Сунжи сплошь заняты станицами, и таким образом Чечню отсеки от Кабарды. В низовьях Терека обосновались осетины и кабардинцы, вплоть до самого Дагестана. А на берегах Псыжа что? Все

низину кубанскую заселили русскими станицами и вбили клин между Кабардой и другими адыгскими землями.

Горцы слушали Даут-Бей, затаив дыхание, словно он говорил что-то новое для них. Раздались голоса:

– Верно говорит!

– Так и есть, разве нет?

– Если бы все горские народы поднялись разом, – продолжал свою пылкую речь Даут-Бей, – русским пришлось бы туго. Но вы все думаете да спорите, а враг не дремлет, он давит вас поодиночке!

– Да, это так!

– Пока вы, черкесы, раздумываете, русские покончат с верными Шамилю чеченцами и дагестанцами, а потом и от вас живого места не оставят! Так и будет, клянусь вот этим священным знаком, коего меня удостоили высокой милостью! – Эмин и здесь не преминул вернуть слово о султанском фирмане. – Пусть Шамиля нет больше с нами, но пока огонь его горит, нельзя останавливаться, надо что-то делать!

– А что прикажешь делать нам?! – В голосе Берзеджа звучало раздражение.

– Бороться. Воевать, пока на костях мяса не останется, как говорил имам.

– Мало нас, наших сил не хватит противостоять Арасее.

– Вы самый большой народ на Кавказе. Вы можете полсотни тысяч всадников выставить, если поднапрячься! Могу поклясться вот этим, – Эмин снова привычно похлопал по турецкому ордену на груди, – вы сможете, стоит лишь бросить клич! Мы велели на каждые десять дворов одного верхового снарядить. И что, снарядили? Нет! От силы пять тысяч! А где остальные двадцать пять тысяч? Мы-то вознамерились пройти через Карачай в Кабарду и там поднять народ. Куда там!

– Так время уборки сейчас, – попытался оправдать земляков Сафар. – Людям недосуг. Надо бы на осень перенести сбор...

– Война не знает осени или весны! – обрубил его Эмин. – Вот подступит враг – вам тогда не до урожая будет.

– Да, соглашусь, – кивнул Сафар. – От пришлых добра не жди.

– Пришлые тоже люди, – подал голос доселе молчавший князь Асланджерий. – Как придут, так и уйдут.

– Они не за тем пришли с мечом, чтобы уйти! Такого не бывало еще! – взорвался Берзедж. – Как осядут на наших землях, так все, попробуй сесть не по-русски, ступить не по-русски – из тебя мигом выбьют и язык твой, и хабзу, а самого на каторге сгноят!

– Может, не такие они и звери, эти русские, – не сдавался Асланджерий. Его бесило, что выходцы из знатных адыгских родов заглядывают в рот Эмину. – Эта вечная война ничего хорошего нам не дает, только народ изводит. Вспомните пословицу: кто чумы избежал, того Хамбалаей

унес. В бою возле той речушки мы не меньше двухсот своих воинов положили, и все из князей и уорков...

– Да будет светлым их ахрат, – мужчины почтительно привстали.

– И что же делать нам, – с горечью посетовал Сафар, – справа лезут, слева лезут. И за что нас Аллах наказывает? Не знаем, куда бежать.

– Не надо никуда бежать, нужно удержаться на своей земле, чего бы ни стоило! Иного выхода не вижу...

– А русские, с ними как быть?

– Придется с ними поладить. – Князь Асланджерий говорил уверенно. В последнее время, когда русские стали напирать все сильнее, многие стали поговаривать о переезде в Турцию. Все были уверены, что русские пришли лишь за тем, чтобы обратить всех мусульман в гяурскую веру и научить есть свинину.

– Поладить, говоришь?! – Берзедж подскочил, его благообразное белобородое лицо так и вспыхнуло негодованием. – Значит, поладить. Это как же? Мы вот с кабардинцами поладили, довольно с нас.

– А к чему ты сейчас кабардинцев задеваешь? – теперь вспыхнул Асланджерий.

– А ты не знаешь? Разве не вы, на беду свою и нашу, первыми с русским царем Иваном породнились тому три сотни лет, отдав ему в жены княжну Гошаней, дочь верховного князя Темрюка? Не с вашей ли помощью русские притопали к нам от самого Индыла? Забыл об этом, Боматов сын? Еще бы вам не мириться с русскими! Да вас одной дорогой гнать надо вслед за ними!

– Ты, Берзедж, говори да не заговаривайся! – Князь Асланджерий вскочил, выхватил кинжал из ножен и двинулся к обидчику. – Тут найдутся мужчины, готовые заступиться за честь Кабарды!

– Пустите его, пусть идет, – крикнул Берзедж тем, кто попытался остановить князя. – Пусть подойдет только!

Но между ними с ревностью, неожиданной для столь грузного тела, возник Сафар:

– Этого еще не хватало, – крикнул он, – чтобы мой зять и мой брат порубили друг друга!

Неизвестно, что случилось бы дальше со спорщиками, но вдруг дверь кунацкой распахнулась, и на пороге возник мужчина среднего роста, весь в крови:

– Пока вы рассиживаетесь, там наших истребляют! – и рухнул наземь.

3

По задумке Эмина от каждых десяти дворов полагалось снарядить одного конного воина. Его снаряжение и месячное пропитание надлежало собрать с этих самых десяти дворов. Одно войско числом до

десяти тысяч всадников должно было атаковать Черноморскую линию под воеводством Берзеджа. Другим десяти тысячам шашек предписано было прорвать Кубанскую линию и взять штурмом бжедугский город Бжедуг-Кале, прозванный русскими Екатеринодаром. Здесь верховодил Зан. Третье войско, конно-пехотное, планировали бросить на Геленджикский форт во главе с самим Эмином.

По ущельям были разосланы те, кто отвечал за сбор новобранцев. Все началось у аула Тлостанбека Балатоко, известного терпимостью к русским. Гонцам навстречу вышли посланцы рода Балатоко и сообщили, что не дадут ни одного всадника. Возник спор, перешедший в свару. Пришлые схватились за шашки, хозяева ответили тем же. Кончилось тем, что люди Эмина убралась восвояси, увозя с собой убитых и раненых.

Едва окровавленный гонец сообщил о случившемся, Эмин велел всем седлать коней и вместе с муртазаками направился к аулу, где с его людьми обошлись столь неучтиво.

И вот два войска шли друг на друга, обнажив шашки. Шли спешившись, закатав рукава и заправив полы черкесок за пояса. Две безмолвные толпы, одержимые гневом, с налитыми кровью глазами, шли навстречу друг другу, сверкали на солнце клинки. Одна сторона думала лишь об одном: как посмели они ослушаться нашего приказа? Другие же не могли смириться, что кто-то пытается ими повелевать. Каждый знал, что стал посланником смерти, но никто и не думал отступить.

Стоя на стоге сена, наблюдал за сближением врагов Эмин.

– Выходит, почтенный тесть мой Тлостанбек Балатоко, – произнес он вслух, – не жить нам с тобой вдвоем на этом свете.

4

– Мы породнились не затем, чтобы спорить и ссориться день ото дня. Пойми, Тлостанбек, нельзя, чтобы один строил, а другой ломал.

– Вот и я о том же.

– Я не желаю ни крови твоей, ни беды.

– Я тем более.

– Если мы с тобой родственники, кто-то должен уступать.

– Ты младше, вот ты и уступай, как по хабзе положено.

– Не пойму я, чего ты добиваешься.

– Не баламуть народ, не сбивай их с толку, вот чего!

– Это как понимать?

– Ты их натравливаешь на других, житья не даешь!

– На кого натравливаю, говори уже.

– На русских.

– А ты что теряешь от этого?

- Народ свой теряю, вот что.
- Больно ты о народе печешься, ты в услужении у русских, только и всего! Послушал бы, что о тебе говорят!
- Обо мне чего только не говорят, будто я русским продался, и много чего еще. Только клевета это все, подлая ложь. Да, меня звали на царскую службу, сулили чины – и подполковника, и флигель-адъютанта при дворе царя. Только честь моя и народ мой дороже всех их мундиров, и шапки чужеземцев я не примерял, в отличие от некоторых.
- Ты об этом? – Эмин снял с головы турецкую феску.
- Э, это лишь малая часть. У мужчины одна цель должна быть в жизни, один путь. И это не личная выгода. Надо уметь поступиться своей корыстью ради своего народа. Нельзя, чтобы сородичам когда-то было стыдно за тебя. Вот что меня ведет, Эмин.
- Это все слова.
- Ошибаешься.
- Может, и ошибаюсь в чем. Но одно знаю точно: ты лишь к тому ведешь, чтобы русским позволить верховодить твоим народом. И так было всегда.
- Приходится уступать, когда не можешь победить. У нас нет иного выхода.
- Это почему же?
- А ты будто не понимаешь. России нужен выход к морю, и с Севера, и с Юга. И она не успокоится, пока не получит желаемое.
- Если так пойдет и дальше, Россия и за море пойдет.
- Это уже не наша забота.
- Да ты в своем уме?! Русские подомнут нас, вихрем пройдутся по нам! Отнимут и веру нашу, и язык, и хабзу!
- Когда стоишь на пороге гибели, надо хоть как-то сохранить себя, вот что я думаю. Мы от века несчастный народ... Ни государства своего, ни даже единого стольного города не сумели построить, чтобы было куда голову приклонить. Недосуг было за спорами и междоусобицами...
- А ты, я вижу, не прочь пройтись едким словом по соплеменникам!
- Обидно мне, горько, что не дал нам Бог того, что другим досталось! Нам дай себя похвалить за хмельным столом, сплясать на веселом пиру, тут нам равных нет. Видать, Всевышний отнял у нас голову и дал взамен ноги...
- Да, жесток ты к своим!
- Жесток, потому что люблю без меры. Вот слышу я, что люди собираются с места сниматься да за море ехать. И подбиваете его вы, ты и тебе подобные! Да лучше со своей собакой кусок хлеба делить, чем на чужбине выживать.
- Так они в Стамбул собираются, что в том плохого.

– Что плохого? Гибель тому, кто в Стамбул не едет, и дважды гибель тому, кто уехал – не слышал такого?

– Доведут до беды твои разговоры.

– Меня пусть доведут, а народ мой спасут. Это вы, ты и сын Зана, с вашими нескончаемыми войнами толкаете адыгов в пропасть.

Таким был последний разговор зятя и тестя. Эмин послал за Глостанбеком гонца, приглашая на разговор. Тот приехал, хотя младший должен был сам явиться перед старшим. Но что поделаться, зовущий всегда старше, говорят адыги. Привезли его в узкую теснину, где Эмин поджидал тестя в укромном месте, тихом и неприметном. Он давно заметил этот уголок. Не сразу можно было заметить узкий глубокий лаз, а может, звериную нору в расщелине. У входа лежал громадный валун, который под силу было сдвинуть разве что трем-четырем мужчинам.

Глостанбек старался не думать, для чего привезли его в это богом забытое место. Щуплый и неприметный человек, держался он с большим достоинством и ничем не выказывал беспокойства или страха.

Эмин сидел на траве, скрестив ноги по-турецки. При виде тестя он поднялся, воздел руки к небу и сказал:

– Видит Аллах, не хотел я твоей крови. – С руки его соскользнули четки и бесшумно упали на траву. Это был знак. Муртазаки набросились на Глостанбека, оторвали его от земли, как сухую корягу, и бросили в расщелину, тут же завалили лаз валуном. А чтобы ни лучика света не увидел больше Глостанбек, замазали щели глиной и песком.

– Так-то лучше, – произнес Эмин...

Месяц спустя обеспокоенная дочь спросила у мужа:

– Что-то от отца ни духу, ни слуху. Ничего не знаешь, куда он запропастился?

– Откуда мне знать, – безразлично откликнулся Эмин. – Ходят слухи, будто к русским подался. Россия большая, и бабенок вольных там много.

Перевод с кабардинского Л. Маремкуловой

СОКРОВЕННОЕ

Миниатюры

О словах и чувствах

Грубые слова разрушают мир. Страшные, жесткие слова, которые мы накопили за тысячи лет. Но в каждом из них сокрыты доброта, чистота и правдивость, которые стали чужды людям. Которые могут спасти нас от ужасных, грубых слов, сотрясающих мир и даже способных разрушить мир. Если нам повезет, то удастся очистить их от наносной шелухи, пока мы еще живы.

О неизбежном

Как говорили в старину, мир – чередуемый престол. Огромный престол, на котором мало мягкого и много жесткого. С плачем садимся на него, потом боремся на месте на нем, и не успеваем передохнуть, как нас просят его освободить. И в конце нас всех ждет одно – темнота. И тех, кому жестко сиделось, и тех, кому сиделось мягко.

О молодости

Молодость остается в душе, даже покинув тело. Она светится в глазах старости подобно тому, как узник с завистью выглядывает из темной ямы.

Поэзия

О поэзии сказано все... кроме того, что она собственно собой являет.

О тайнах мира

Мы мним, что этот старый мир кристально понятен. На самом деле мир – большое сплетение затаившихся тайн. Хотя нам и неизвестно, что скрывает каждая из них. Какое счастье, что мы не задумываемся о своем незнании.

Что такое стихи

Стихи, если они стихи на самом деле, сплетаются из особых нитей, отматываемых от сердца. Таких стихов мало. Очень мало. Ровно столько, сколько можно отмотать от сердца.

О людях

Умных людей очень много. И тех, кто мудро говорит. И тех, кто достойно живет. И тех, кто отлично знает: не полезешь в воду – не утонешь. Но мало, очень мало тех, кто красиво ошибается.

Адыгэ хабзэ

Рассуждающих об адыгском этикете очень много. Значительно меньше тех, кто ему следует. А когда слушаешь эти приторные речи, отдающие запахом дешевых духов, чувство такое, будто горячо любимого тобою человека накрывают черной буркой. И становится страшно.

О матери

Говорить, что любишь свою мать, все равно что утверждать, что за весной следует лето, а на ольхе не растут яблоки. Матерей не просто любят. Любимые живут только в сердце. Матери же – это часть нас самих. Либо мы – их. Их радость – наша радость. Их боль – наша боль. И когда умирают матери, они забирают часть нас, а часть их остается в наших душах.

О любви

Любовь сравнима со сказкой, полной чудес, со сказкой, чья концовка не известна никому. С удивительной сказкой, излучающей яркий свет. Сердце стремится к ней, душа ее зовет, тело тянется к ее конечному чуду. Некоторым и вправду посчастливится познать это чудо, сравнимое с раем на земле. Но таких мало. Их можно по пальцам пересчитать. А большинство мечтателей сталкивается с совершенно неожиданным: край обрыва, манящий самыми красивыми цветами. И бездонная пропасть, в которой сгинули многие безумно влюбленные.

Наши имена

У имен, как у людей, своя жизнь: они переходят от одного человека к другому, на них остается налет времени, некоторые быстро исчезают, другие оказываются долгожителями.

В старину выбору имени для ребенка придавалось большое значение. Считалось, что от этого зависит судьба человека. Бывало, новорожденному давали плохое имя, неблагозвучное. В любых жизненных событиях наши предки видели волю Бога и полагали, что, нарекая ребенка незавидным именем, можно отвести от него смерть и болезни. Так, в тюркской традиции бытовали имена, означающие «грязный» или «гнилой».

Адыги тоже называли детей именами-оберегами от сглаза.

Некоторые из исследователей нашей истории находят свидетельства того, что у адыгов-язычников собаке отводилась роль божества. А если вспомнить времена, когда все народы поклонялись животным, что отразилось в преданиях, то в это легко поверить. Еще одним доказательством служит то, что адыги и сегодня с особым почтением относятся к собаке. Всегда считалось добрым знаком растить щенка вместе с ребенком, а также называть ребенка именем, в котором был корень «хъэ» (собака).

Вероятно, отголоском давних времен, когда собака считалась божеством, остались такие имена и фамилии, как Хъэзешэ, Хъэнащхъуэ,

ХьэкIагуэ, ХьэпашIэ, Хьэпагуэ, ХьэцIыкIу, ХьэфIыцIэ, Хьэмышэ, Хьэшыр.

Возможно, позднее возникли женские имена: Хьэбыцэ (Хьэ-Быцэ), ХьэКIуцэ (Хьэ-КIуцэ), ХьэКIулэ (Хьэ-КIулэ), Хьэунэ (Хьэ-Нунэ). Происхождение этих слов отличается от упомянутых выше. Слова первой группы указывают на связь с внешним видом собаки или действиями, производимыми с ее помощью. А вторая группа слов образуется объединением корня «хьэ» и не связанного с этим корнем имени.

Чтобы ребенок для своего рода, для семьи приносил удачу, выбирали имена Дэунэ, Кьыдэгъазэ, которые переводятся как «приманить радость, счастье».

У адыгов есть и имена, благодаря которым, как считается, дети могут вырасти сильными, здоровыми, храбрыми, красивыми. В большинстве своем такие имена даются по качествам, присущим тем или иным животным, растениям и небесным светилам. Например, Аслээн (Лев), Кьэплээн (Тигр), Пыл (Слон), Щыхь (Олень), Тхьэрыкьуэ (Голубь), Дыгьэ (Солнце), Мазагьуэ (Лунный свет, сохранившееся адыгейское женское имя), Дадий (душица, название растения).

Имена Псэбыдэ (сильный духом), Гьущыпсэ (железный дух) также имеют свою историю. Родители, у которых прежде умирали дети, называли новорожденных мальчиков этими именами, чтобы отпугнуть смерть от своих детей.

Интересна и история образования имен Теувэж, Увыжыкьуэ, Увыж. Многодетные родители, которые не могли поднять или не хотели больше иметь детей, следующего ребенка называли одним из имен, обозначающих «остановиться на этом». И тому, что большинство этих детей были поздними, есть свидетельства.

Имена Хуэмей (нежеланная), Ямыдэ (ненужная), Гуашэмьдэ (неудобная свекрови) давали те родители, у которых было много дочерей, и рождалась еще одна дочь. Это еще раз показывает, что родители всегда хотели сыновей.

Имя Хьулей (лишний мужчина) давалось очень редко, потому как адыги отдавали предпочтение сыновьям – чем больше их в роду, тем лучше. Но это имя показывает, что в семьях, где было 3-4 сына, желали рождения дочери.

Детей, родившихся в военное время, называли Зэуал.

Перевод с кабардинского Светланы Сиховой¹

¹ Светлана Сихова живет и работает в г. Нарткала. По профессии преподаватель и переводчик с английского языка. Литература занимает особое место в ее жизни. Чтение – ее хобби с детских лет, которому она посвящает все свободное время. А с недавних пор Светлана увлеклась художественным переводом с английского и кабардинского языков.

Фатима УЗДЕНОВА,
старший научный сотрудник
Института гуманитарных исследований
Кабардино-Балкарского научного центра РАН,
кандидат филологических наук

ПОСМОТРИ МНЕ В ЛИЦО...

... Ушёл из жизни один из авторов, чьё творчество олицетворяет весь эволюционный путь национального эстетического сознания. Один из поэтов, воплотивших в своих произведениях дух Родины настолько явственно и рельефно, что даже в переводных текстах, принадлежащих его перу, ощущается непреходящая мощь гор Кавказа, прохлада и глубина ущелий, ярость и ледяной холод рек нашей прекрасной Отчизны... Балкарцы редко употребляют слово «умер». Истинный горец, он покинул нас и шагнул за перевал – стихотворец, всегда обладавший собственным словом и собственным мнением. Как в жизни, так и в творчестве.

Салих Гуртуев заявил о себе в начале 1960-х, в исторически переломный момент, когда такие полновесные понятия, как народ, Родина, стали приобретать конкретный функциональный смысл. Всеобщая радость, связанная с возвращением на родину, воодушевление способствовали появлению масштабных и высокохудожественных произведений. А его чувство родины, понимание своего единства с народом, было абсолютным. Что ж, для человека, жизнь которого ясно и однозначно повторяла судьбу балкарцев, это не было чем-то неожиданным.

Салих Султанбекович Гуртуев родился 28 мая 1938 года в живописном селении Белая Речка Кабардино-Балкарии, что находится в десяти километрах к югу от г. Нальчика, на виду у вечно белеющих вершин Главного Кавказского хребта. Не одно поколение балкарских поэтов взрастила эта благодатная земля...

Он был ребёнком, когда на фронте погиб его отец. «Помню его смутно, – вспоминал поэт. – В начале войны он был в составе представителей советского командования, которые занимались приемкой военной помощи от США по «ленд-лизу». Эта группа квартировала в Баку. После

К. Кулиев и С. Гуртуев

победы наших войск под Сталинградом вся группа была направлена в действующую армию. По пути на фронт отец остановился на одну неделю дома (они проезжали через Прохладный). Тогда я его и запомнил. Мне было неполных пять лет...» Салиха с братом воспитала мать. Будучи ссыльной, находясь вдали от родины, испытав горечь утраты, она проявила незаурядное мужество и стойкость.

В то тяжёлое время любая посильная помощь детей старшим была неопределима – часто речь шла о выживании родных и близких. Поэтому ещё подростком Салих садится за руль машины. Но жажда знаний, стремление к учебе не оставляют его. «Мало кто из нас, шестидесятников, – вспоминает его современник А. Теппеев, – получил системное образование – из второго в четвертый, из восьмого в десятый – так мы проходили школьную науку. Своему же родному языку нам приходилось обучаться с букваря, с первых номеров национальных газет и журналов».

Первая книга стихов поэта – «Эртден» («Утро») вышла в 1961 году. В ней романтическая восторженность и жизнелюбивый пафос сочетались со стремлением автора познать себя, окружающий мир. Поэт пишет о том, что волнует его, молодого человека, устремленного в будущее. Желание постичь свои истоки проявляется в патриотической лирике («Туугъан жериме» («Родной земле»), «Кавказым» («Кавказ мой»), яркие страницы школьной поры, студенческого общежития и первой влюбленности запечатлелись в стихотворениях «Сарычач кызычык» («Белокурая девочка»), «Университет», «Студент общежитде» («В студенческом общежитии»). В последующих сборниках – «Ныхытла» («Кручи»), «Кюн ортасы» («Полдень») поэт раскрывается как тонкий лирик, внемлющий «голосу» природы, на равных беседующий с ней:

*Посмотри мне в лицо, утро,
Чистой росистых трав.
Укажи мне, утро, мудро,
В чем я прав и в чем не прав.*

Или:

Гора, смогу ли стать тебе я братом...

Иллюзия непосредственности достигается отождествлением объектов природы и состояний души человеческой. Во фразе «Гора, смогу ли стать тебе я братом...» заложен глубокий смысл авторской познавательной-философской ориентации. Поэтизация и эстетизация явлений высшего порядка способствуют достижению гармоничного взаимодействия лирического субъекта и мира объектного. Словно с живым и разумным существом, ведёт разговор с деревцем герой его поэмы «Четыре яблони»:

Ч. Айтматов и С. Гуртуев

*Ты расти и цвети, дерево,
Как растёт человек,
Что вот-вот сам взойдет на крыльцо.
К свету солнца тянись –
Пусть лучом обласкает своим!*

Образы природы – в данном случае, *дерево*, не просто объективно существующая реальность, это символика, отражающая преемственность, цикличность, непрерывность жизни. В поэме С. Гуртуева это образ, олицетворяющий жизнь и судьбу каждого из детей героя: четыре яблони (посаженные Солтанбеком) – по числу наследников – расцветают на опаленной войною земле, знаменуя бессмертие жизни.

В конце 60-х – начале 70-х в литературах народов Северного Кавказа, как и во всей многонациональной литературе страны, появляются произведения, написанные авторами, детство и отрочество которых пришлось на тяжёлые годы войны. По форме это преимущественно поэмы-исповеди, лирические монологи, баллады. Содержание – военная действительность и судьбы военного поколения. Для Гуртуева эта тема – одна из самых напряженных и болезненных. Особенно ярко это просматривается в поэме «Алим», посвящённой памяти Героя Советского Союза, лётчика Алима Байсултанова. Поэма воспринимается как печальный реквием по погибшим, по всем тем, кто ценою жизни отвоевывал мир и счастье народа – в то время, когда далеко в тылу свершалась самая страшная трагедия балкарцев. Параллель «смерть и горе фронта – смерть и горе нации» выступает несущим, сквозным концептом поэмы, во многом определяя её своеобразность и пафосную специфику:

*Пропахла гарью скорбная планета,
Дымы из труб не восходили в небо,*

*И облаков растерянных стада
Над тишиной селений плыли немю.*

Не ведал тогда еще Алим – «Балкарии сын в грозном небе, в ночах Ленинграда» – что свет, утверждавшийся им ценою крови, потускнеет в одночасье: «смерть над целым народом свои распростерла крыла». Увозили людей, «обездоленных злобною волей недоброго часа... / И в дали непроглядной остались сиротами скалы» (стих. «Товарный вагон»).

Беспокойством за судьбу народа, за доброе имя, которое несправедливо запятнано, пронизана поэзия выселения С. Гуртуева. Это еще один пласт раздумий поэта, отчетливо вырисовавшийся в 80–90-е годы, когда было снято табу с «недозволенного слова» и стало, наконец, возможным оглашение исторической правды. С надеждой и тревогой поэт ждет приговора времени. Вердикт вынесен – «Оговорная грязь, ты к народной судьбе не пристала».

С. Гуртуев – разноплановый и многогранный художник, но прежде всего – трагик. Отсюда понятно, почему он так часто обращается к теме Великой Отечественной войны и событиям 1944-го. «Для С. Гуртуева слово «война» имеет особое значение, – пишет писатель Х. Кауфов. – Этим грозным именем связана его тоска по отцу, этой болью на сердце смысливает поэт и чеченскую войну, которая принесла и еще принесет неисчислимые бедствия мужественному чеченскому народу».

В основе лирико-драматической поэмы «Чеченуруш» («Чеченская война») лежит документальный материал. Несмотря на трагедийное начало, поэма пластична, поражает стилевым богатством и образностью языка, в идейном отношении она явилась «послом» мира и согласия на Кавказе, возрождая и утверждая лучшие традиции национального (человеческого!) самосознания.

Внутреннее обогащение лирики поэта осуществляется с годами – и не столько за счет расширения, сколько в результате углубления ее тематики

А. Бегиев, А. Тепнеев, Р. Бозиев, С. Гуртуев

и проблематики, обретения психологизма. В 1988 году выходит в свет солидная по тематике, философская по направленности книга писателя «Пройденный путь». Совершая экскурс в прошлое, анализируя трагические и отрадные страницы истории, поэт пытается решить сложную задачу сопряжения времен. «Куда несет нас рок событий?»

Есенинский вопрос все чаще захватывает его мысли. Ход времени, ход истории неумолим. За плечами – трагический опыт 1944–1957 годов, щемящая боль за погибших на поле сражений. Наяву – беспрецедентность и произвол.

*Не вложит мир никак в покои ножен
Клинки своих тревог... В тумане цвета
Изношенного старого бешмета
И дни мои, и ночи... Мир тревожен.*

Тревога проступает отчетливее, когда «тяжелее и жестче мысли» и «идти не налегке».

Мудрость, что делать? Как жить теперь? Времени нет!

Кажущееся на первый взгляд робким, растерянным чувство автора обнаруживает в себе глубокое понимание образа мыслей и души человеческой. Личность не может быть нежизнеспособной – даже при всех внутренних противоречиях и незавершённости качеств души. Гуртуев видит ценность человека и в его силе, и в его слабости. Индивидуум может быть взволнован, он вправе пребывать в замешательстве и сомнениях перед бездной неопределенности, вправе надеяться и жить.

*Чаши весов.
На них одновременно
Грудь матери и
Жизнь сама легли.
И эти чаши замерли мгновенно –
Друг друга перевесить не смогли.*

Мать здесь – начало всех начал, высшее проявление воли и силы разума, это сама мудрость жизни.

В художественном арсенале поэта можно найти самые разнообразные жанровые формы – миниатюры, элегии, сонеты, поэмы. Но прежде всего поэзия С. Гуртуева привлекает не изобилием форм и композиционных решений, а глубоким пониманием сути человеческой природы, её предназначения. Его философская поэма «Шесть писем совести» – рассуждение об истинных ценностях жизни, своего рода нравственный кодекс поведения, совестливости, отзывчивости.

*Дроби ты камень, сей золу,
До крови разбивай ладонь.
Хоть плачь,
Но совесть свою злу
Не предавай, не жги бедою.*

С. Гуртуев и И. Бабаев

Все фрагменты («письма»), связанные с конкретными адресатами («От детей чилийских патриотов автору», «Тем, кто будет жить в будущем» и т.д.), исполнены заботы и сопереживания, доброго отношения ко всему живому.

«Он прост, но он сложнее смысла сотни стихов, его можно выбить из седла и он способен злиться, но он добр бесконечно» (З. Гоплачев). Добр и чуток: «Я вплеп в свои стихи твое святое имя...». Это из венка сонетов «Ни слова не таю». Обращение к столь сложной поэтической форме, как сонет, показатель мастерства и профессионального роста поэта. Следует отметить, что форму венка сонетов в балкарской поэзии впервые использовал именно Салих Гуртуев.

Всеобъемлющее чувство доброты – основной критерий мерки человеческой личности, определяющее значения поэзии С. Гуртуева. А еще – чувство любви к родине, которое неотступно сопровождало поэта, где бы он ни был, поддерживало в нем силу духа, теплило надежду.

*Надо же, птица какая-то снова
Голосом мамы меня позвала.
Я оглянулся, печальный, и словно
Чувствую ветер родного села.*

На долю поэта выпало счастье «побродить» по миру, созерцать синеву «Тбилисского неба», вдыхать поэтический аромат Зелена Гуры. Судьба забрасывала его в отдаленные уголки нашей Вселенной, и всегда он находил там отголоски родного дома, наблюдал движение родных облаков.

*Чисты эти звезды –
Как очи грузина,
Так бьет родниками
Родная долина.*

«Тбилисское небо»

*...Выше – гуще лес,
Как бы согнал
Облачко-чабан овечье стадо.
Кто по нашим соснам заскучал –
Эти склоны пусть окинет взглядом.*

«Зелена Гура»

С. Гуртуев не раз являлся участником и лауреатом международных вечеров поэзии в г. Сараево (Югославия), принимал активное участие в литературных мероприятиях в Зелена Гуре, Тбилиси. Особенно дорог писателю «венгерский цикл».

«Жизненная активность, энергия жизни и творчества, вложенные в него природой, так велики, что на какой бы стул в общественной иерархии он ни садился, он, этот стул, оказывается для него маленьким и недостаточным... Если бы меня спросили, из чего Салих выпестовал поэта в себе, я бы ответил: из своего характера!» (А. Теппеев). Характера, которому свойственно упорство в достижении благородной цели, сострадание к ранам земли. Продолжая традиции Кязима и Кайсына, он утверждает в балкарской поэзии гуманистические идеалы. «Мы в этом мире странники, друзья, беречь друг друга и любить – вот высшая награда», – таков лейтмотив книги «Ичгенсуум» («Чаша бытия», 1998). В нее вошли произведения разных лет, отражающие творческие изыскания поэта, в том числе поэмы «Мудах кёк» («Хмурое небо»), «Агъачалауур» («Хранитель леса»), по праву вошедшие в ряд лучших произведений национальной художественной словесности.

Стремление правдиво и точно отобразить внутренний мир человека, воссоздать подлинное состояние души в единстве с внешне развивающимися реалиями является характерной чертой творчества поэта С. Гуртуева. Обладая высокой поэтической культурой, он всегда оставался её неутомимым ревнителем, с решительной нетерпимостью относящимся ко всему вычурному, выпренному.

*Нет правды – грош цена любым изыскам,
Нет правды – нет гармонии в помине.
Боишься правды – чистый лист бумаги
Не оскверняй напрасными словами.*

Это стало не только творческим кредо писателя, но и его жизненной позицией.

Переводческая деятельность – еще одна сфера интересов С. Гуртуева. Поэзия многих представителей русской и национальных литератур представлена в его переложениях: А. Пушкина, М. Лермонтова, С. Есенина, В. Маяковского, К. Хетагурова, К. Симонова, И. Тихонова, Б. Пастернака, М. Джалиля, Г. Абашидзе, С. Чиковани, Г. Леонидзе, А. Кешокова, М. Каримова, Е. Евтушенко, С. Нерис, Н. Бараташвили, Д. Гурамишвили, С. Мицкевича, П. Тычины, Р. Гамзатова, Д. Кугультинова и др., югославских, польских, болгарских авторов. Произведения самого поэта переведены на русский, украинский, венгерский, польский, литовский, сербский, турецкий, киргизский, туркменский, азербайджанский языки, а на грузинском издана его книга стихов и поэм.

И. Созаев, С. Гуртуев

Самым же значимым из всего переводческого труда, по признанию самого Салиха Султанбековича, явилось осуществление им перевода на карачаево-балкарский язык «Витязя в тигровой шкуре», над которым он работал десять лет. Примечательно, что поэма переведена размером подлинника – шестнадцатисложным

шаири, что удавалось немногим. Из представленных на Мюнхенский конгресс в 1983 г. 114 переводов «Витязя...», а общее их количество на разные языки мира насчитывало 144, перевод балкарца Салиха Гуртуева был признан одним из лучших. Лингафонное прослушивание текста определило высокую степень соответствия формально-содержательной стороны (включая структурную звуковую организацию речи – ритмику, мелодику, рифму) оригиналу Руставели. Это стало знаменательным событием в истории балкарской литературы, свидетельством высокой культуры национальных поэтических практик и уникального дара самого поэта.

«Когда Салих приступил к переводу «Витязя в тигровой шкуре» Руставели, многие удивлялись дерзости его замысла. Мало кто верил, что он, ввязавшись в бой с самим Руставели, может выиграть сражение. Но теперь, по прошествии многих лет, становится ясно, что на такой подвиг мог дерзнуть только человек, обладающий не только художественным талантом, но и внутренним беспристрастием...» (А. Теппеев).

И еще – немаловажное:

«Если бы Салих Гуртуев ничего больше не сделал в родной литературе, кроме перевода Шота Руставели, этот многолетний титанический труд вполне достаточен был бы для того, чтобы вписать его имя в духовную историю балкарского народа на самой почетной странице» (А. Теппеев). Под этим признанием подписались бы, думается, многие.

СЕМЬЕ САЛИХА

Сообщение о смерти Салиха Гуртуева потрясло и опечалило меня до глубины души. С его уходом из жизни Кавказ потерял великого писателя и блистательную личность, преданного сына отечества и достойного деятеля. Грузия же – преданнейшего друга и большого пропагандиста

грузинской литературы, блестящего переводчика Руставели, Важа Пшавела, Акакия Церетели и современного грузинского писательства. Я сама потеряла моего дорогого коллегу и старшего брата. В Грузии говорят: «На земле, где капает слеза сестры, трава не прорастает». Такая вот жгучая слеза сестры. Такими слезами оплакиваем моего Салиха Гуртуева. Особенно переживаю из-за того, что в эти минуты я не нахожусь рядом с вами, не могу лично разделить с вами горе, но я верю в бессмертие души и уверена, что Салих видит мои слёзы, накопанные на эти строки, и мою искреннюю боль.

Выражаю соболезнование всему Кавказу и Балкарии в связи с тяжёлой утратой, ибо этот великий писатель – сын своей земли и выходец из народа. Соболезную и моей Грузии, ибо для страны трудно найти такого преданного друга, каким был Салих, ибо его стихи на грузинском полюбили грузинский народ и он был членом Союза писателей Грузии и почётным гражданином Тбилиси. Грузинская пресса также отреагирует на эту великую утрату.

Пусть родная земля ему будет пухом, его творчество же останется принадлежностью вечности.

*Маквала Гонашвили,
председатель Союза писателей Грузии*

В адрес Кабардино-Балкарского общественного движения «За единение «Сябры» пришло письмо, посвященное памяти Салиха Султанбековича Гуртуева, с просьбой разместить его в СМИ, что мы и делаем. Не понаслышке знаем, С. С. Гуртуев был замечательным другом Беларуси, в чем сможет убедиться читатель, прочтя это письмо.

*Павел Сидорук,
председатель общественного движения
«За единение «Сябры»*

Не стало Салиха Султанбековича Гуртуева, народного поэта Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, заслуженного работника культуры Кабардино-Балкарии, почетного президента Клуба писателей Кавказа, члена Союза писателей Беларуси. В Беларуси уважают и любят его, как родного.

Он родился в 1938 году неподалеку от Нальчика, где под пронзительным взглядом гор течет Белая речка. И в своих произведениях автор неоднократно будет обращаться к своей малой родине, чтобы всему миру рассказать о значимости в его жизни красивейшего и любимого места.

– Не стать там поэтом было невозможно, – с очень дружелюбной улыбкой на добром открытом лице Салих будет говорить об истоках творческого становления.

Его Белореченскими мотивами очаровались и белорусы, когда несколько лет назад на Республиканском конкурсе юных чтецов «Живая классика» Владимир Булова из Петрикова читал настолько пронзительно гуртуевское стихотворение, что казалось, бежит по камушкам говорливая кавказская речушка, склонившись над которой, видит пророческий сон старое кизиловое дерево...

И пережитое его семьей, его народом будет беспокоить поэта всю жизнь. Как известно, в 1944 году во время репрессий против кавказских народов, его семья была депортирована в Среднюю Азию. После возвращения Салих окончил Кабардино-Балкарский университет, где получил диплом преподавателя балкарского и русского языка и литературы, что дало ему возможность направиться к вершинам художественного слова.

С Салихом Султанбековичем мы познакомились по телефону, когда очень хотелось узнать об опыте работы Клуба писателей Кавказа. Он, на то время председатель, а чуть позже почетный председатель, охотно рассказывал, как создавался клуб: чтобы объединить литераторов, чтобы очень нужное Кавказу мудрое, миролюбивое слово писателя звучало в полную мощь. Он с большим удовольствием откликнулся на предложение возобновить литературную дружбу с белорусскими коллегами.

– Какое раньше оно было у нас плодотворное сотрудничество, – с легкой грустью вспоминал Салих, имея для того повод своего знакомства с мэтрами – поэтами Расулом Гамзатовым, Кайсыном Кулиевым, Мустаем Каримом, держащим тесную связь с белорусскими творцами Аркадием Кулешовым, Пименом Панченко, Максимом Танком.

– Вот бы и сейчас восстановить творческие связи, – мечтал Салих Гуртуев, будучи уверенным в том, что литература – лучшее средство взаимопонимания между народами.

Он – автор более двадцати книг поэзии и литературных эссе, внося заметный вклад в развитие балкарской литературы, в последние годы приложил немало усилий, чтобы белорусско-кабардино-балкарское литературное братство имело большие плоды. Особое отношение Салиха Гуртуева к нашей стране было связано и с тем, что в годы Великой Отечественной войны его многие земляки защищали от гитлеровцев нашу землю. А это – неугасаемая память.

Салих Султанбекович посвящал литературным новинкам из Беларуси полосы, а то и отдельные номера в специальном литературном издании Клуба писателей Кавказа. В прошлом году он презентовал сборник, составленный из произведений белорусских авторов, переведенных им же на балкарский язык. «Мои белорусские друзья» – так искренне назвал

составитель дорогую нам книгу, изданную им за собственный счет и в качестве подарка присланную на Минскую международную книжную выставку-ярмарку.

Тогда Салиха Султанбековича приняли в Союз писателей Беларуси. А билет члена СПБ и значок вручил ему в Нальчике на торжествах в честь 80-летия поэта наш искренний друг из Чеченской республики Адам Ахматукаев.

Лишь однажды нам с Салихом удалось повидаться, дружески обняться. И это благодаря тому, что он шесть часов добирался из Нальчика до Махачкалы, где проходил международный круглый стол, посвященный единению народов Беларуси и России, участвовала в котором и наша белорусская делегация. Как позже выяснилось, Салих плохо себя чувствовал, его не отпускал доктор, а он поехал. «Нужно другу для друга не бояться испытаний», – писал он в одном из своих трогательных стихотворений.

Мне Салих говорил: «Лена, мы обязательно должны провести Дни литературы Беларуси в Кабардино-Балкарии». Он, человек деловой и очень авторитетный, уже обсудил этот вопрос с Главой республики КБР, на что получил положительный ответ и чему очень радовался. Помешала пандемия встретиться нам, принесла беду ему...

И в последние дни своей жизни Салих думал о Беларуси, заботился прислать мне и Алесю Карлюкевичу книги с переводами наших произведений на балкарский язык. Потом звонил, получила ли я отправленные им по почте книги?

Салих, сердечный, дорогой человек!

Какая же широкая у него была душа, имевшая большое жизне- и человеколюбие. Народный поэт Кавказа – образец того, каким нужно быть поэтом и гражданином.

Скорбим вместе с кабардино-балкарским народом об этой горькой утрате.

От всего Союза писателей Беларуси выражаем соболезнования – это наша общая боль. Благодарим за настоящего сына балкарского народа.

Салих Гуртуев любил писать про орлиные высоты. Наверно, он и сам сейчас вознесся к ним. А Белая речка бежит... Не остановиться и нашей реке памяти о великом Человеке и Поэте!

*Елена Стельмах,
первый заместитель председателя
Союза писателей Беларуси*

«Я ЖИВ – ПОКУДА ЖИВ
ЯЗЫК РОДНОЙ...»

Огромная безгласая страна.
Огромное клокочущее горе.
Балкарские простые имена
Хранят чужие небо, степи, горы.

Но даже в самый кровожадный год,
Оплаканный, негданный, проклятый,
Зла не держал на Родину народ –
Ведь Родина ни в чем не виновата.

В горчайших бесконечных поездах,
Где каждый – горя общего частица,
Все было – и неверие, и страх,
Лишь злобою не исказились лица.

Не восходило солнце для людей,
Но вызревала песня в горьких столах.
Пресветлый лик Балкарии моей
Остался чист, как первый снег на склонах.

Перевод Аркадия Кайданова

Орешины на склонах расцветали,
Мужало солнце и дымились вербы
В те дни, когда моим стихам внимали
Хорваты, македонцы, сербы.

– Читай на языке своем родном! –
Кричали из внимательного зала.
И перед горским искренним стихом
Стена непониманья исчезала.

– Читай погромче! – слышалось вокруг.
И я читал собратьям незнакомым.

Язык отцов – мой самый верный друг,
Ты снова мне помог вдали от дома.

Я жив – покуда жив язык родной.
Полк не погиб, пока сохранно знамя.
И словно знамя, стих гортанный мой
Взлетал над югославскими горами.

Перевод Аркадия Кайданова

Вот и ещё один день миновал.
Камни хранят жар июньского солнца.
Листья серебряною изнанкой
Мелко дрожат перед луною.
Горной речушки скороговорка
Вьется и тает меж склонов пологих.
Звёздною шалью ласковый вечер
Нежно укрыл мою Белую Речку.
Вот и ещё один день миновал.
Птичье гнездо не подверглось разору.
Тихо звучит колыбельная песня.
Повода нет сожаленью о счастье
Душу мою беречь и тревожить.
Счастье вокруг, надо лишь оглядеться.
День миновал, полон редким покоем.
Счастье мгновенно и невозвратно.

Перевод Аркадия Кайданова

С каким удовольствием смотрит Добро
На то, как журчит ручейков серебро,
На то, как потом голоса изменив,
Восходят они звонким золотом нив.

С каким наслаждением любит Добро
Смотреть, как в деревне, хоть это старо,
По осени, в свете дерев золотых,
Любовь на смотрины ведёт молодых!

Перевод Даниила Долинского

О мельница жизни!..
В руках её твёрдых
И мира судьбы, и моя, и твоя.
А все водопады земли моей гордой
Бушуют во мне.
Вместе с ними и я.
Да, был я деревом, самым обычным,
Связующим небо с землёю моей.
И тут я искал бы друзей закадычных,
Не смог бы и деревом быть без друзей.
Как прежде, бушуют во мне водопады,
И жизнь не случайно друзей мне дала.
Цветку, что в груди расцветает, не надо
Ничто, кроме дружбы, а значит – тепла.
Да, мельница жизни, грёмя жерновами,
Не сможет цветок этот алый измять.
И жизнь понимает – когда я с друзьями, –
Попробуй на прочность меня испытать!

Перевод П. Градова

ГОРНАЯ ДОРОГА

Горная дорога нам дана от Бога –
Спуски и подъёмы светлы и темны.
Горная дорога будет нам в подмогу,
Если мы, балкарцы, будем ей верны.

Лишь орлу не страшен этот путь тернистый.
Он в высоком небе кружит над землёй.
Ну а нам, балкарцам, выпал каменистый,
Трудный путь, тяжёлый, но навек родной.

Ива клонит ветви к быстрому потоку,
Что журчит в скалах, листья теребя.
Никогда балкарец не уйдёт до срока,
Не познав дороги, не познав себя.

Облако о камни трётся неумело,
Словно тур могучий, опустилось вниз.

Путнику-балкарцу для души и тела
Зреет вдоль дороги алый барбарис.

Есть пути-дороги и прямей, и шире.
Каждому народу Бог дорогу дал.
Но балкарцу краше нету в целом мире,
Чем дорога эта среди гор и скал.

Перевод Виктора Крамаренко

МОЕЙ ДУШИ ОПОРА

Там, где растаяли снега,
Из тишины простора
Бежит Ак-Су, моя река,
Моей души опора.

И напрягая взор и слух,
Росу роняя споро,
Её обнял цветущий луг –
Моей души опора.

А наверху со всех сторон
Вершины ткут узоры,
Там вечный снег лежит, и он –
Моей души опора.

И жеребята поутру
Резвятся у забора,
Играют гривой на ветру –
Моей души опора.

Когда склоняют жизнь мою,
Я, не стыдясь укора,
У ели тихо постою,
Она – моя опора.

Орёл не может не летать
И не глядеть на горы.
А мне земля – родная мать,
Моей души опора.

Дождь покрывает пеленой
Леса и косогоры,
Моё село и дом родной –
Моей души опоры.

А в доме – печь, а в ней – зола,
Детишек разговоры...
Очаг семейного тепла –
Моей души опора.

Очаг зачахнет без любви,
Без ласкового слова.
Любовь ты в доме сохрани,
Она – твоя опора.

И сколько б мне не петь стихов,
Ни слышать разговора,
Медея – вот моя любовь,
Она и есть опора.

Перевод Виктора Крамаренко

ЖИЗНЬ ИДЁТ

Жизнь идёт, года итожа,
Убегает детства след.
Вот и зимняя пороша
В волосах, и лунный свет.

Тяжелей и жёстче мысли,
Мне идти не налегке.
Я сто раз обжёгся в жизни
На воде и молоке.

Путь неведомый торопит.
В кутерьме разлук и встреч
Помоги мне, личный опыт,
Имя доброе сберечь.

Перевод И. Ляпина

«ПО ЗАКОНУ СЕРДЦА...»

7 июля 2020 года Глава Кабардино-Балкарии Казбек Кокоев выразил искренние соболезнования семье, родным и близким заслуженного работника культуры Российской Федерации, выдающегося журналиста и писателя Бориса Мазихова.

«Весь свой жизненный и профессиональный путь Борис Бесланович посвятил развитию культуры родной республики и всей нашей страны, внёс неоценимый вклад в укрепление мира, дружбы и единства народа Кабардино-Балкарии.

Светлая память о замечательном человеке и настоящем профессионале своего дела навсегда останется в наших сердцах. Искренние соболезнования семье Бориса Беслановича, его друзьям и коллегам», – написал руководитель республики на личной странице в социальной сети Instagram.

Мазихов Борис Бесланович – кабардинский прозаик, публицист, общественный деятель. Заслуженный работник культуры РФ, заслуженный журналист Карачаево-Черкесской Республики, заслуженный журналист республики Адыгея, лауреат премии Союза журналистов России. Обладатель множества премий и грамот.

Дважды избирался депутатом высшего законодательного органа республики – Верховного Совета КБР.

Борис Мазихов – автор 15 книг художественной прозы, изданных в Нальчике и Москве. Его произведения в переводах опубликованы на турецком и арабском языках.

Избирался депутатом Верховного Совета КБАССР, входил в состав Областного комитета КПСС.

Являлся членом правления Союза журналистов СССР. Был членом Союза журналистов и Союза писателей РФ, членом Федеративного Совета Союза журналистов РФ, секретарем федеральной организации журналистов. Активно работал в международном сообществе журналистов.

С 1981 года до ухода из жизни Борис Бесланович возглавлял Союз журналистов КБР.

Коллеги и друзья – о Борисе Мазихове

Борис Бесланович Мазихов, войдя в кабардинскую литературу, не пошёл по проторенной дорожке, проложенной старшим поколением, а пошёл по своей тропе. Герои его рассказов – люди духовно и интеллектуально богатые, внутренне сложны. Сами произведения сюжетны. Язык автора чётко и ясен.

Хачим Теунов

Борис Мазихов из тех, кому довелось изрядно хлебнуть из горькой чаши послевоенного лихолетья. Испытать на себе все трудности восстановительного периода. Ещё подростком вместе со своими сверстниками работал в поле в своей родной Шалушке. Да и годы учёбы в Кабардино-Балкарском госуниверситете сладкими никак не назовёшь. Всё это наложило отпечаток на творчество писателя.

Борис Утижев

И если ещё говорить о связи с жизнью как источнике силы писателя, то нужно сказать и о языке произведений Мазихова. С малых лет и в годы учёбы он пристально наблюдал за жизнью своих односельчан, прислушивался к их живому слову. Вот почему теперь язык писателя так светел и прозрачен, так богат короткими, ёмкими фразами.

Помнится, когда мы пришли в газету на преддипломную практику, этот язык привлёк внимание опытных журналистов, бывалых стилистов. Борис пробовал тогда писать и стихи, и художественную прозу. Но газета увлекла его. И после университета он стал журналистом.

Хачим Кауфов

В своё время, кажется, это была середина 70-х годов, прочитал, как говорится, до дыр всю первую русскую книгу Бориса Мазихова. Это были талантливо написанные, хорошо переведённые на русский язык новеллы. Вот писатель, мой ровесник, обладающий истинно художественным пером, – таковы были мои впечатления. Я хорошо запомнил повесть «Пора листопада», такие новеллы, как «Родник Мусы», «Чужак», «Горсть кукурузного зерна», «Тайна».

Алим Тенгеев

Произведения писателя глубоко национальны – в них дух кабардинского народа, его особенности. И одновременно они общечеловеческие –

в них исследуются вечные понятия, волнующие всех: любовь, дружба, верность, память, долг...

Нет человека, который так или иначе не пытался бы осмыслить эти вещи. И уже поэтому книга не может не заинтересовать. Но она ещё более притягательна тем, что эти понятия в ней раскрываются на национальной основе. Когда мы читаем В. Шукшина, Н. Думбадзе, Ч. Айтматова, нас волнуют не только мысли и чувства, выраженные в их произведениях, но и в какой форме они высказаны. Форма помогает проникнуть в характер русского народа, грузинского, казахского. И книга Бориса Мазихова, уверена, очень многое может сказать о том, каковы кабардинцы.

Евгения Белгорокова

Новеллу «У меня есть друг» по праву можно назвать прозой в стихах, маленькой лирической поэмой. С яркой выразительностью и достоверностью повествует автор о дружбе двух людей. Один из них погиб на войне. Но остался его друг, и он как частица живёт в его душе. Память неистребима.

Б. Мазихов пишет не только о войне и не только новеллы. Просто этот жанр ему, наверно, наиболее близок по духу и складу ума. Сжато, без «лишних описательных моментов» писатель ёмко и доходчиво доводит до читателя своё видение мира, своё объяснение сущности бытия человеческого. Сжато, значит, новеллы излучают больше энергии, которая неудержимо властвует над читателем в процессе чтения и после.

Мугаз Кештов

Бесспорно, Борис Бесланович – очень хороший рассказчик. Читать его рассказы – удовольствие для души. В них всегда законченность сюжета, обязательно присутствует поэтическая струна, которая оставляет после прочтения добрый след в сердце. Такое чувство испытала я сама. Я несколько раз возвращалась к рассказу «Возраст любви» в прекрасном переводе Х. Кауфова.

Елена Накова

Биография Мазихова полна богатого жизненного опыта и творческих изысканий. Благодаря не только таланту, но и свойственному ему упорству и трудолюбию, беспредельному стремлению к познанию и творческому любопытству он стал одним из лучших кабардинских прозаиков, чьи произведения возвысили художественное слово и обо-

гатили кабардинскую литературу. Борис Мазихов – автор книг «Слово перед дорогой», «Семь братьев-звёзд», «Ледяная пропасть», «Белая ласточка», «Проблеск», «В безлунную ночь», «Осень – пора листопада», «У каждого своя улица» и многих других. Знакомясь с замечательными произведениями Бориса Мазихова, мы начинаем находить ответы на извечные вопросы о смысле жизни.

Мадина Буранова

Борис Мазихов о себе:

«Многие писатели предрасположены к крупноплановым жанрам – романам, повестям. Мне больше удаются, и это признают мои коллеги, небольшие по объёму произведения. Хотя известно, что рассказ, где должны быть законченность сюжета, интересная завязка и концовка, – довольно сложный жанр. Нужно уметь с первых строк так захватить читателя, чтобы он с интересом прочитал текст до конца. Темы разнообразны: о прошлом, настоящем, о том, что сегодня с нами происходит, о переменах в человеческих взаимоотношениях, вызванных сегодняшним переделом собственности, много произведений о войне, о послевоенном детстве людей моего поколения».

Родился Борис Мазихов в 1940 году в с. Шалушка Чегемского района, был старшим из четверых детей в семье колхозника. Его мама заведовала сельским магазином.

Борис Беспанович рассказывал, что одно из самых ярких впечатлений детства оставил день 9 мая 1945 года: «К нам прибежал во двор родственник с криком: война закончилась! Меня тут же послали сообщить эту весть бабушке – она жила неподалеку, а мой дядя, ее сын, был на фронте. Помню, как он позже вернулся домой – весь в орденах и медалях».

В старших классах школы Борис участвовал в самодеятельности, танцевал, посещал литературный кружок. «Наверно, увлечение литературой началось с Алима Кешокова, он ведь наш, шалушкинский, – говорил о пробуждении интереса к литературе Мазихов. – Когда вышла его первая книга «Путь всадника», мы все ее читали запоем, хотя многого не понимали. Много лет спустя, когда в Шалушке открылся музей Кешокова, я передал туда свой экземпляр книги. Потом потихоньку стал писать сам, сначала это были стихи. О чем? О, они были очень патриотические, все “под Маяковского”!»

Класса с восьмого он стал посылать свои стихи в Нальчик, в Союз писателей. Однажды получил записку от председателя писательской организации республики народного поэта КБАССР Адама Шогенцуко-

ва: «Если найдешь время, загляни». Борис нашел время – ушел с урока и приехал к Адаму Огурлиевичу, который от стихов юного сочинителя камня на камне не оставил, но сделал это так деликатно, что Борис даже не обиделся.

Вскоре стихи ученика стали публиковать в республиканской газете «Советская молодежь», выходившей тогда на кабардинском языке. В 1958 году, когда Борис оканчивал школу, в Чегемской районной газете «Гъуэгуэху» («Светлый путь») вышел его первый рассказ «Зубная боль». И все же сразу после окончания школы Мазихов пошел работать в колхоз. Герой Социалистического Труда, первый секретарь Чегемского районного комитета КПСС Мусаби Хапитович Ахметов рекомендовал направить юношу на учебу.

Окончив курсы садоводов-виноградарей в сельхозтехникуме в Нальчике, Борис вернулся в село, с удовольствием работал в саду, но по настоянию руководства колхоза был назначен учетчиком молочно-товарной фермы, где трудился зиму, а летом вместе с доярками выехал на пастбище в район перевала Актопрак. Там окончательно решил, что пора учиться дальше. Отпросился у заведующего, приехал домой, начал собирать документы, а когда об этом узнал председатель колхоза, Мазихову дали направление в вуз от райкома партии. Сдав все экзамены, поступил на историко-филологический факультет, вместе с несколькими сокурсниками выбрал специализацию «журналистика».

Поработав в колхозе, познав соль и пот крестьянского труда, увидев, как добывается хлеб, Борис Мазихов запомнил навсегда лица простых тружеников, которые потом станут героями его книг, в которых демонстрируется приверженность автора к классике, к чеховскому ёмкому слову.

Практику он проходил тоже журналистскую, а не педагогическую. В газете «Ленин гъуэгу» студентов «провели» по всем отделам, они стали не чужими людьми в редакции, но после окончания университета места для молодого специалиста не оказалось – не было вакансий. Руководитель отдела литературы, с которым Борис плотно сотрудничал, порекомендовал его в ЛИТО (региональное подразделение Главного управления по делам литературы и издательств – органа государственного управления СССР, осуществлявшего цензуру печатных произведений и защиту государственных секретов в средствах массовой информации в период с 1922 по 1991 годы).

По мнению Мазихова, ЛИТО не было таким уж страшным органом, как о нем принято думать. По его словам, цензоры не могли руководствоваться своими субъективными вкусами или придумывать какие-то ограничения: «Был такой здоровый талмуд – список сведений, запрещенных к публикации, в основном это была военная тайна. У нас тогда что

Б. Мазихов – в центре

в Москву. И если такое вмешательство признавалось необоснованным, самовольного цензора «склоняли» по всему Союзу в закрытом профессиональном журнале, в котором все такие факты детально разбирались».

Успешной работе в данной сфере способствовали знания, полученные Б. Б. Мазиховым в Академии общественных наук при Центральном Комитете КПСС.

В 1967 году освободилось место корреспондента, и Бориса приняли в газету «Ленин гъуэгу» штатным сотрудником. Пятнадцать лет спустя, поработав в ней корреспондентом, редактором отдела культуры, ответственным секретарем, затем – заведующим сектором печати, радио и телерадиовещания, заведующим отделом пропаганды областного комитета КПСС, Б. Б. Мазихов был назначен главным редактором республиканской газеты на кабардинском языке. В этой должности он проработал до 1997 года.

«Первое время было сложно, – вспоминал Борис Бесланович. – Я же пришел в газету мальчиком, был у старших коллег «на побегушках», а тут стал редактором. Приходилось что-то им запрещать, отдавать указания». Он считал, что лучший момент в жизни редактора, – это когда в номере вышел хороший материал, есть резонанс, обратная связь с читателем.

Коллеги называли Бориса Мазихова патриархом республиканской журналистики. Более трех десятилетий Борис Бесланович возглавлял Союз журналистов КБР. В советское время это была мощная общественная организация, членство в которой имело и престиж и практическую пользу: «К примеру, если человек получал пенсию меньше 120 рублей, Союз доплачивал недостающее до этой суммы, – объяснял молодым коллегам Мазихов. – В двадцать первом веке общественная организация живет на субсидии. Все, что мы делаем, делаем на общественных на-

чалах. Взять ту же школу журналистики «Акулы пера». Нам постоянно звонят – школьники, студенты и уже работающие люди – спрашивают, когда будет следующий набор.

Журналист – это больше, чем человек, умеющий изливать свои мысли на бумагу. И мы еще раз убедились в этом в ходе общения с молодыми «акулами пера». Им было интересно не только узнать, как складывается творческий путь журналиста, но и заглянуть в самые отдаленные тайники профессии.

Союз журналистов нужен. И ему, как и другим профессиональным творческим сообществам, нужна помощь. Значительная часть нашей работы заключается в помощи другим – нашим старикам, ветеранам журналистики. К счастью, в силу местных обычаев, у нас нет брошенных стариков, бездомных, голодных. Но многим нужно бывает помочь – средствами на лечение, реабилитацию, решение каких-то острых проблем. Каждый год я стараюсь организовать такую поддержку трем-четырем наиболее нуждающимся ветеранам. И все же больше всего старики нуждаются во внимании. Бывает, звонишь человеку на день рождения, а он плачет. Плачет! Говорит: «Я думал, что обо мне никто не помнит». Это очень печально, но объяснимо: в коллективах, в которых они работали, трудятся уже совсем другие люди, не знакомые с ними».

В 2016 году впервые в нашей республике был издан биографический справочник, содержащий сведения о ведущих журналистах печатных и электронных средств массовой информации Кабардино-Балкарии XX–XXI веков. Более трёхсот хорошо известных читателям, а также почти забытых имён. Фотографии, краткие сведения о трудовой деятельности и наградах.

Автор проекта «Энциклопедия кабардино-балкарской журналистики» и главный редактор издания, председатель Союза журналистов КБР, заслуженный работник культуры Российской Федерации, писатель, публицист и общественный деятель Борис Мазихов проделал огромную работу для того чтобы уникальная книга вышла в свет.

В предисловии автор пишет: «С первых дней своего существования журналистика Кабардино-Балкарии была и остаётся мощной созидательной силой. И в самые трудные

периоды нашей истории она верой и правдой служила интересам общества. В сегодняшних достижениях республики присутствует большая доля заслуг и журналистов. Велика их заслуга в развитии национальной культуры и искусства, сохранении и укреплении братских взаимоотношений между народами, проживающими в республике.

В настоящее время в Кабардино-Балкарии сложилась и эффективно функционирует стройная система средств массовой информации – 5 республиканских, 13 муниципальных, 2 многотиражные газеты, 3 литературных журнала, 3 – для детей; работают 3 телевизионных канала, 2 радиостанции вещают на трёх государственных языках. За короткое время Республиканское информационное агентство получило широкое признание. Большой популярностью пользуется негосударственная «Газета Юга». В средствах массовой информации республики сегодня трудятся сотни высокообразованных журналистов, которые отдают все свои силы и талант всестороннему и объективному освещению общественно-политической, социально-экономической жизни республики.

Журналистский корпус Кабардино-Балкарии – один из самых солидных на Северном Кавказе. Он выгодно отличается своим высоким профессионализмом, верностью лучшим традициям мастеров пера, микрофона и камеры.

Вместе с тем, по истории нашей журналистики до сих пор очень мало работ. Молодые журналисты, и не только молодые, не многое знают о своих предшественниках. Укреплению преемственности поколений, увековечению имён журналистов-новаторов призвана служить эта книга.

В издании собраны биографии трёхсот пятнадцати журналистов Кабардино-Балкарии разных лет, оставивших свой яркий след в журналистике. Это работники печатных и электронных средств массовой информации, удостоенные высоких государственных наград СССР, РСФСР, КБР – орденов и медалей, почётных грамот Президиумов Верховных Советов СССР, РСФСР, КБАССР, Почётной грамоты КБР, почётных званий РФ, КБР, РА, КЧР.

50–90-е гг. прошлого века были годами расцвета журналистики. Представители этой эпохи наиболее полно представлены в книге.

Не забыты имена наших коллег, не вернувшихся с фронтов Великой Отечественной войны. Двадцать семь работников газет, республиканского радио сложили свои головы на фронтах жестокой войны. У нас нет уверенности, что эти цифры окончательны. Вспомнили и ребят, погибших в мирное время, при выполнении профессионального и человеческого долга.

Читатель найдёт в книге имена журналистов-первопроходцев – первых руководителей прессы.

В энциклопедию вошли биографии нескольких журналистов братских республик, которые вносят большой вклад в укрепление социально-экономических, культурных связей регионов.

Биографии иллюстрированы photographиями, за исключением тех случаев, когда это оказалось невозможным. К сожалению, фотографии восьми погибших журналистов-фронтовиков не удалось разыскать.

При работе над книгой широко использовались документы Центра документации новейшей истории Архивной службы КБР, материалы из архивов – Союза журналистов КБР, республиканских, муниципальных газет, филиала ФГУП ВГТРК «Кабардино-Балкария», ГКУ «ВТК «Кабардино-Балкария», воспоминания ветеранов, газетно-журнальные публикации. Рукопись книги подготовлена при поддержке Управления по взаимодействию с институтами гражданского общества и делам национальностей».

В состав редакционной коллегии биографического справочника «Энциклопедия кабардино-балкарской журналистики», вышедшего в нальчикском издательстве «Печатный двор», вошли известные журналисты Кабардино-Балкарии: Ж. Аттаев, А. Булатов, В. Бесланев, В. Ворков, Л. Казанчева, М. Карданов, Б. Мазихов, М. Хафицэ.

В работе над книгой приняли участие кандидат филологических наук М. Бжеников и кандидат исторических наук М. Герандоков.

Рецензент – Х. Баков, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки КБР и КЧР, заслуженный работник высшего образования Российской Федерации.

При подготовке «Энциклопедии кабардино-балкарской журналистики» Борис Мазихов проделал большую поисковую работу, по крупицам собирая из различных источников сведения о коллегах, а также использовал данные из изданий прошлых лет, вышедших в Нальчике, Владикавказе, Краснодаре, Москве.

Пользоваться справочником очень удобно благодаря рациональной систематизации основного и дополнительного материала. Как и полагается в издании, содержащем сведения о большом количестве персон, статьи расположены в алфавитном порядке.

В приложение включены ранее не встречавшиеся в книжных изданиях весьма полезные данные: сведения о республиканских газетах (название, дата основания, годы издания); списки главных редакторов литературных журналов (альманахов), а также республиканских, муниципальных, ведомственных многотиражных газет и негосударственных изданий. Указаны даты основания и периоды функционирования электронных СМИ (телевизионные и радиокompании).

Б. Мазихов с семьей

Вместе с женой, Тamarой Таловной, Борис Бесланович вырастил трех сыновей. Он говорил: «Я могу считать свою жизнь сложившейся, удавшейся. Не обделен дружбой, мне повезло на хороших людей. Если судить по отзывам читателей и критиков, чего-то добился и в журналистике, и в литературе. Но человеку одному трудно чего-то добиться. У меня не

было влиятельной родни, но был неоценимый прочный тыл – моя семья. После ухода из жизни супруги, опорой и поддержкой стали для меня наши сыновья».

Как писатель Мазихов предпочитал малые литературные формы, и в них он был признанным мастером.

Первые произведения Б. Б. Мазихова появились в 60-е годы. Уже более полувека творения кабардинского литератора и журналиста распространены в черкесском мире, он выпустил более десяти книг на кабардинском и русском языках в издательствах Нальчика и Москвы. Книги этого автора хранятся в Российской государственной библиотеке, государственных и муниципальных библиотеках Кабардино-Балкарии, Москвы, многих других регионов России, в личных собраниях читателей в разных странах.

Наиболее значительные сборники рассказов и новелл Бориса Мазихова – «Вагъуэзэшибл» («Созвездие Большой медведицы»), «ПщӀашхъуэхужь» («Белая ласточка»), «Бжъыхъэр пщӀашэ пылъэльыжыгъуэщи» («Осень пора листопада»).

Заметным событием литературной жизни республики стал опубликованный им перевод на кабардинский язык повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат».

Борис Мазихов порадовал читателей блестящим, как считают знатоки кабардинского литературного языка, переводом исторического романа Владимира Ворокова «Прощающие да простят».

Б. Мазихов переводил на кабардинский язык роман «Страшен путь на Ошхамахо» замечательного писателя, одного из родоначальников кабардинской исторической прозы Эльберда Мальбахова, писавшего на русском языке под псевдонимом М. Эльберд. Как отмечал переводчик, в этом произведении впервые художественными средствами объективно

показаны исторические события в Кабарде XVI–XVIII вв.: «Это был прорыв в литературе. Наш первый роман, который и по теме, и по раскрытию характеров приблизился к лучшим образцам исторической прозы».

Мазихов хотел перевести на кабардинский повесть Эрнеста Хемингуэя «Старик и море». Мечтал написать роман или большую повесть о событиях начала 90-х годов в Кабардино-Балкарии, но считал, что это сложно сделать – слишком мало времени прошло, чтобы осмыслить их, взглянуть отстраненно и изложить в художественной форме. Он был в эпицентре этих событий – и как редактор республиканской газеты, и как депутат Верховного Совета. «Стенограммы заседаний Верховного Совета того времени читаешь сейчас, как настоящий детектив», – говорил он.

В 2015 году в газете «Кабардино-Балкарская правда» была опубликована статья заслуженного работника культуры КБР Светланы Моттаевой «Под счастливым знаком «семёрки», посвященная 75-летию Бориса Мазихова. В ней, в частности, Светлана Мустафаевна пишет: «Деловая репутация и человеческое обаяние Бориса Мазихова были и остаются на высоте. Наполненный творчеством десятилетия – путь поистине счастливый, хотя и не усыпанный розами, шипы этих роз Борис испытал сполна, но достойно взошёл к своему 75-летию.

В его произведениях словам тесно, а мыслям просторно. Однако любовь и почитание и даже учёба, которую Борис прошёл у А. Чехова, вовсе не сделали его эпигоном, великие мэтры являлись для него лишь путеводными звёздами. Сегодня в галактике Бориса Беслановича уже своя звезда.

Уже в одном из первых сборников под названием «Созвездие Большой Медведицы» Борис Мазихов нашёл истинную точку опоры для продолжения своего писательского труда.

При всей значимости сделанного – это человек удивительной скромности и неброского обаяния, негромкого голоса и в то же время звучного в произведениях, вышедших из-под его пера. Рассказ, новелла, навсегда забрав писателя в плен, уже никогда не отпускали от себя. В них наиболее полно проявился талант беллетриста Бориса Мазихова и пышно расцвело его творческое дарование. Одно то, что произведения Бориса Мазихова вошли в школьные учебники и программы, уже говорит о многом – он является живым классиком кабардинской литературы.

Особняком стоит его повесть «Пора листопада», главный герой которой продолжает галерею канонических отцов, воспитывавших в сыновьях любовь к земле, своему народу, родине... Отец Хабила Кургоко не может не вызывать почтительного уважения, так же, как некогда снискал его герой фильма С. Закариадзе «Отец солдата», прошедший буквально сквозь огонь войны, чтобы увидеть миг гибели сына, бесстрашного в свой последний час. Жизнь есть трагедия... Нечто подобное случилось и с Кургоко, который прошёл в поисках могилы погибшего сына долгими тяжкими вёрстами. Он нашёл могилу, и это стало последней каплей

С А. П. Кешоковым

сердца», «Нафисат», «У меня есть друг...», «Звонок», «Памятник», «Возраст любви», «Горсть кукурузного зерна», «У каждого своя улица», да и многих других. Знаю, что эти произведения не случайно обратили на себя внимание ряда маститых переводчиков из Москвы и Нальчика. В этом ряду уместно вспомнить имена В. Цыбина, В. Кузьмина, Э. Мальбахова, В. Савельева, Б. Пчелинцева, М. Лысова, друга писателя Х. Кауфова. Благодаря им творчество Бориса Беслановича получило широкую читательскую аудиторию, вышло за пределы родного языка. Его книги, а затем и солидный однотомник избранных произведений попали на книжные полки любителей, а также городских и сельских школьных библиотек.

Популярность Бориса Мазихова как оригинального, самобытного художника слова подтверждена многими фактами творческой биографии писателя, сделавшего ставку в своей работе на отражение жизни во всей её драматичной полноте».

Борис Бесланович считал, что секрет успеха любого произведения – в сопереживании автора: «Если писатель не имеет эмоционального опыта, не испытывает никаких чувств к тому, о чем пишет... С холодной душой ничего не создашь, как бы ты ни владел языком. Должны быть чувства».

Весть о кончине Бориса Мазихова потрясла все журналистское общество КБР. Для всех нас это большая потеря: Борис Бесланович был удивительно добрым, справедливым и очень талантливым человеком. Ушел из жизни заслуженный работник культуры Российской Федерации, писатель и журналист, а вместе с ним целая эпоха.

Счастье... По-разному все его понимают, и на разных дорогах ищут. Для Мазихова оно было в любимой работе, добрых делах и умении доставлять радость людям. Разве подсчитаешь, скольким он помог, скольким дал дельный совет на жизненном пути?! Всегда восхищалась

его воспитанностью, интеллигентностью, спокойствием, осведомленностью во многих областях человеческой деятельности, любовью ко всему хорошему. Не устаю повторять – он был талантлив, востребован и реализован в профессии!

Прошло не так много времени, как его нет с нами. Он оставил неизгладимый след в наших сердцах, в творчестве каждого журналиста республики.

Мне посчастливилось проработать с Борисом более двадцати лет. Он никогда не был оратором, но его всегда слушали и слышали. У него была мечта – установить памятник перед «Домом печати», где находится большинство редакций республиканских печатных изданий. Памятник павшим журналистам, у которого в определённые даты можно было бы воздать должное памяти коллег, возложить цветы.

Он очень трепетно относился к своей семье, трем сыновьям, жене, Тамаре Таловне, которая, к сожалению, уже ушла из жизни.

Для меня Борис Бесланович навсегда останется олицетворением высочайшего стиля, жизненной мудрости, огромного таланта, блестящего профессионализма, глубокой порядочности. В любой жизненной ситуации он оставался сильным стратегом, способным делать только правильные ходы.

Безусловно, это была одна из самых крупных и ярких фигур в журналистике той непростой эпохи. Это был человек не только мужественный, исповедующий принципы честной журналистики, но и, в каком-то смысле, намного опередивший свое время. Борис Бесланович никогда не отступал от цели, стремился до конца исследовать проблему и найти ответы на те вопросы, которые будоражили его и общество в целом.

Борис – журналист с большой буквы. И человек с большой буквы. Это большая потеря для нашего журналистского сообщества. Так, как писал он, наверное, у нас мало кто мог, он безупречно владел пером. Этот человек видел все. Несмотря на это, Борис Бесланович смог сохранить светлый взгляд: он любил людей, любил жизнь. Это был действительно солнечный, светлый человек.

Вся республика знает нашего Бориса исключительно как профессионала своего дела, автора проникновенных очерков и литературных статей, как хорошего организатора, которому удалось наладить работу Союза.

Мы с ним очень часто выезжали по работе в разные регионы России. Я свидетельница того, как его уважали и почитали коллеги из разных уголков нашей необъятной Родины. Как это всегда бывает, с интересным человеком, а он был таким, не всегда хватает времени поговорить. И о чем бы мы с ним ни говорили, всегда открывался огромный пласт его нестандартного видения. Этот человек всю жизнь работал в журналистике, но смог остаться незаурядным, не скатиться в ремесленничество. Ведь это важно для любой профессии, а тем более для такой творческой,

как наша. У него никогда не было написанного для халтуры текста, он всегда вкладывал в свою работу частичку души.

Последние годы своей жизни Борис Бесланович работал председателем Союза журналистов КБР, и для своих подчиненных всегда оставался справедливым руководителем.

Борис – надежный товарищ, друг, объективный человек, настоящий интернационалист, с огромной душевной щедростью вел за собой молодых журналистов. К нему можно было в любую минуту обратиться и получить наставления или хороший совет. У него был лишь один недостаток – величайшая скромность.

Впервые в нашей республике был издан биографический справочник, содержащий сведения о ведущих журналистах печатных и электронных СМИ Кабардино-Балкарии XX–XXI веков. Автором и главным редактором этого проекта был Борис Мазихов. Им была проделана огромная работа для того, чтобы эта уникальная книга вышла в свет. В издании он собрал биографии трёхсот пятнадцати журналистов Кабардино-Балкарии разных лет, оставивших свой яркий след в профессии. При подготовке «Энциклопедии кабардино-балкарской журналистики» Борис Мазихов проделал большую поисковую работу, по крупицам собирая из различных источников сведения о коллегах.

Таков был мой Друг – Борис Мазихов. Человек, чье имя навсегда останется в нашей профессии. Журналист, который отмечен всеми самыми высокими профессиональными наградами, которые только может заслужить поистине настоящий журналист. В том числе и такой, которая достается очень немногим – любовью, уважением и благодарностью миллионов читателей!

Сколько людских судеб, сколько имен прошло через журналистский блокнот Мазихова, не считал никто. Писал он о людях разных профессий, чаще – о тружениках села. И не просто рассказывал истории по принципу «родился-женился», а раскрывал самые главные качества своего героя, выносил на поверхность то, о чем болела душа этого человека, что переживал он в минуты радости и печали. Многие статьи и очерки Мазихова вполне можно назвать законченными художественными произведениями. Только герои в них не вымышленные, а самые что ни на есть настоящие, живущие рядом. Тут не забалуешь, не соврешь.

Он внёс свой вклад в развитие кабардино-балкарской журналистики. Коллеги запомнили его не только как профессионала своего дела, но и человека, готового оказать помощь и поддержку.

Он навсегда останется в памяти своих родных, друзей и коллег как яркая неординарная личность, надежный товарищ и добрый наставник.

Разият Шаваева, председатель Союза журналистов КБР

Публикацию подготовила Ирина Богачева

Борис МАЗИХОВ

РОДНИК МУСЫ

Рассказ

– Уже близко родник Мусы – там и отдохнем, – повеселел мой спутник.

Волны тяжелого зноя катились по земле, придавливая к ней траву. Небо раскалилось до синевы. Во рту пересохло. Жажда запеклась у меня на губах сухой и горячей корочкой. Даже не верится, что скоро кончится эта безлюдная, заваленная пылью дорога. У меня нет сил говорить, и я молчу.

Вот мы перешли высохший овраг и вступили в дремотное мелко-лесье. Но здесь еще душнее. Сядешь – набрасываются комары, встанешь – солнце жжет.

Когда дошли наконец до лощины, я увидел небольшой садик. «Откуда здесь этот оазис?» – благодарно подумал я. Вокруг были только пни, а садик этот стоял, благоухая, облитый весь листовным свечением, и казалось, что он простирает свои ветви навстречу нам, как бы приглашая к себе.

Мы прибавили шагу, и вскоре нам встретился ручеек, который прятался в густой и тяжелой от влаги траве. Он свернулся клубочком, как-то по-домашнему уютно, вокруг большого, развесистого дерева, обвешанного гнездами.

– Вот и Мусин родник, – сказал мой спутник. Он родом из этих мест, и, может быть, поэтому в его голосе прозвучали горделивые нотки.

Мы выпили обжигающе холодной ключевой воды, освежились – и сразу вокруг все посветлело: дымчатая грузная синева расплзлась по зениту и проглянуло чистое и холодное, как этот родник, небо.

Я заметил, что здесь, у родника, пересекаются четыре холмисто-перекатистые дороги, что деревья умело обрезаны и что у родника чисто. Было видно, что кто-то старательно ухаживает и за садом, и за родником.

Только-только мы уселись в плотной тени вольготно раскинувшегося дерева, как к нам подошел старик-чабан. Он неторопливо поздоровался с нами, с той же неторопливой степенностью зачерпнул жестяной кружкой воды. Он пил большими глотками, и по его седой бороде стекали медленные серебряные капельки. И, кончив пить, вытирая широкой желтой ладонью усы, он подошел к нам и, весело шурясь на нас, спросил:

– Куда держите путь, молодые люди?

Мы ответили охотно, – в голосе старика было столько спокойной, обстоятельной доброжелательности, что нам захотелось постоять с ним, поговорить.

Старик расстелил на траве брезентовый плащ, растянулся на нем и, смотря в разгоревшееся небо сквозь вислые ветви деревьев, задумчиво произнес:

– Да-а, здесь, у Мусина родника, встречаются все...

Освежившись родниковой водой и немного отдохнув, я почувствовал в себе прилив сил, и мне захотелось поподробнее расспросить старика, отчего это место называется именно так...

А между тем старик, скрутив самокрутку, мечтательно сощурил глаза, как бы всматриваясь во что-то стремительно движущееся сквозь время... И вот, словно догадавшись, о чем я думаю, начал:

– Этот человек умер давно... Так давно, что уже никто не помнит его лица. Но все сходятся на том, что звали его Муса и жил он в селении, которое лежит недалеко от этого родника. Это был странный, непонятный старик: ничто его не интересовало – ни деньги, ни почет, ни новости. Была у него развалюха с покосившимися стенами, а в ветхом хлеву – ни одной овцы. Никогда он не заседал своего поля. Как жил, чем жил, мало кто знал. Зато у него был сад. Прекрасный сад. Ни у кого в округе не было такого. Хоть и богатый сад, но не был огорожен: кто хотел, заходил, набирал яблоч, груш, персиков и уходил.

Многие смеялись над хозяином сада. А старику хоть бы что! Целыми днями он копался в саду. Поливал каждое деревце, прививал новые побеги, обрезал лишние ветви. А когда у кого-нибудь из соседей рождался ребенок, то во дворе отца он обязательно высаживал какое-нибудь диковинное дерево.

Был он нелюдим. Поэтому кое-кто считал его свихнувшимся. Люди не любят непонятное в других – непонятное настораживает. Живя среди людей, сторониться их нельзя. Мало-помалу и старики начали осуждать его. И вот в один прекрасный день вызвал его к себе староста и оштрафовал. За что? – спросите. Просто за то, что не ходит в мечеть.

– Ты, Муса, хвала Аллаху, считай, что прожил жизнь. Пора подумать и о смерти. Почему в мечеть не ходишь? Кто тебя похоронит, скажи? Если умрешь, кто проводит в последний путь?

Муса никогда не видел, чтобы покойников не хоронили, оставляли на улице, но на второй день, чтобы не раздражать людей аула, а больше от скуки, отправился в мечеть.

Был полдень. Совершив омовение, правоверные старики чинно сидели под яблоней и вели беседу о сельских делах. Увидев празднично одетого Мусу, они решили немного позабавиться.

– Как дела, Муса? Говорят, ухаживаешь все дни, как жених за невестой, за своими деревьями? – спросил один из достопочтенных стариков, лукаво подморгнув своему еще более древнему соседу.

Муса не захотел понимать его иронии и, радуясь тому, что наконец нашел человека, которому интересно узнать о саде, решил излить свою душу.

– Валлахи, Хажсет, все у меня отлично. Почему не заходишь ко мне? Угостил бы на славу. – Муса улыбнулся широкой, гостеприимной улыбкой. – К одному дереву я привил четыре сорта: грушу, раннее яблочко, дичка...

До сих пор молча слушавший эфенди резко перебил его:

– Ей, Муса, ты совсем испортился! Зачем делаешь дело, не угодное Аллаху? Это большой грех.

– Валлахи, эфенди, – с непокорством и беспечностью отвечал садовод, – плодами моих грешных рук столько раз насыщались твои ученики, что только за одно это мое место в раю.

– Слышите, правоверные, как он богохульствует? Да за такие слова его нужно отлучить от мечети! – Щеки духовного отца села побагровели от гнева.

– Что-то я тебя не пойму, достопочтенный эфенди. Какой же я богохульник? Не хожу в мечеть – штрафуешь, хожу – ругаешь! – Муса, усмехаясь, отвернулся и сразу ушел домой, запряг двух молодых быков и направился в русский квартал Яникоя¹. Так он всегда делал, когда ему нужно было вернуть себе спокойствие. Как только с эфенди поругается, отправляется в этот квартал, и всякий раз его за это штрафовали...

Незадолго до смерти Муса стал все чаще навещать в лощину за селением. Лето ли стоит на дворе, мороз ли, он все равно возится в ней – то выкорчевывает пни, то вывозит камни, то разбрасывает навоз по склонам, то распахивает свободные места возле родника.

«Что нашел этот старик в лощине? – гадали досужие люди. – Если хочет на старости лет заняться хозяйством, – вон сколько порожней, празднои земли кругом – только паши да сей. Да, видно, дуракам закон не писан: не сегодня-завтра богу отдаст душу, в чем хоронить его, на какие шиши? Даже во дворе нет ни одной живности, которую можно зарезать для поминок».

Но Муса их не слышал. А слушался своего сердца, открытого всему, что имеет жизнь.

В последнюю, простудную весну он тяжело занедужил какой-то странной болезнью – ни жара, ни озноба, а ни рукой, ни ногой не пошевелить. В общем, была его болезнь внутренняя. И пролежал он в своей каморке, пока на поля не возвратились пахари. Как только ему стало лучше, он, еле-еле держась на ногах, созвал весь квартал на шихаху, то есть на воскресник, когда все знакомые помогают своему односельчанину.

– Какое у тебя дело, Муса? – обычно спрашивали у него, и он отвечал всегда одно и то же:

– Есть дело. Если не трудно, приходите.

¹ Селение в КБР.

Никто ему не отказал – да и как откажешь человеку, который первый раз в жизни обратился за помощью? И вот на второй день все мужчины квартала собрались в его саду. Муса что-то задумал. Молоденькими саженцами он нагрузил арбу, и все отправились вслед за нею в лощину.

– Ей, Муса, мы думали, что ты на старости образумишься, но куда там, – пересмеивались те, что помоложе, но Муса даже словом не откликнулся на эти замечания, только добродушно усмехался. Он-то знал, что делает!

Шихаху есть шихаху. Засучив рукава, люди работали дружно, и никто не думал отлынивать от работы. Самые молодые и азартные возили камни, а остальные копали воронки, сажали саженцы, чтобы они стояли надежно и прямо.

Шихаху есть шихаху. На шихаху все работают так, что горят рубахи, – к обеду все работы были закончены. Радости Мусы не было предела.

Он еще раз прошелся по своему саду, внимательно осматривая каждое деревце в отдельности, у одних подбеливал стволы, у других еще раз обрезал лишние ветки, чувствуя, что он саду нужен, чувствуя, что каждый саженец нуждается в его заботе. И усталый, но счастливый, может быть, счастливее всех на свете, он присел отдохнуть у родника. Люди тотчас окружили его. Ближе всех к нему стояли те, что были побойчей. Муса не знал, что они, не понимая его, в душе насмеваются над ним.

– Зачем тебе все это, достопочтенный Муса? – спросил его один из молодых.

Муса долго смотрел, как бьет родник из-под земли, пеленая свое прозрачное тело в белую, затейливую пену, – он наблюдал за женственными изгибами волнушек, и в сердце его входило неторопливое спокойствие. Он поднял посветлевшие глаза и сказал:

– Вот дурень, разве это я для себя? Все мои годы вышли. И жить мне, чувствую, осталось два-три дня... Это вам, молодым... Просьба у меня к вам одна: как я умру, поухаживайте за садом... Ведь сад, как ребенок. – Старик умолк – ему трудно было говорить, слова сбивали дыхание. Он прищурил глаза, словно увидел что-то ослепительное, нестерпимо яркое. Это он смотрел сквозь время в какое-то недостижимое отдаление. И снова, так же тихо, будто он беседовал со своим внутренним голосом, продолжал:

– Как хорошо здесь будет эдак лет через десять-пятнадцать! Жаль, что меня не будет. Хотя вполглаза увидеть бы тогда этот сад... Здесь сходятся все четыре дороги. Здесь и сад, где есть все – и яблони, и груши, и вишни. Здесь остановится и лихой джигит, чтоб напоить коня и самому освежиться, и дальний путник, чтобы дать отдых усталому телу, и дети

будут прибегать сюда. Кто знает, может быть, кто-нибудь да и помянет добрым словом мое имя: мол, жил такой чудак...

Старик так и не увидел, как белым да розовым цветом зацвели посаженные им деревья. Но сад и по сегодняшний день шумит своей листвой, каждую весну его заливают вьюга цветов, и июньские ветки клонятся к земле под тяжестью плодов.

Путники отдыхают здесь. И каждый, добавляя что-то от себя, рассказывает другим о роднике Мусы, легенду о человеке, чье сердце перелилось в жизнь деревьев и родника. Бежит, струится вода родника, и в безостановочном пульсе ее слышится пульс живого человеческого сердца...

ДВА ТОПОЛЯ

Была летняя беспечная ночь. В глубоком и безмолвном небе мерцали бессмертные звезды. Летняя страда – долгая. И все же, когда трудный день кончился, животноводы открыли вечер танцев. После двух-трех медленных танцев кафы, положенных для зачина, молодежь нетерпеливо, забыв обо всех правилах, перешла к парному танцу удж¹.

Пристальным, будто помнящим вечность взглядом старик следил за костром во дворе, неодобрительно качал головой:

– В наше-то время мы начинали танцевать удж лишь к рассвету.

– Теперь, должно быть, любовь стала горячеей, не терпится им соединить руки в парном танце, – отшучиваюсь я за молодежь, стараясь не видеть в его глазах непримиримого осуждения.

– И-и-и? Теперь? А в наше-то время, в наше, эх! – Глаза старика оживляются от приятного воспоминания, он молодежато разглаживает свои усы, пожелтевшие от табака, и, сразу погрузнев, спрашивает задумчиво:

– А ты раньше-то бывал в нашем селе?

Я часто приезжаю сюда, – ответил я, недоумеваю, к чему это спрашивает меня старик.

– Ну, тогда ты видел два тополя на сельском кладбище?

– Да, отец, – отозвался я, предчувствуя, что это вступление к чему-то интересному, значительному, может быть, даже загадочному.

И действительно, старик плотнее укутался в брезентовый плащ и устроился удобнее. И я тоже пододвинулся к нему поближе. Старик прищурился и глянул куда-то вдаль, где гасли отлетевшие далеко от костра самые смелые искорки... и тихим, ровным голосом начал:

¹ *Удж* – парный танец. Его танцуют медленно парень с девушкой, взявшись за руки.

– Была ночь. Может быть, такая, как эта. Особенно трудная ночь для человека, застигнутого в горах. Под тяжелой буркой ждет сна Мурат. Он вдыхает острый запах шерсти, словно до сих пор от бурки исходит тепло рук матери, которая ее сделала.

Мурат в сонном полузабытьи. Надо было хотя бы часок поспать – ведь он не спал всю ночь. Но только закроет глаза – видит какие-то странные, неприятные сны и, вздрогнув, тут же просыпается.

Вот уже две недели, как он не раздевался, не ложился в постель. Нелегка жизнь абрека. Если бы не табунщики и чабаны, он умер бы от голода. Спасибо, выручают кто хлебной лепешкой, кто куском сыра или мяса.

Но мысли джигита, покинувшего родное село, – не о хлебе, не о родном доме, а о красавице Кураце его думы. Как она там поживает? Томится ли она любовными муками, как и он, или забыла его?.. Нет, Кураца на это не способна. Они ведь поклялись, что лучше изберут смерть, чем изменят друг другу. Если Курацу насильно выдадут за другого, то Мурат не пощадит того и убьет. Да Кураца и сама не допустит такого позора.

Кто знает, если б не мать, Мурат, возможно, и добился бы руки Курацы. Все три брата ее воспылали к нему непримиримой ненавистью. И мать Курацы, встревоженная тем, что кого-то из ее сыновей могут убить, именем материнского молока умолила его отъехать в горы к родственникам-балкарцам, пока ярость врагов не утихнет.

Но и в горах братья Курацы хотели настигнуть Мурата, они несколько раз подкарауливали его, стреляли. И Мурат, чтобы спастись от их преследования, ушел в абреки.

Единственной радостью у Мурата был его верный друг – Темир. Чуть ли не каждый день приходил Темир в условленное место к скале и приносил вести о его старой матери, о Кураце. Он и сообщил, что, мол, поговаривают, будто любимую Мурата собираются выдать замуж, будто к ней уже сватается благосклонно принятый братьями какой-то офицер-золотопогонник. Хоть Кураца и отказывается, но какой вес может иметь ее мнение?

Мурат, предаваясь любовным мечтаниям, строил про себя большие планы – во что бы то ни стало выкрасть Курацу и перемахнуть с нею через хребет в Сванетию.

Все это еще предстояло, ведь Темир только привез известие, что девушка согласна с планом своего возлюбленного. Они обо всем договорились. Но вот прошло уже три дня, как они виделись с Темиром в последний раз. Что с ним? Может быть, заболел или отлучился по срочным делам? Удрученный этими думами, лежал Мурат, завернувшись в свою бурку. Сердце у него так стучало в груди, что, казалось, миг – и выскочит.

Вдруг конь его всполошился, затопал копытами и испуганно заржал. Мурат быстро приподнял края отяжелевшей бурки, вскочил и побежал к поляне, где пасся его верный скакун.

Не выходя из леса, Мурат поглядел наверх: на вершине горы стоял одинокий всадник, словно влитый в седло.

«Кто же это может быть? Мой друг? Или враг, пришедший со злом?» – пронеслось в голове у Мурата, он поднял дуло винтовки и сел в кустарнике, дожидаясь всадника, который заспешил к его стреноженной лошади. Голова неожиданного гостя была повязана башлыком.

Когда незнакомец был уже совсем близко, Мурат внимательно взгляделся в туман и узнал Темира.

Опираясь на винтовку, как на палку, Мурат направился навстречу другу, тот тоже слетел с седла, повесил повод на его край и застыл, не поднимая глаз от земли. Мурата охватила внезапная тревога, но он предпочел, согласно обычаю, начать издалека:

– Как поживаешь, Темир? Как себя чувствуешь? Ничего в селе не случилось?.. Сердце мое, однако, как вешее, чувствует, что ты принес мне худые вести! Мать здорова?

– Здорова, слава Аллаху!

– Тогда же что? Курацу выдали замуж?! – выдохнул Мурат то, чего больше всего боялся на свете.

Темир грустно поднял взгляд и со вздохом – в знак горестного подтверждения – положил руку на Муратово плечо:

– Лучше бы прийти мне сюда с добром, чем с такой вестью, Мурат... Очень тяжелой вестью... – тихо произнес он, уже не глядя ему в глаза. – Крепись, друг... Курацы нет в живых.

– Что ты говоришь?! – И, словно он наступил на змею, Мурат отпрянул в сторону. В глазах появилась такая нестерпимая тоска, что он готов был закричать, губы его побелели. И он, как подрубленное дерево, лишенное опоры, повалился на землю.

– Вот почему, Мурат, я до сих пор не приезжал, – продолжал Темир свой печальный рассказ. – Две ночи назад приехала в село свадебная толпа. Курацу насильно обрядили невестой. Дюжие джигиты вынесли ее на улицу, чтобы посадить на подводу. Вдруг она закричала, выхватила кинжал у одного из них и вонзила его себе в грудь... Никто и глазом моргнуть не успел... Вчера мы и похоронили ее – родные да я...

Мурату казалось, что все это он слышит во сне, что сейчас он проснется – наяву будет его любимая живой, а он – по-прежнему влюбленный... Но когда до него дошел смысл трагической вести, он как-то совсем обмяк, повернулся лицом к земле и беззвучно заплакал, повторяя имя Курацы, как бы моля ее быть живой.

Так он лежал столько, сколько понадобилось бы для того, чтобы загрузить арбу сеном. Затем он, беспомощный, разбитый, поднялся,

сел, вытер лицо концом башлыка и глянул на друга, делившего с ним горе, усталыми, покрасневшими глазами. Печаль может сразу состарить человека. Перед Темиром сидел уже не юноша, а много испытавший в жизни человек. Темир, чтобы хоть как-нибудь смягчить боль друга, положил ему руку на плечо и тихо сел рядом.

Друзья долго сидели молча. Обоих одолевала нетерпимо тяжелые думы. Они и без слов чувствовали друг друга – слова утратили смысл, слова жалят, а не утешают. Это нежданное, страшное горе, которое обрушилось на названных братьев, не смогли бы развеять никакие утешительные слова.

Наконец через силу, словно заново учась говорить, Мурат спросил своего друга:

– Почему же ты вчера не сообщил мне об этом? Я бы тогда приехал попрощаться...

– Нельзя было. Братья ее еще сильнее бы обозлились. Они бы убили нас.

– Те, кого больше, потеряют больше и убитыми...

– Твоя смерть ничего бы не поправила, Мурат. Тебе пока еще ни в коем случае нельзя появляться в селе.

Мурат, держась за голову, о чем-то сосредоточенно думал. Мрачные, судорожные тени пробегали по его лицу. Внезапно он вскочил. Было видно, что ему на ум пришла какая-то странная мысль, способная смягчить его печаль.

– Ты сможешь мне в одном деле? – задыхаясь от нетерпения и жажды действовать, спросил Мурат.

– Ну-ну, Мурат, зачем ты спрашиваешь? Только скажи – я готов.

– Тогда поклянись, – яростно сверкнул глазами Мурат.

– Пусть материнское молоко, которое я пил с тобой вместе, не пойдет мне впрок, если я не буду с тобой, что бы ты ни предпринял, – с жаром поклялся Темир, простодушно предполагая, что Мурат хочет отомстить за смерть Курацы, и положил руку на рукоять своего кинжала.

– Ну тогда слушай. Отправляйся сейчас же вниз и приготовь две лопаты. Сегодня ночью я буду в селе, и мы пойдем на кладбище.

– Что ты задумал? Зачем?

– Мужчина-адыг не спрашивает зачем, – жестко ответил Мурат. – Он только интересуется – когда? На том свете нет свиданий, Темир. А я хочу еще раз увидеть мою Курацу.

Темир, хотя и был мужественным человеком, почувствовал, как по его спине побежали мурашки. Никто еще не видел, чтобы человек отправлялся на кладбище на свидание с мертвой.

– Ты волен и не помогать мне, – обиделся Мурат, увидев, как колеблется его друг. – На кладбище есть лопаты. В таком случае о моем намерении никому не говори. А я сегодня же ночью отправлюсь на

кладбище. А тебя не неволю, – добавил он, зная, что эти слова больно заденут Темира. Мурат, не глядя на друга, поднялся с травы и решительно направился к своему скакуну.

Увидев, что Мурат принял его недоумение за отказ и готов смертельно обидеться, Темир побежал за ним – он не хотел в такой черный день обижать своего друга, так как человек никогда не забывает обиды, нанесенной в час беды, и, как бы ни была крепка дружба, она дает трещину.

– Когда ты будешь там? – нагнал он друга. – Я подожду тебя в кладбищенской сторожке.

– Как только запоют первые петухи. Теперь возвращайся. У меня есть еще дело. Нас могут заметить, – торопливо приказывал Мурат, несказанно довольный тем, что его друг оказался надежным и умеет держать слово мужчины.

Темир, повесив сумку с продуктами на луку седла Мурата, поймал свою лошадь, вскочил на нее и поскакал к селу, глубоко переживая случившееся, считая предприятие своего друга безумием. Если кто-нибудь попытался бы сделать такое, он сам бы первый выступил против того с шашкой, но Мурат был его другом – и не Муратова вина, что он так самозабвенно любил Курацу... Но как ни старался Темир оправдать в душе своего друга, все равно он с трудом подавлял отвращение к предстоящему делу. Но, так или иначе, он дал слово адыгского мужчины и уже не мог идти на попятную.

Мурат же, спотыкаясь как древний старик, направился к пещере, которую он сделал своим убежищем. Сердце его раздирали сомнения. Казалось бы, решение было принято, но разве не осквернит он тем самым прах Курацы? Совместимо ли это с совестью человека? Но тогда, значит, он больше не увидит Курацу. Нет, на том свете это невозможно, если на этом их разлучили! Нет, он возьмет грех, на душу! Пусть его осудят люди, пусть назовут нарушителем обычаев, но он, Мурат, еще раз взглянет на ускользнувшее счастье. Пусть будет, что будет, а сегодня он все равно пойдет на кладбище. А потом – он будет мстить! С кого ему начать? С ее отца, который, кичась своим дворянским происхождением, выгнал сватов со двора? Или с трех озлобленных братьев, преследующих его с оружием в руках? Или, может, поджечь их дома, пустить красного петуха? Но разве не будет душа Курацы страдать от того, что будут наказаны самые близкие ей по крови люди?

Кураца! Почему ты оставила Мурата в одиночестве и горе? Что теперь значит для него жизнь? Без тебя он стал пустым, словно скорлупа лесного ореха. Ведь у Мурата в этом мире не осталось никакой отрады, кроме единственной старухи-матери, проливающей слезы по непутевой судьбе своего сына. Смерть Мурата убьет ее! Нет, пусть враг заплатит большим числом убитых!

Он сидит в своей каменной пещере и чистит оружие, а перед его глазами все время стоит Кураца – такая, как провожала его в последний раз в абреки. Ее нежные, добрые слова до сих пор звучат в его ушах, ее большие, с коричневыми подпалинами зрачков глаза, не раз обжигавшие его во время медленного танца, отражаются на блестящем стволе винтовки и на отточенном лезвии кинжала.

Порой Мурат забывается – горе как бы отступает в сторону, и тогда ему кажется, что рядом с ним сидит Кураца и ласково-ласково разговаривает с ним, а он ей поверяет самые заветные свои планы, говорит нежные слова о своей любви.

«Пусть твои родные против, это неважно. Мы поженимся и уедем далеко-далеко, в Сванетию. Ничего, проживем, пообвыкнем, а как все подзабудется – вернемся. Согласна? Тогда договорились! На рассвете выйди в сад, я буду ждать тебя...» – так разговаривал прежними, привычными словами Мурат со своей любимой.

Но горе – необратимо. Всего на миг отпустит, а затем становится вдвойне тяжелее. Мурат понимал, что это только грезы, что он бессилен вернуть жизнь тому, что ушло, что все в мире потеряло для него значение.

День прошел вот в таких мучениях между явью и грезами, в которых он хотел спастись от нестерпимой печали. Над лесом сгустилась холодная беззвездная ночь. В наплывах густого тумана скрывались лощины, от дерева к дереву вились длинные и тяжелые полотнища его. Не видно ни зги. Но Мурат не разводит костра, лежит пластом, завернувшись в бурку, ждет времени, когда надо будет трогаться. Он, с трудом преодолевая свою оцепенелость, слушает, как привязанная к дереву и давно заседланная лошадь бьет копытом землю и храпит.

Нет, так долго не может продолжаться. Нельзя заранее растрачивать свои силы и решимость. Он взял себя в руки. Прошлое ушло безвозвратно. Он знает, что делать. Братья Курацы не хотели иметь, как говорится, ситцевую заплату на своей парче. Пусть теперь пеняют на себя.

Еще не пропели первые, самые чуткие и горластые петухи, а Мурат уже деловито подтянул подпругу, сел на коня и сразу же с места пустил его наметом. Грязь с шумом чавкала под копытами, капли дождя, стекая со свесившихся тяжелых веток, падали за воротник бурки. Но Мурат как будто всего этого не замечал. Он изо всех сил прищипывает своего быстрого коня, рывком натягивая поводья на поворотах, отирает с усов рукавом бешмета соленые капли пота, перемешанные с каплями дождя, зорко всматривается в ночную тьму. Он сокращает путь, со страхом ожидая предстоящего и вместе с тем всей душой устремляясь к нему. Не доезжая до села, он пустил коня шагом, а когда показались первые сакли, спешился, привязал своего зашедшегося в беге коня к иве на берегу речушки и бесшумно, чтобы не поднять собачьего лая, перемахнул через

каменную стену, открыл плетеную дверь кладбищенской сторожки, и тотчас из нее шагнул Темир.

– Я думал, что ты отступишь...

– Не говори так, Мурат... – прошептал Темир.

– Почему? – еще тише сказал тот. – Я абрек, никому уже не нужен.

Моим именем уже пугают детей.

– Опомнись, Мурат. Ты не разбойник и убийца! – с сердцем произнес Темир. – Нет, ты просто несчастный.

– Я еще хуже... Пойдем.

Темир вынес лопату, и, пригнувшись, они приблизились к могиле.

– О, Аллах, не сочти это грехом! Ты же видишь, что я не виноват, – выдохнул в отчаянии и суеверной печали Темир.

– О, Аллах, не поставь нам в вину, – повторил Мурат.

Он огляделся по сторонам, поднял лопату и изо всех сил вонзил ее в мокрую и тяжелую от дождя землю. Лопата завязла в земле – и сразу потяжелела. На кладбище стояла сырая, окаменевшая от стужи тишина. Рассвет никак не мог пробиться сквозь плотную завесу туч.

Внезапно странная и отчаянная мысль остановила Мурата. Ему представилось, что он вонзил лопату в сердце Курацы: «Что я делаю? Ведь теперь могила, земля могильного холма стала ее одеянием!». Вздрыгнув, с бьющимся сердцем он вытащил лопату из земли и отбросил в сторону.

– О, Аллах, прокляни Кареевых! – громко произнес он и прислонился к могильной плите – не было теперь у него сил, чтобы даже сделать шаг.

Темир подал Мурату руку и отвел его в сторону.

– Нет, не увидать мне больше Курацы. Но если на том свете есть справедливость, Аллах соединит нас. Пошли.

Друзья покинули кладбище и направились к иве, к которой был привязан Муратов скакун. Они постояли немного молча, чтобы прийти в себя от пережитых волнений, – молчание лечит печаль, когда это молчание вдвоем. Но вот Мурат положил свою ладонь на плечо друга.

– Темир, я убедился в том, что ты верен мне. Спасибо. У меня к тебе всего еще одна просьба: моя мать живет у тебя на попечении. Сделай так, чтобы она не завидовала тем, у кого есть сын...

– Ну-у, Мурат, ты должен жить для нее. Кареевы не вечно будут искать твоей гибели. Ты в их горе не виноват, – рассуждал встревоженный Темир. – Утихнет горе – утихнет и вражда. Они сами поняли свою вину. Вот что отец Курацы сказал недавно старикам: «Было бы лучше отдать дочь за нищего. Она у меня одна. Восемнадцать лет ей, а она уже опередила меня в смерти...»

– Его слова не оживят Курацу. Поздно он спохватился – с горечью отозвался Мурат и тряхнул головой, отгоняя какие-то назойливые мыс-

ли. – Давай, Темир, попросаема. Кто знает, когда мы увидимся. Если у тебя родится сын, назови его моим именем, возьми эту винтовку – на память обо мне.

Боясь прослезиться, Мурат вскочил на коня, ожег его плетью и исчез в темноте, оставив растерянного Темира.

После этого прощания недели две о Мурате ничего не было слышно. Но многие предполагали, что он опять соединился с разбойными вагами абреков. Если это не так, куда девался табун лошадей и гурты овец Карежевых? Табунщик с седлом на спине и чабан с палкой на плече вернулись в село. Но и они не видели Мурата.

Однажды ночью мать испуганно разбудила Темира: на верхнем, богатом конце села бушевал пожар. Темир вместе с другими людьми побежал туда: пылали строения Карежевых. В яростном огне корчились ковры, с треском лопалось стекло на окнах. Еще недавно кичившиеся своим богатством и знатностью погорельцы растерянно стояли во дворе.

«Это дело рук Мурата...» – осторожно перешептывались люди, но никто не жалел погорельцев.

Тем же утром по всему селу разнеслась весть о Мурате. Его нашли мертвым на могиле Курацы. Мощные руки сжимали кинжал, вонзившийся в сердце, потускневшие его глаза ввалились в глазницы, но на губах недвижно леденела улыбка облегчения.

На второй день его похоронили. На могиле двух влюбленных Темир посадил два маленьких тополя. Ныне они выросли, стали великанами. И, несмотря на близкое соседство, они тянутся навстречу друг другу, но никак не могут соединить свои ветки, тесно обвиться. Так они и стоят, и беседу их слышат и понимают влюбленные, которые порой приходят сюда, чтобы подумать о неведомых путях счастья...

Перевод В. Цыбина

«ИНАЯ СКОРОСТЬ МОЛЧАНИЯ...»

Верлибр – одна из самых спорных и эфемерных в части видовых характеристик поэтическая форма. Достаточно сказать, что дискуссии о принципах вычленения верлибра из прозаической речи по сей день не нашли своего окончательного решения. Более того – сторонники системного описания верлибра пытаются выявить в нём такие классификационные признаки, само наличие которых ставит под сомнение существование свободного стиха как самостоятельного типа поэтического выражения. В сущности, определение верлибра до сих пор окончательно не сформулировано, если, конечно, не принимать во внимание изощрённые высказывания, принадлежащие таким его апологетам, как Карен Джангиров («Верлибр – это иная скорость молчания»). Показательно, что первая антология русских текстов, изданная им в конце 80-х годов, называлась «Белый квадрат», что неизбежно вызывает естественный вопрос – подразумевалось ли в этом случае наличие какого-то фона?

Между появлением первых полноценных верлибров и первыми попытками их теоретического осмысления лежит целая жизнь – сорок лет, сам же автор, прибегнувший к свободному стиху, вполне вероятно, не считал свои опыты поэтическими. Во всяком случае, Артюр Рембо чётко различал ритмичную речь, оснащённую рифмами, и тексты неупорядоченные, отмеченные лишь особой эмотивной плотностью. А когда теоретики XX века обратились к первому сборнику французского поэта, то для многих из них он оставался книгой очерков и эссе.

И, конечно же, совершенно особый интерес должны вызывать верлибры, принадлежащие перу наших национальных авторов. В сознании и подсознании кабардинцев и балкарцев нет места подобной поэтической форме, нет традиционной предрасположенности к ней. При любых построениях адыгская речь будет насыщена консонансными рифмами разной степени полноты. Также и в балкарском языке: обилие грамматических совпадений превращает обычный разговор в поэтическое народное соревнование – «айтыш». Можно с большой долей уверенности предполагать, что в дикционных и артикуляционных навыках народов КБР отсутствует ощущение иррегулярности.

Поэтому, представляя верлибры трёх авторов из нашей республики, редакция «ЛКБ» создаёт своеобразный прецедент – параллельную презентацию поэтов разного возраста, уровня профессиональной подготовки и литературных предпочтений. Читателю предлагается самому определить, насколько приемлем свободный стих для нашего слуха, тысячелетиями привыкшего к циклической акустике родных языков, и насколько носители этих языков адаптированы к инаковому культурному опыту.

Мурадин Ольмезов – балкарский поэт, драматург, писатель, переводчик. Окончил Литературный институт им. Горького в Москве. Перу М. Ольмезова принадлежат 19 книг стихов, поэм, сказок и драм на балкарском языке, а также в переводах на русский и французский языки.

В 1991 году удостоен премии Госкомиздата КБАССР по детской литературе, а в 2000 году – Государственной премии КБР в области литературы и искусства. Участник Международного театрального фестиваля «Кавказ – гора языков» (Париж, 2003 г.) и X и XI Международных фестивалей поэзии тюркских народов (Бишкек, 2013 г.; Казань, 2015 г.). Пьеса М. Ольмезова «Тахир и Зухра» на II фестивале национальных театров Северного Кавказа «Сцена без границ» (Владикавказ, 2002), была признана лучшей национальной пьесой. Он также лауреат Международного (Париж-Мадрид) конкурса «Eurodram 2014». М. Ольмезов – финалист Всероссийской общенациональной премии по литературе «За верность слову и Отечеству» (2012).

Член Союза писателей (СССР) России.

Живет в Нальчике.

Всё от мира чего-то хотим
чтоб трава бы в росе
камень незыблем
солнце струило добро
дождь подснежником пах
и музыка звёзд бы звучала

Что же взамен?
Ничего

Сердцем траву отогрей
камню душу отдай
солнцу – прохладу
дождь с улыбкой встречай
звёзды – с надеждой

Всё от мира чего-то хотим...

Что же взамен?
Ничего.

Зима.
Ночь.
Дерево в фоторамке окна.

На ветке один листок
и ледяное лицо луны.

На нём –
с мёртвым взглядом –
пустое гнездо.

Весна.
Ночь.
Дерево в фоторамке окна –

Всё в цвету.
На ветке улыбка луны –
гнездо
распустилось бутоном.

Лето.
Ночь.
Дерево в фоторамке окна.

Средь кудрявой листвы
сверкают от счастья
круглые щёки луны.
Между ними гнездо
песню жизни поёт.

Осень.
Ночь.
Дерево в фоторамке окна.

Среди облетающих веток
лицо
измождённой луны.

Стынет пустое гнездо.

Земля тебя ждёт

Земля тебя ждёт,
лелеет – во чреве матери уже,
принимает тебя
как великое чудо, как дар.

Качает твою колыбель,
поёт первую песню,
поднимает тебя с четверенек,
ободряет на первый шаг.

Лишь она с тобою всегда –
и если взлетишь высоко
и если падаешь больно.

Когда ты впервые влюбишься,
она утрёт твои слёзы,
и доблестью душу наполнит,
когда защищаешь свой дом.

Хранит твою кровь в тюльпанах,
хранит в гвоздиках и розах.

Лишь она всегда тебя любит –
даже если обласкан миром,

даже если мать отвернётся,
даже если отец и мать,
и брат и сестра откажутся от тебя.

Лишь она и будет
беречь твою старость
и ждать тебя,
чтоб на исходе жизни
по-матерински обнять.

*...тебя не разрушат, о жизнь,
ни сталь, ни мазут, ни жадность человека.*

А. Туртиайнен

Я видел мощное дерево
на голой скале,

я видел горный тюльпан,
растущий сквозь ржавую каску,

я видел родник,
пробивающийся сквозь бетон,

я видел травинку,
пробившую асфальт,
чтобы выйти к солнцу,
и думал:
жизнь непобедима.

Теперь же я вижу,
как скалы ставят на колени,
не то что деревья,

как убивают птиц,
отравляют небо,

как выкапывают и выбрасывают
с корнями родники,
как закатывают в асфальт
снова и снова
травинку, тянущуюся к солнцу,

и уже не так уверен,
что жизнь непобедима.

Надпись на камне в уничтоженном ауле Курму

В сорок четвёртом
в ауле Курму
было девятнадцать дворов...

Из двух парней,
что ушли на фронт
в Первую мировую,
живым вернулся один.

В двадцать первом,
в Гражданскую,
погиб один человек.

В тридцатый-тридцать пятый годы
раскулачены две семьи
и сосланы в Узбекистан.

В тридцать седьмом-тридцать восьмом –
репрессированы четыре человека,
двое из них расстреляны.

В сорок первом –
на Вторую мировую –
ушли шестнадцать мужчин,
живыми вернулись восемь.
Трое из них умерли позже
от полученных ран.

Восьмого марта сорок четвёртого
курумчане
были сосланы всем аулом.

Старого больного Махая
офицер не велел
грузить в машину,
так тот на месте и остался.
А слепую старушку,
истошно кричавшую:
«Аллахом прошу,
не бросайте!» – пристрелил.
Ее звали Нана.
Она осталась
непогребённой.

В Казахстане,
в кишлаке Бек-Тобе,
куда они попали всем аулом,

на девятнадцать дворов
вырыли сорок одну могилу.

Аулу Курму
теперь
никакая война не страшна.

Последняя война

...смерть сильнее стала.

Э. Фрид

Где нам рóстить детей!
корни бы только деревьям оттяпать
да крылья – пичугам.

Чахнут цветы и антенны
от адского чада –
яда зловонного труб.

Зло-то творим,
а чтобы покаяться – нет!

Атомные, нейтронные,
межконтинентальные
бомбы
будут силёнкой покрепче
тех, кто их сотворил.

Правит-то миром
раздор,
злоба, насилие, ложь. –

Нет, не добро, не добро,
кто бы там что
ни свистел.

Той, ненасытной, с косою,
что человечину жрёт,
жадную глотку залить –
слёзы да кровь подавай!

Море крови и слез!

Мир стоит на краю,
шаг – и... вниз полетит,
только войны не хватает...

вон
уж взялись за ружьё!

В весну
пахнет звёздами ночь.

Ночь лежит, разметавшись,
и снится ей вихрастый ветер
с голубыми глазами,
что ловко, как фокусник,
освобождает её
от всего, чем укрыта
её драгоценная суть –
скромности,
стыдливости,
платья...

Сквозь чёрные пряди сияют
огненные груди.

И, подобный лунному свету,
гладит тёплый дождь
её плечи и сонные руки,
и бедра, и грудь,
что трепещет, сияя
сквозь тёмные пряди,
нежно касаясь.

А ветер с голубыми глазами,
целуя ей плечи и груди,
и чуть приоткрытые губы,
проникает в её лоно ...

Ночь лежит, разметавшись,
убитая нездешней страстью
радуясь собственной смерти.

Ночь в весну
звёздами пахнет.

Надежда ВОРОКОВА

Надежда Умаровна Ворокова родилась в г. Нарткала КБАССР в семье учителей. В 1984 году окончила очную аспирантуру Ленинградского государственного университета по кафедре общего языкознания. Доктор филологических наук, преподаватель. В настоящее время – профессор кафедры гуманитарных дисциплин Северо-Кавказского государственного института искусств.

Кот

Наш старый кот пропал,
 Оказалось – он ушёл умирать,
 Забился под старый сарай...
 Покорно, смело
 И так незаметно
 Умирают звери, птицы и рыбы...
 И деревья умирают так стойко!
 Люди ведут себя иначе,
 И неведомо, почему...

Беспокойная птица

Стали на крыло твои птенцы,
 Беспокойная птица.
 Пора созерцанья
 Пришла в твою жизнь...
 Наслаждайся исполненным долгом
 И выстраданной свободой
 И не спеши никуда,
 Даже если есть куда спешить...

Родители

Ради детей
 Во всем себе отказывали...
 Дети выучились.

Сын в Америке,
Дочь во Франции –
Не последние люди.
Родители всем рассказывают,
Какие у них чудесные дети...
Осталась в России
Печальная пара
Одиноких глупых родителей...

Обидчик

Я едва узнала тебя,
Мой обидчик.
Ты брёл по аллее парка –
Настоящий живой мертвец.
Душа моя содрогнулась –
На тебе печать скорой смерти,
Это увидела я без труда.
На земле станет чище,
Когда ты уйдёшь,
Это вне всяких сомнений...
Но кто исправит вред,
Причинённый тобой
Многим, не только мне,
Ненасытный, алчный
Бывший большой начальник?

Камни

В давние времена
Стариков сбрасывали со скалы
Или оставляли умирать
В тёмном лесу...
Сейчас другое время,
Но, увы, нравы
Изменились не очень...
Когда умер твой муж,
Ты решила, что будешь
Жить для детей...
Наблюдаю твою
Беззащитную старость:

Скудная жизнь,
Одинокие дни,
Угрюмые взгляды
Детей и внуков...
Ты желаешь цветов
И пения птиц –
А находишь только камни...

Вдвоем

Пройдя репрессии и войну,
Он не хотел иметь детей,
Но она думала иначе...
Когда наступила старость,
Он понял,
Что ничего, кроме
Хлопот и разочарований,
Не дало ему отцовство,
Но ей ничего не сказал...
Она же была довольна:
Она выполнила
Свое предназначение.
Дети выросли
И разлетелись...
И снова они
Остались вдвоем,
И были счастливы,
Особенно он...

Ей

Ты прожила в этом
Бренном мире
Восемь десятков лет...
Побелила внутри и снаружи
Свой домик,
Привела в порядок
Растения и вещи...
Обратилась к Богу,
Закинув голову к небу:
– А теперь определи меня, Господи!

Болела недолго
И легко умерла.

Плохой муж

Он был любимцем женщин
И плохим мужем.
Теперь, в семьдесят,
Он стал примерным:
Сидит дома
И боится услышать,
Что о нем думает она.

Когда уходят

Только когда уходят
Один за одним
Те, кто был всегда рядом,
Начинаешь осознавать
Что Жизнь и Смерть всегда рядом...
Ты кричала «Мама!»,
Когда её опускали в могилу.
Ты не верила, что она не ответит,
Ничего не скажет на прощание...
Но она молчала...

Дизайнер

Все складывается
В понятную картинку:
Мы – персонажи игры.
Это уже банально...
Но кто же дизайнер
Этой игры –
Невероятно красивого
Этого мира?
Я хочу знать Его имя!

Алим МАКОЕВ

О себе

32 года, нальчанин. Учусь делать бизнес. Учусь наблюдать. Отучаюсь от школ и университетов. Пока еще не стал безразличен к социуму – либерал. Единственное, что не надоедает – прогулки.

Свет тёмный, явь немая

Что для меня?
 Свет темный, явь немая,
 бессилие цветов,
 пыль башмаки мои глотают,
 не брезжит больше,
 не рождается слеза.
 К середине жизни –
 словно на луне –
 притяженья нет.
 У отдалений нет предела,
 все превращается в прощанье,
 и силуэты расстаются кто куда.
 И только от молчанья не отнять себя.
 Там звуки ходят по глубинам,
 не предавая
 свой источник –
 никогда.
 Молчание – ты сердце или явь иная?
 Как далеко от дома
 оказался я.
 Я звуком облетел весь мир
 и возвращаюсь,
 родившись из тебя.

Как беспокойно всякое начало

Как беспокойно всякое начало,
 И как нервозен первый жест утра.
 В преодолении границ молчанья
 всего труднее первый шаг.
 О лестницах, ведущих вверх ли, вниз,
 лишь только мысль вызывает боль.
 И до чего тревожны первые свиданья...

И первый взгляд ее украдкой
без всякого ключа к разгадке,
когда стрела еще на тетиве...
Как беспокоен этот взгляд на мне!
И жесты, спрятанные в складках,
от нас скрывают сердца зов
и бремя любви своей,
когда спасение всего нужней.
И до чего закат в один из дней,
влечет уйти за небосклон.
А первой жизни плач и вздох,
так неизбывен и печален на земле.
Не оттого ли, что в начале самом
виден нам конец?

Эпилог

Древние глаза мерцают
в городе каменного молчания,
похожем на пропасть,
в обиталище предков, возведенном,
слово дамба у подножия гор,
чтобы ловить исходящий оттуда гул,
неясный выговор, блуждающий столетиями.
Любовь заброшена,
словно вышедший из моды платок,
или даже ребенок,
который ищет вслепую дорогу домой.
Одиноки прогулки по разбитым плитам,
где корни деревьев взбунтовались и просят свободы.
Я один из всех, один на один с судьбой,
жаждущий неизвестности
и взрыва всех веществ во вселенной.
Одинокий на аллее, потому что друзья
призваны на денежный фронт,
я не иду, а шарю, и не шарю, а ползу,
и не ползу, а просто верю,
верю так тихо, что не хватает слов,
иду и сразу же возвращаюсь, потому что идти некуда,
да и незачем, да и вообще,
шаги против всеобщего движения,
против земного вращения,
это порой единственный путь,
единственный путь порой.

Борис БАЛКАРОВ

Преподает в Институте информатики, электроники и компьютерных технологий Кабардино-Балкарского госуниверситета. Является автором целого ряда пособий по компьютерной графике и программированию, за которые снискал ряд дипломов международных выставок учебной и учебно-методической литературы.

Наряду с этим Борис Балкаров является автором около 300 стихотворений и текстов песен, двух пьес и первого в Кабардино-Балкарии научно-фантастического романа «Рабы Нового Вавилона». Недавно им был выпущен сборник его ранее не публиковавшихся стихов и прозы «Карманный Златоуст», великолепно оформленный дочерью – дизайнером графики Анной Балкаровой.

Несмотря на то, что он регулярно участвует в фестивалях авторской песни, в последнее время в его литературном творчестве все больше начинает преобладать проза. Предлагаемый рассказ является образцом его прозы и публикуется впервые.

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Пролог

Ужасно. Утро ужасное. Погода ужасная. Состояние ужасное.

Такое ощущение, что в желудке поселилась огромная амeba, состоящая из всего вчера съеденного и выпитого, и теперь рвется наружу. При этом она сама не понимает, куда ей рваться: вверх или, наоборот, вниз по кишечнику. Когда она пыталась вырваться вверх, его сгибало в мучительных позывах к рвоте, но она, амeba, в последний момент передумывала, и все попытки освободиться от неё сводились к мучительному кашлю в согбенном состоянии с выплевыванием чего-то горького. Когда же ей приходило «в голову» выбираться снизу, он хватался за живот и нервно озирался на предмет поиска мест, в которых можно опростаться. На такую роскошь, как платный туалет, он при этом не рассчитывал, но хоть кафе какое-нибудь. И вот ведь... Как только подходящее заведение попадалось ему на глаза, амeba в желудке тут же переставала бунтовать.

С головой было ещё хуже. А какие вы бы испытывали ощущения, если в вашу, в общем, круглую черепную коробку поместили бы кубический мозг с твердыми углами. И при этом он, мозг, колебался бы и пытался вырваться наружу, ударяя этими углами изнутри по вашему черепу. А?

Ужасно! Погода ужасная. С неба сыплется не то дождь, не то снег, под ногами хлюпает, и ты чувствуешь, как эта хлябь проникает сквозь тонкую подошву туфель. Да уж, когда в своей машине, всё это ощущается куда менее драматично, но когда пешком... А амеба рвется из желудка, а мозг колотится острыми углами в череп...

А, кстати, где машина? Так. Встали, собрались и подумали. Машина у кабака вроде бы. Да, скорее всего. Ну не садиться же за руль в том «приподнятом» состоянии, в котором они с Томкой поехали к ней домой.

– Су-у-у-ка, Томка, – сформировалось в мозгу пока еще не совсем четко, но мысль эта стала почему-то неотвязной. Но доминирующим все-таки стало – «сто грамм, а лучше – двести». И он вспомнил о фляжке в бардачке его машины. Туда, туда – звало его не только желание опохмелиться, но и какое-то чувство, что некоторая доза алкоголя приведет его мозг из кубической в нормальную для данного органа форму, а то и амебу в желудке на какое-то время укротит.

– Ага, – подумал он и с надеждой посмотрел по сторонам. Но увы! Утро было не только промозглым, но и настолько ранним, что во всех ларьках вдоль его пути шторы были наглухо закрыты.

Да и машин на улице было негусто. Он долго топтался на месте, пока какой-то таджик не остановил потрепанную «шестерку» и не спросил: «Куда ехать, начальник?».

Он буквально бухнулся на сидение и только после этого сказал: «Хинкальную номер два знаешь? К её стоянке». После обозначения конечного пункта маршрута он похлопал себя по карманам и, к удивлению своему, обнаружил там несколько скомканных тысячных купюр.

– Едем, – категорически сказал он, пресекая недоверчивый взгляд бомбилы.

Бомбила остановился у стоянки. Он увидел свою машину и, предчувствуя радость возвращения в привычный мир, сунул в руку таджика несколько купюр, а затем, перебирая замерзшими и мокрыми ногами, буквально влетел в салон. Включил движок и, не ожидая, когда все прогреется, открыл бардачок. Заветная фляжка была на месте. Он выдул сразу половину её содержимого. К этому моменту в салоне стало тепло. Он скинул мокрые туфли и носки, опустил спинку сидения и, задравши ногу на торпеду к самому калориферу, с наслаждением предался ощущению того, как тепло разливается по его телу, а алкоголь расслабляет и возвращает мозг к его исконной полусферической форме.

– А не поспать ли часок, – подумал он. Но что-то не позволило ему отключиться. Даже не абстрактное «что-то», а забившаяся вновь мысль: Томка су-у-у-ка, су-у-ка, су-у-у-ка Томка!

Почему? Ну что, в первый раз, что ли, она выносит ему мозги на предмет того, чтобы он женился на ней, Томке.

– Так, хватит, собираемся. Сперва – в офис, разгребу бумаги (ох, как не хочется, а надо!), захвачу рождественские подарки для дочек. Вообще я должен был ещё вчера к ним заехать с подарками. Но в кабаке, куда они зашли поужинать с Тамаркой, объявились её друзья, то ли актеры, то ли художники, и покатилося. И вот имеем то, что имеем. Надеюсь, Катерины дома еще не будет.

Константин обулся, проглотил таблетку «Антиполицая», запив ее остатками воды из полупустой бутылки, валившейся на полу в салоне, и вставил ключ зажигания. До офиса он докатил, слава богу, без приключений.

Бумаг оказалось несколько больше, чем он предполагал, но тщательно просмотрел их все и отреагировал правильно: что в корзину, что к исполнению, а что в папку, как он её называл, «для раздумий».

Покончив с делами, он подхватил объемистую коробку с «Лего» для Пашки – младшей, и складной мольберт для Машки – старшей, и покинул кабинет. При этом, однако, кинул взгляд на «песочные часы» и отметил с тревогой, что в верхней их колбе остался всего один шарик.

Глава 1

Связь Константина с Томкой тянулась уже полгода. А познакомил их его старый друг Фетс. Ну как познакомил. Томка работала у него операционной сестрой. Сам же Фетс (Филадельф Евстратович Тсаликов – попробуй такое выговорить на трезвую голову, поэтому все более-менее близкие называли его Фетс) был нейрохирургом, причем, по словам не только его пациентов, но и начальства, имел светлую голову и золотые руки.

С Константином они дружили уже лет тридцать, со школьной ещё скамьи. Он помнил, когда в их девятый физико-математический класс вошел невысокий, но крепкий русский паренек, похожий на спелый подберезовик, с откровенно славянской внешностью. Классная, представляя его медленно и путаясь, пыталась назвать его по имени, а новичок с каждой её ошибкой краснел всё больше и больше, становясь более похожим на подосиновик. И тут Константин не выдержал и крикнул: «Фетс, ты – Фетс! Кидайся рядом!» Так они и сошлись. Оказалось, что у них много общего. Им нравились одни и те же книги, видео, музыка и даже девчонки. По уровню интеллекта они были тоже конгениальны. (Конгениальность – сходство по дарованию, образу мыслей, идейному направлению, стилю.) Ходили на олимпиады и школьные конференции и даже занимали там неплохие места. Раскололи родителей на недорогие гитары и, освоив пяток ля-минорных аккордов, начали обольщать девушек Макаревичем, битлами, Высоцким и даже некоторыми перлами

песенного жанра своего сочинения. Девушки балдели и отвечали вполне определенной взаимностью.

Тут надо вставить маленькую ремарку. Дело в том, что у Фетса музыкальный слух находился в зачаточном состоянии. Зато у Константина со слухом было всё в порядке. Но у Фетса хорошо складывались слова. И поэтому, когда они охмуряли девушек своими песнями, пел в основном Константин, а Фетс только «подмяукивал», и то очень негромко, дабы не испугнуть...

В это же время они начали курить трубки. Кто не поймет, тому надо разъяснить, что курение и курение трубки – это две совершенно разные процедуры. Что такое простое курение. А трубка – о! Это не курение, это – ритуал. Трубку нельзя курить в суете мирской жизни. Для этого нужно воспарить над миром и, набирая ароматный дым в рот (не затягиваясь ни в коем случае, ибо затягивание приводит к жуткому кашлю) и выпуская его из себя затейливыми клубами, размышлять о судьбах этого самого мира, да чего там мира, всей Вселенной!

Кстати, кем и как был подслушан интересный разговор между их классной «Бабой Женей», настолько уникальной учительницей, что ей вообще нужно было бы посвятить не пару строк, а отдельный роман. Завуч, господи, завучиха пыталась вставить Бабе Жене на тему:

– Вот ваши Константин и этот, как его, Философ или... Мало того, что курят, но ещё и здороваются со мной, этак фланируя.

На что Баба Женя ответила просто:

– А что, лучше бы они вас послали?

На последнем году обучения Фетса начало клонить всё больше в биологию и медицину, в то время как Константин испытывал непреодолимую тягу к компьютерам. И даже как-то поделился с другом, что мечтает создать искусственный интеллект. Фетс усмехнулся и сказал:

– А что такое вообще интеллект?

Константин пытался что-то ответить, но понял, что и сам точно не понимает, что это такое.

– Вот почему искать нужно не в компах, а вот здесь... – при этих словах Фетс постучал себя пальцем по лбу.

После школы их пути разошлись достаточно надолго. Фетс поступил в Военно-медицинскую академию в Питере, Константин же остался в родном городе, поступив в местный вуз, который, впрочем, славился подготовкой качественных компьютерщиков.

Домой Фетс вернулся лет через пятнадцать, а то и поболее. Доктором наук и профессором. И сразу возглавил «подышающее» в девяностых отделение нейрохирургии, очень быстро превратив его в клинику. И не просто в клинику, а в клинику, куда потянулся народ сперва из столицы, а потом из-за рубежа, поняв, что уровень здесь выше, а плата за услуги ниже, чем в их просвещённых европах и америках.

И спустя некоторое время он объявился дома у Константина. Да не один. А с очень симпатичной дамой по имени Алла.

Алла не была писаной красавицей. Да что там. Константин на улице если и обратил бы на нее внимание, то только из-за цвета волос. Она была рыжей! Нет, она не была крашеной рыжей, она была истинно рыжей. С волосами всё понятно. Но кожа – она просто отливала молоком. При этом – легкий флер веснушек, равномерно угасающий на шее, плечах и в неглубоком вырезе блузки. (Как-то в ничего не значащем разговоре она призналась, что до встречи с Фетсом очень комплексовала и что в школе её дразнили «морковкой».) А вот Фетс внушил ей, насколько она редкой красоты женщина, и она ему поверила (ну это же Фетс – умел, умел...).

Не скажу, чтобы они виделись очень часто. Скорее – регулярно. Но и Константина, и Фетса, в каком бы составе они ни собирались, встречи их радовали. О нет, они не устраивали каких-то глобальных пьянок, потому что после третьей рюмки расчихлялась гитара: и вновь – Макаревич, битлы, Высоцкий, ну и свои, из старенького.

Судьба же Константина в эти годы не отличалась какими-то сильными извивами. Закончив свой вуз, он устроился сперва в КБ. Потом, когда под натиском неорганизованного рыночного капитализма всё начало рушиться, он вместе со своим тогдашним шефом открыл маленькую контору по продаже компьютеров, а также по установке на них краденого софта (а откуда деньги на лицензионный?) и ремонту оных. Когда же таких контор появилось как грибов после дождя, Константин расширил свой бизнес и занялся производством печатной продукции: визиток, буклетов и т.п. Кто-то из константиновых друзей, вспоминая то время, рассказывал: «К Константину домой зайдешь – из мебели только кровать и табуретка. Всё остальное – два компа с суперскими мониторами ну и всякая машинерия для печати. По углам – пачки бумаги, тубы с краской – как он жил в этих миазмах? – ну и ящики упаковочные. Вот на них у него гости и сидели, а табуретку Константин использовал как обеденный стол.

И вот так, по чуть-чуть, он создал свой бизнес. Причем, зная о «глазах завидующих и руках загребущих», быстро нашел себе вполне нехилую «крышу». При этом не рубил миллионы, но и своего не упускал. Так, средний, ну, может быть, чуть-чуть выше, чем средний бизнес. То есть никаких экстремальных телодвижений, типа покупки дачи в Испании или «Мерседеса» последней модели, за ним не наблюдалось. Ездил себе спокойно на «Фольксвагене-Пассате». Могучих сабантуев не устраивал и кордебалеты в куршавели не возил. Так вот жил, потихонечку, но вполне в достатке.

Кстати, однажды на него все-таки наехали. На предмет продать фирму. Константин не стал даже обращаться к «крыше». Он просто сказал: «Берите, если прибыль в 10% вас устроит. Но учтите, у нас есть имидж.

Вот вы разгоните нас, наберете новых дизайнеров, web-сайтеров и прочих. Но ведь они вам не дадут тот стиль, который приносит прибыль. А чтобы сформировать новый имидж, время потребуется. Хотите? Да, еще вот что. Это ж дизайн – дело тонкое. Я уж не говорю о том, что наши сотрудники в основном женского пола. А пол этот имеет такую привычку – беременеть. Причем в самое не вовремя. Да и когда не беременеет, у них то душевные драмы, то нет должного творческого настроения, а то просто дети болеют.

– Шеф, у меня Светка сопливит. Можно, я сегодня по удаленке?

– Лариса, у нас же сегодня печать! Как без тебя?

– Борысыч (отчество у Константина было Борисович), э, свадьба у племянницы. Можно, я в ночь выйду? Всё напечатаем, как в аптеке!

– Ага, как же, после свадьбы. Так вот, Максуд, если ты опять все в желтый уведешь, то я тебя точно самого пропущу через ризограф!..

Ну что, хотите такую фирму?»

Большие дяди, которые хотели, явно смекнули, что тут головных болей много больше, чем те призрачные прибыли, которые сулит отжим, и... отстали.

Глава 2

Кстати, началу семейной жизни Константина Фетс тоже весьма поспособствовал.

Дело было поздней осенью, и погоды на дворе стояли омерзительные. Фетс пришел в офис Константина, если можно так назвать комнатку в три квадратных метра, в поганом настроении (что-то не так пошло у него на операции) и с бутылкой довольно приличного виски. В общем, слегка посидели, поплакались на жизнь и решили слегка пройтись пешком, дабы окончательно развеять тоску. Небо над ними было какого-то бурого цвета. Цвет этот формировался идиотскими оранжевыми уличными фонарями и сыплющейся с неба какой-то субстанцией, которую трудно было назвать снегом или дождем.

И шли они себе тихо-мирно и, естественно, не заметили выломанный бордюрный камень, лежащий на проезжей части улицы, по которой они брели. Вот Константин об этот камень и споткнулся... Итог – слегка разбитая морда лица и выбитый зуб. Понятно, как он начал отзываться о ситуации – нормативной лексики там практически не присутствовало. А в это время на балконе второго этажа, выходящем на эту улицу, появилась девушка, дабы снять просыхающее белье. И заслушалась. И, видно, это ей так понравилось, что она рассмеялась.

Фетс тут же встал на дыбы (тем более, что поток сверхнормативной лексики у Константина иссяк) и воскликнул: «Чем ваше такое вот отношение, лучше бы вынесли моему другу стакан воды и хоть таблетку

аспирина!» И что вы думаете? «Подойдите со двора ко второму подъезду, – ответила девушка. – Я сейчас!»

Подошли. И действительно, девушка уже ждала в подъезде, кутаясь в халатик, со стаканом воды, кучей таблеток и каким-то перевязочным материалом. «Так, выпейте всё это и показывайте, что там у вас». Хотя в подъезде было не очень светло, Константин разглядел, что девушка была довольно хороша собой, а её руки были ласковы, и когда она промокала его кровь и заклеивала разбитую губу пластырем, он проникся легкой дрожью.

И тут на передний план снова вылез Фетс. Он рассыпался в извинениях и за сверхнормативную лексику его друга, и за то, что они в такое позднее время затруднили её оказанием такой необходимой и замечательно оказанной медицинской помощи, сообщив ей, насколько они обязаны. И в качестве малой компенсации за все причиненные ей неудобства пригласил её... на вечер поэзии. (Вот уж чего бедная девушка никак не ожидала.)

А еще больше её удивило, что в субботу вечером она сидела в большом зале и слушала, как эти странные её знакомцы поют под гитару «Тонкий шрам на любимой попе» Макаревича.

Потом они шли по ночному городу, прикрывая Катерину (так, оказывается, звали «ангела-спасителя» Константина) двумя зонтами и время от времени выпихивали друг друга в лужи, чтобы, не дай бог, их «ангел» не замочил своих ножек.

И этого вечера было вполне достаточно, чтобы Константин увидел в Катерине Свою Женщину. Единственную и неповторимую.

При дневном свете Катерина являла собой тех женщин, по которым на улице мужчины только мажут взглядом, фиксируя в уме: «Ничего особенного...». А ведь стоило бы присмотреться. Ох, стоило.

Русые, даже, пожалуй, темно-русые волосы, неопределенный цвет не самых больших глаз. Абсолютно ординарный рот. Слегка субтильна телом, узкие бедра и маленькая грудь. Нет, задерживать взгляд на улице на такой явно не стоило.

Но приглядевшись, вы начинали видеть, что её волосы, насильно сжатые в гладкую прическу, на самом деле – грива, которой только дай волю и она рассыплется по плечам неукротимой волной. Неопределенного цвета глаза на самом деле очень чутко меняли цвет в зависимости от состояния их хозяйки, становясь то нежно-голубыми, когда она была в хорошем расположении духа, то сумеречно-серыми, когда «оне изволили гневаться».

Тело же её отнюдь не было худым. Оно было легким, и если бы мы, мужики, были чуть более внимательными, то заметили, что она не идет по улице, а как бы летит этим своим легким телом, почти не касаясь земли. К счастью, у Константина было время всмотреться и увидеть всё

это. И когда Константин впервые увидел ее обнаженной, то (нет, не в тот момент, а утром) обнаружил, что её грудь – точная копия груди Венеры Милосской. Да, той самой, из Лувра. Сойдясь ближе и уже планируя совместную жизнь, Константин отметил и её ум. О, это не был такой вот аналитический ум, чтобы в вечерней тиши можно было обсуждать с Катериной деликатные вопросы квантовой механики или антропогенеза (в чем, кстати, и сам Константин разбирался на уровне Анны Чапмен – ба-а-а-альшого специалиста по всем вопросам вообще). Ум у неё был более приземленный. Это не означало, что она сама была тупенькой и необразованной, отнюдь, у неё были свои интересы: она, например, очень тонко разбиралась в современной живописи. Но у неё не всегда хватало слов, чтобы объяснить Константину, почему Ван Гог ей куда ближе, чем Дали. Она не раз пыталась что-то объяснить Константину (не обязательно про творчество Ван Гога), но с тем же успехом.

Однако Катерина, видимо, тоже углядела в Константине что-то такое... то, чего за свою молодую жизнь ей не довелось встретить у других мужчин. И отношения с момента их встречи «под балконом» начали развиваться, как говорят математики, по экспоненте, то есть стремительно!

В Константине даже проснулась в какой-то момент ревность, хотя Фетс, естественно, не претендовал. Поскольку для него его дом и лицетворение этого дома – Алла, были Абсолютом.

Правда, однажды случился некий казус.

Константин, Фетс и еще пара общих друзей справляли константинов день рождения. Компания была исключительно мужская. Сразу скажем, что на таких «посиделках» считалось плохим тоном напиваться, поскольку финалом празднования было массовое пение под гитару. И это понятно – перепьёшь, будешь по струнам мазать. Так что народ находился хоть и в градусе, но был вполне вменяем.

И тут под окном раздался дивный женский голос: «Ребята, а меня в компанию примете?»

Этот голос Константин уже узнавал с первой ноты.

– Бойцы, это же моя Катерина. Вот я вас с ней познакомлю!

И через малое время Катерина сидела за их столом, выпив, не кокетничая, стаканчик крепкого (странно, но за окном снова была мерзопакостная погода), и внимала новой балладе Фетса, которую он исполнял с большим чувством. Настолько большим, что «мазал» по тональности в каждом куплете.

А через некоторое время, когда внутренний градус у присутствующих еще немного усилился, Константин вызвал Фетса в коридор. И там, почти взяв его за грудки, молвил: «На Катерину не смей!» Черт знает чем бы это закончилось, но Фетса эта претензия повергла в такой транс, что, пытаясь сдержать смех, он просто сполз по стеночке и даже не смог Константину толком ответить, а только похрюкивал.

Константин же почувствовал, что он явно был неправ. Поставил Фетса на ноги, хлопнул пару раз по спине, чтобы тот отдышался, и они в обнимку вернулись в помещение.

Потом они проводили Катерину и, кажется, заехали домой к Константину, что-то допивали, клялись друг другу в вечной дружбе, а потом появилась Аллочка и, деликатно отклонив предложение о продолжении банкета, утащила Фетса домой.

Глава 3

Этот подарок лежал в числе других на журнальном столике и ничем не отличался от прочих, подаренных ему, Константину, на тот день его рождения. Годков ему в ту пору исполнилось... в общем – расцвет среднего возраста. Отметим, что женат тогда он ещё не был, но Катерина светила, как маяк, его семейному будущему самым интенсивным светом.

Слава богу, следующий день был выходным. Поэтому, встав не рано и поправив здоровье «двумя пальцами» виски, он начал разбирать «дары волхвов». Большинство даров было предсказуемо, как то: компактный спальник, шикарная кастрюля или, например, великолепное издание «Толковой Библии» с иллюстрациями, между прочим, самого Доре. Но вот эта коробка как-то не вписывалась. Открыв её, он обнаружил весьма странный предмет. То есть на первый взгляд ничего странного в нем не было – ну, песочные часы, ну большие, ну не с песком, а с какими-то черными шариками, гранулами, но явно не с песчинками. Верхняя часть была полна, но и в нижней лежали несколько этих то ли шариков, то ли гранул. По самой приблизительной прикидке и в верхней, и в нижней колбе их было около сотни штук – а сколько песчинок бывает в даже самых маленьких песочных часах? А?

И что еще удивляло – хотя горлышко между двумя колбами в этих «часах» было достаточно широким, гранулы совсем не торопились перепадать из верхней колбы в нижнюю. Константин для проформы встряхнул «часы» пару раз, поперевертывал, но ничего не произошло. Как в верхней, так и в нижней колбе соотношение гранул-шариков, по крайней мере на вид, не изменилось.

Он недоуменно пожал плечами – что, мол, это за хрень такая. Но хрень была достаточно эстетична – шарики таинственно играли матовыми отблесками, а посему он просто поставил её так, чтобы она была видна, но не сильно отягощала своим видом и расположением. И быстро забыл об этом подарке. Так мы быстро забываем о купленной нами, например, люстре. Первое время мы смотрим на неё и восторгаемся. Но это самое первое время проходит и наступает второе, и мы просто перестаём эту чудесную люстру замечать.

Автору кажется, что такое же явление характерно и для отношений между мужчинами и женщинами. Поначалу мы смотрим не него или на неё так, что каждый волосок на его или её голове кажется нам золотым (в крайнем случае – серебряным), а каждое слово – смесь песни Давидовой пополам с мудростью, минимум, Эйнштейна. А проходит время и волосы его или её воспринимаются не более, как противные нити на подушке по утрам, а слова – не более как шум воды в не до конца закрытом кране. И хорошо ещё, если такой шум не ассоциируется с шумом спускаемой в унитазе воды. Привыкание – страшное состояние!

Позже, правда, он снова обратил на эти «песочные часы» внимание и утащил их из дома к себе в офис. Повторим, тогда он еще женат на Катерине не был.

Первый «звонок» от этих часов он и не услышал. А получилось так.

Вдруг позвонил ему старый приятель, тоже одноклассник. Вот, проезжал через их город, вспомнил и позвонил. У приятеля были какие-то дела, поэтому предложение Константина остановиться у него он отверг, мотивируя это неудобствами, связанными с этими самыми делами. Ну и, разумеется, решили встретиться на следующий день. Константину от родителей досталась довольно приличная квартира в центре, так что вопрос о выборе ресторана для встречи был пресечен Константином на корню и категорически в пользу его квартиры. Вопрос о приглашении Фетса тоже не вызвал возражений.

Но к вечеру Константин вдруг захандрил. Бывает такое состояние, когда тебе ничего не хочется делать и никого видеть. Константин все-таки пытался привести себя в чувство, но так и не смог. А потому позвонил Вадиму (так звали его заезжего приятеля) и, для убедительности кашлянув пару раз в трубку, сообщил, что он-де сильно заболел и потому просит встречу отменить. Но как только он будет в столице, то они обязательно с Вадимом встретятся и посидят, да так, что море всем лужей покажется.

Вадим посочувствовал и сказал, что непременно будет ждать Константина у себя. На сем и расстались. А через пару месяцев кто-то из их общих знакомых сообщил Константину, что Вадим умер от инсульта.

Константин возвращался домой в таком состоянии, как будто нес на плечах чугунную плиту. Ведь можно было увидаться тогда, ведь кроме его, константинового, локального приступа пофигизма этому ничего не мешало! Но кто же знал, что тот звонок и разговор будут последними!

И, войдя домой и к себе в комнату, Константин услышал странный резкий неприятный звук. Он зажег свет и увидел, что в нижней колбе его «песочных часов» количество гранул увеличилось.

Тогда он не сделал никаких выводов – не до них ему было. Не разуваясь, прошел к бару, вытащил непочатую бутылку виски, ополовинил

её, не закусывая, а когда его «понесло», просто повалился на диван в чем был и так проспал до утра.

Утром болела голова, амеба (см. пролог) шевелилась в желудке, а потому боли, пришедшие из внешнего мира, воспринимались не то чтобы менее болезненно, но как-то легче, по-свойски, что ли.

Однако какое-то шестое чувство подсказало ему, что часики эти непростые, а посему лучше их дома не держать. И на следующий день он отвез их в свой офис. Благо, совпало с переездом офиса в новое помещение, более представительное и просторное.

И через некоторое время Константин вновь перестал обращать на эти часы внимание.

Глава 4

Как было сказано, Константина с Тamarой познакомил Фетс. Именно познакомил, а не свёл.

Часов в шесть вякнула мобилка, и голос Фетса, не терпящий возражений, потребовал от Константина бросить делать вид Большого Бизнесмена и немедленно ехать к нему в клинику.

На вопрос «Что случилось, ты оживил мумию Тутанхамона?» последовал ответ, в котором самыми приличными словами было: «Приедешь – узнаешь!». Судя по сверхнормативной части лексики, Фетс действительно сделал что-то такое столь гениальное, что нормативной лексикой описать невозможно.

За столиком для инструментов на диванах для отдыха персонала между операциями собралась вся Фетсова бригада. Стол изобилдовал дорогими напитками и яствами. Константин быстро выпил штрафную, и его усадили между толстым волосатым дядькой – патанатомом Рустамом и весьма приятной дамой лет тридцати.

– Кто не знает, – молвил Фетс, – это мой лучший друг Константин. Мой одноклассник. Бизнесмен, дизайнер, художник божьей милостью и вообще чрезвычайно талантливый человек.

– Ну, Рустика ты знаешь, – продолжил Фетс. – А вот, слева от тебя, Тamarочка. Моя новая операционная сестра. Специалист – супер. Я рта не успеваю раскрыть, а она уже мне нужный инструмент подает. Я даже думаю, – тут голос Фетса перешел на драматический шепот, – что она телепатка.

Рука супер-телепатки операционной сестры была изящной и в то же время плотной и сильной и пахла не только дезрастворами, но и какой-то тонкой косметикой. Константин с удовольствием приложился к её изящным пальцам с коротко остриженными ногтями без маникюра.

Выполнив не без удовольствия акт знакомства, он, тем не менее, отвернулся к Рустаму и спросил его, по какому поводу банкет.

– Ты что, брат. Фетс меня сегодня снова работы лишил!

– Как так?

– Такого покойника вытащил. Ну, ты представь. Дюбель из пистолета в ухо себе умудрился вбить. А дюбель был не простой, а с саморазворачивающимся концом. Представляешь, что у этого пацана от мозга осталось? И, главное, это железо попробуй просто из башки вытащить. А Фетс смог! И не просто смог. Он ещё это так сделал, что пацан через месяц уже на выписку пойдет. Ну, если, конечно, с башкой всё нормально будет. В смысле психики. Понял?

– Ух! – и Константину представилась картина: человек на операционном столе. Развороченная, вся в крови, черепная коробка. И над ней «витают» Фетс, погружая в это месиво какие-то блестящие инструменты, поглядывая на дисплеи и отдавая короткие команды. А его соседка справа, не ожидая команды, подает ему ещё какие-то инструменты или, зажав щипцами комок ваты, промокает обильно потеющий Фетсов лоб.

От натурализма картины его внутренне передернуло, и, чтобы как-то войти в себя, он налил себе половину медицинского двухсотграммового стакана виски, намереваясь его тайком осушить.

Этому намерению помешала соседка слева.

– Ну зачем же так, в одиночку, – голос Тамары был хрипловат и низок. – Я понимаю ваше состояние и, если вы не против, выпью с вами.

– А, да, конечно.

– Ну, за жизнь! Это мой тост такой. Сегодня ещё одному подарили. Я всегда после операции, когда пациент выживает, обязательно его пью.

Константина начало отпускать. И он даже нашел в себе силы спросить у соседки, придав голосу сколь можно в таком состоянии игривости: «И часто пьете?»

– Как начала работать у Филадельфа Евстратовича, то стала чаще.

Константин не сразу вспомнил, что Филадельф Евстратович – это его старый друг Фетс, и такое официальное обращение к другу его весьма удивило.

Трудно сказать, что сильнее повлияло на Константина в продолжение застолья: то ли излишнее воображение, не позволившее до конца стереть в мозгу кровавую операционную картинку, то ли Тамара, в сочетании с совместным регулярным вливанием в себя алкоголя при явном пренебрежении закусками.

*Остановиться, оглянуться
На безымянном выраже,
На неизвестном этаже,
Где доведется вам проснуться.¹*

¹ Стихи Л. Жуховицкого. Простите, если цитирую, может быть, не совсем точно (прим. автора).

Место пробуждения воображения не поражало. Маленькая спальня в маленькой «двушке». Заурядные обои, трехстворчатый шифоньер, не старый, но и не вычурный. Туалетный столик в углу и тумбочка между кроватью и окном.

Правда, постельное белье было явно дорогим и свежим – для гостя постеленным. И запах. Запах алькова. Судя по этому запаху, в этой спальне много и с удовольствием занимались любовью. О нет, к физиологическим аспектам этот запах не имел никакого отношения. Чистая косметика и весьма дорогая. И было в запахе том что-то такое, что довольно быстро превращало мужчину в альфа-самца.

Из глубин квартиры доносились два голоса: женский и детский. Женский голос категорически требовал от обладателя детского голоса сразу после уроков возвращаться домой. Детский же, явно принадлежавший подростку и ломающийся, клялся и божился. «Мам, ну чё, ну хоть на часок в компьютерный зал загляну, а?» На что женский голос отвечал: «Сделаешь уроки – играй хоть два часа!» И опять детское: «Ну мам...». Дискуссия продолжалась ещё некоторое время, потом входная дверь хлопнула, нанеся бедному Константину последний удар по его страдающей голове. Почему-то в памяти всплыли вчерашние рассказы, и он детально представил себе, что этот дюбель попал именно ему, Константину, в голову, а Фетс, зараза (ну надо же – Филадельф Евстратович!), до сих пор его не прооперировал.

Нетвердую рукой он потянулся к тумбочке, схватил бутылку и осушил живительный нарзан одним махом. Полегчало.

Затем в спальню вошла Тамара. На ней был халат до самого пола, но пуговица на нем была всего одна, на уровне пупка, а посему при каждом ее шаге большая часть её телес постоянно вырывалась наружу, что, впрочем,нисколько не смущало их обладательницу.

В руках же она несла поднос с кофейником, источающим умопомрачительный аромат, и всем, что положено к кофе, вплоть до маленьких рюмочек с чем-то желтым и непрозрачным.

– Ты как любишь яичный ликер – в чашку с кофе или так?

– А водки нету? – вожделенно спросил Константин.

– Не вопрос.

Тамара поставила поднос на тумбочку, упорхнула и практически мгновенно вернулась с запотевшей бутылкой и довольно емкой рюмкой, которую и наполнила, протянув страждущему Константину. Константин собрал в кулак остатки не пропитого вчера джентльменства и объявил тост за дам-целительниц. Выпили, поцеловались. Халат распахнулся сам собой...

Идиллия эта была прервана таким настойчивым звонком в дверь, что не открыть ее было невозможно – вынесли бы. За дверью обнаружился красный и разгневанный Филадельф Евстратович, он же Фетс. Неделикатно

отодвинув в сторону свою операционную сестру, он ворвался в спальню и узрел там Константина, слегка прикрытого бежевого цвета шелковой простыней и возлежавшего в самой что ни на есть античной позе.

– Ты! – зарычал Фетс. – Ты! Ты знаешь, что на тебя чуть ли не во всероссийский розыск подали. Катерина вся изрыдалась и требует, чтобы я провез её по всем моргам, дабы она опознала всех жмуриков этой ночи. На твоей работе Петровна (секретарша Константина, женщина в годах и с большим стажем работы в ЖЭКе) устала придумывать отговорки для твоих заказчиков. А ты тут... Что, мне хотя бы позвонить мог?

– Да я не знаю, куда-то телефон делся.

– Куда-то? Ты в сортире клиники его оставил, пьянь. А что у Тamarки тоже телефон в сортире остался?

– Не знаю, – глупо брякнул Константин.

– Ну, идиот, ну...

– Да понял я, понял. Что делать-то?

– Быстро штаны надевай и едем!

– Куда?

– Домой! – заорал Фетс. – А ты брысь, шалава! Сиди дома, носа не высовывай и всем говори, что в жизни этого типа, – Фетс ткнул пальцем в Константина, безуспешно пытавшегося попасть ногой в штанину, – не видела и знать не знаешь. Понятно!.. – И уже немного поуспокоившись, Фетс начал излагать алиби: – Значит, так. Заказчик твой заграничный появился у тебя в офисе неожиданно-негаданно. Ввалился весь из себя и со сноубордом в чехле и потребовал провести переговоры только после того, как попробует Горковские трассы. Вот туда вы и рванули. Благо, твоя снаряга хранилась там в специально снятом на год шкафчике. Вот только телефон ты с дури на работе оставил. Понял? Забыл ты телефон. На работе. Когда же Катерина начала «бить в колокола», я, естественно, сделал паузу – типа, искал по моргам и реанимациям, а потом до меня как бы дошло – ты в Горках, а телефон – в офисе, о чем и сообщил твоей благоверной. Она рвалась, но я сказал, что и сам управлюсь. Поехал и привез тебя, красавца блудливого... Сейчас едем к тебе домой, и ты падаешь пред Катериной ниц на лице свое. Понял? Ну, тогда вперед, алкаш хренов... А ты, шалава... Не будь у тебя золотых рук, выгнал бы к едрене фене! Сиди и не шевелись, – повторил Фетс. – На внеплановую операцию сам вызову.

Глава 5

Катерина встретила «возвращение блудного попугая» без экзальтации чувств. И только тени под глазами были свидетелями слез, пролитых той ночью.

– Ну что же ты, как маленький, не мог с другого телефона позвонить?

– Кха, кха, – поперхнулся Константин. – Да я же твоего телефона наизусть не помню! Зачем? Он же у меня в памяти был записан.

– Дурачок ты мой глупенький. Ох, давай уж в ванную... – более Катерина себя сдерживать не смогла. Она бросилась на грудь мужу и зарыдала, всхлипывая: – Живой, Господи, слава Богу, живой. Гад, гад, не делай так никогда, слышишь, никогда!

Константин стоял совершенно обалдевший, глядя Катерину по волосам и осознавая, что она взаправду считает, что он где-то там резвился на лыжах, а отнюдь не в постели с бабой. И слезы её были искренни, а Константин чувствовал себя законченным подлецом.

Снова Константин увидел Тамару примерно через месяц. Они встретились в универсаме. Тамара, нагруженная разнокалиберными пакетами, направлялась к выходу. Константин же как раз входил, имея целью прикупить бутылочку виски и чего-нибудь вкусенького дочкам. Тут-то он её и заметил.

Нужно сказать, что та их предыдущая встреча, закончившаяся столь бурно, оставила у Константина двоякое чувство. С одной стороны, пусть и пьяная, но какая-то безумная, почти животная страсть, жар и угар. С другой же – ощущение стыда. И в первую очередь он стыдился самого себя. Поэтому, увидев Тамару, он настолько смутился, что даже решил сделать вид, что они не знакомы и быстренько проскользнуть мимо, скромненько так, опустив очи долу.

Но не тут-то было! Тамара его заметила ещё чуть ли не на эскалаторе. И оттуда уже начала ему улыбаться, неловко размахивая своим грузом. Проигнорировать это было совершенно невозможно. Когда они сблизилась, Константин выдавил из себя довольно вымученную улыбку, поприветствовал и как истинный джентльмен предложил свою помощь в качестве носильщика. Тамара в процессе ответного приветствия тут же перегрузила на него всё, кроме своей походной сумки (потому что – женская), и благодарно поцеловала в щеку. Поцелуй был именно благодарным и ничем «порочным», кроме разве что дорогой косметики, не отдавал.

Сердце Константина вернулось к почти нормальной, нет, чуть повышенной частоте сокращений (посмотрите – вот какая женщина, а так просто и ласково...). И, опять же из чистого джентльменства, ну может чуть-чуть разбушевавшегося, он предложил подкинуть её до дома.

– Ой, с удовольствием, а то все руки уже себе отмотала! – радостно приняла предложение Тамара.

– Только я сейчас, – добавил Константин, – прикуплю кое-что домой. А ты иди к машине. Моя – белый фольксваген, номер... Я быстро!

Когда мужчина знает, что ему нужно купить в магазине – это действительно быстро. Он заставил Тамару ждать не более пяти минут, а когда появился, набор её пакетов увеличился еще на один – с тортом и виски домой.

Но «домой» получилось далеко не сразу. Подъехав к тамаркиному жилью, Константин, естественно, предложил донести её пакеты до дверей, что было принято со столь большим воодушевлением, что на предложение зайти и выпить чашку кофе он отказом ответить никак не мог.

Над низким журнальным столиком вился целый набор дымок, включающий в себя дымок над чашками кофе, легкий с каким-то цветочным привкусом дымок от тонкой дамской сигареты и brutальный – от «Ахтамара» Константина.

– Ты позволишь мне выпить немного ликеру? Я так люблю его вкус в сочетании с кофе. Тебе не предлагаю – ты же за рулем!

То ли от цвета тамаркиных ореховых глаз, то ли от дымок, витавших над низким столиком, а то ли от уже знакомого аромата алькова внутри Константина на свет появился альфа-самец, а джентльмен, хотя и боролся упорно, но как-то безынициативно, стал ему явно уступать. И первое очко, выигранное в этой схватке альфа-самцом, выразилось в словах:

– Ерунда какая, с тобой я с удовольствием выпью!

– Э-э! А менты?

– Во-первых, чуть-чуть. Во-вторых, есть «Антиполицай» импортный. И в-третьих, я дорогу закоулками знаю – там ментов не бывает. И в-четвертых... баксы даже в ГИБДД никто не отменял как валюту, способную решить большинство деликатных вопросов. Но я надеюсь, до этого не дойдет. Вот только ликеры я как-то не очень. Да, у меня же виски есть.

– Лед нужен? – понимающе спросила Тамара...

Она разбудила его в шесть вечера.

– Тебе пора! А то опять будет скандал. Опять твоя Катерина с Фетсом будут тебя по моргам разыскивать, а нам это надо?

Речь Тамары была до предела деловой. И Константин подумал, что на этот раз она, может быть, в нем разочаровалась. Он оделся, подхватил нераспакованный торт и уже в дверях снова очутился в тамаркиных объятиях. А она, выталкивая его из двери, вдруг прижалась к нему всем телом и прошептала на ухо набухшими, сухими потрескавшимися губами:

– Мне никогда не было так хорошо! Ни с одним! И если ты исчезнешь, я взорву этот город, найду на его обломках тебя, оживлю – я же реанимационная сестра, и тогда ты навсегда станешь моим!

– О... – подумал Константин, садясь в уставшую от ожидания хозяйина машину. Да уж, Катерина ему такого никогда не говорила.

Упомянем о том, что ни Константин, ни тем более Фетс в своей супружеской жизни не были такими уж аскетами и раз в три-четыре месяца устраивали себе, как говорил Фетс, «витаминазацию». Витаминизация заключалась в поездке в некую загородную сауну, принадлежащую одному из благодарных фетсовых пациентов. Сауна отличалась приватностью и весьма привлекательным доступным женским персоналом. Помимо привлекательности эти дамы были, как опять же говорил Фетс, тщательно гигиенизированы, не наглы, не жадны и при достаточной опытности не склонны к экстравагантности. В общем, наши герои пьяных загулов и прочего непотребства там не устраивали и, проведя несколько часов, удалялись оттуда отмытые, обласканные и самую чуточку навеселе.

И действительно, после такой витаминизации домашняя интимная жизнь у Константина обострялась и активировалась, поскольку он после этих «банных мероприятий» как ни странно все больше и больше убеждался, что его Катерина – самая лучшая женщина во всех, можно сказать, смыслах. И уж конечно, ни о каком постоянстве в связях с банными дамами речи и быть не могло.

Однажды они с Фетсом поддавали в одной малознакомой Константинову мужской компании, и после соответствующего количества выпитого разговор зашел о женском поле. Константин, уже подпивший, тогда крайне грубо отозвался о «банных дамах», как бы проявляя мужчинскую лихость... И нарвался на гневную отповедь Фетса.

– Как ты смеешь так о них отзываться! Они тебя обласкивают, доставляют удовольствие и вообще делают полноценным мужчиной! – орал Фетс. – А ты их грязью поливаешь, сука неблагодарная. Если они такие грязные, что же ты, говнюк, в эту грязь лезешь! А ведь лезешь, да еще и похрюкиваешь в особо удачные моменты. Так кто тогда свинья?

Константин тогда вспылил и даже хотел дать Фетсу в морду, но разговор как-то быстро перешел на другие темы, и после ещё одной дозы спиртного ситуация рассосалась сама собой.

Правда, как выяснилось позже, «хоть ложечки и нашлись, а осадок остался». В душе Константина. Но с того дня о женщинах он больше никогда грязно не говорил.

Глава 6

После встречи с Тamarкой Константина «понесло». Да так понесло, что он даже не мог себе представить больше пары-тройки дней без неё. И перевел их отношения в регулярные – минимум раз в неделю, а то и чаще. Тамара же не только не противилась этому, но и как-то скрыто, поженски их поощряла. При этом они усиленно конспирировались, так что

Катерина особо и не подозревала о появлении у мужа «стационарной» любовницы. Или не хотела подозревать.

А ведь Константин не только пользовался тамаркиной плотью. Он выводил её и в дорогие рестораны, на вернисажи, в театры и прочие «светские» мероприятия, до которых она оказалась весьма охоча. И это ему было не просто приятно, а он при этом начинал чувствовать себя таким «плейбоем», таким супермужчиной – смотрите, мол, какая женщина со мной, и вся моя!

При этом, что странно, Тамара была весьма далека от эстетических идеалов женской красоты в представлении Константина и была полностью противоположна в этом смысле Катерине.

Катерина была легка телом, Тамара же – брутальна. Нет, не толста и даже не такая «пышечка-вагрушечка». Если использовать язык спорта, то Катерина была по сложению ближе к бегуньям, в то время как Тамара – ближе к дискоболкам.

Лицо Катерины – аристократически удлиненное. Лицо Тамары было тяжеловатым, с высоким, но скошенным лбом и высокими ярко выраженными скулами. Лебединая шея Катерины противопоставлялась плотной, но гладкой шее Тамары. И это сочетание лица и шеи у Тамары и Катерины разнились так, как разнятся ионический и коринфский ордера.

Но, несмотря на всё это, на Тамару при их совместном выходе в свет оглядывались очень многие, а вот Катерину (был у них период, когда он тоже вытаскивал её в «свет», но, поняв, что ей это не очень по душе, перестал) и замечали-то не очень.

Так что же в этом случае столь резко сдернуло Константина с его спокойной и благополучной жизненной орбиты?

А вот была у него такая мелкая черточка в характере – Константин был завистлив. Правда *зависть* его не была злобной черной кошкой, которая постоянно точила душу когтями. О нет! Его *зависть* была достаточно деликатной и пряталась в самом дальнем углу, лишь время от времени всплывая и напоминая о себе. К тому же она была умной. Никаких тебе «вот, Рустам может две бутылки водки выпить и ничего, а меня с четырехсот грамм уже блевать тянет», или «Сергея ездит на мерседесе, а у меня всего фольксваген». Примитивно! А вот завидовать Фетсу – это да! Кстати, друг-Фетс и был главным объектом его зависти.

И опять же, ничего «земного». Достаток у Константина был меньше, а даже чуть больше, чем у Фетса, а работа не в пример менее нервная. Да и другие бытовые детали у них очень мало разнились. Но вот та легкость, с которой Фетс шел по жизни, неизменно будила зависть Константина.

Шли они как-то вечером домой. И зашли между делом в шикарный универсам, что-то кому-то прикупить к ужину. И тут Фетс увидел на витрине лобстеров.

– Ух ты! – вскричал Фетс. – Всю жизнь мечтал попробовать лобстера! Сейчас купим.

– А ты на цену хорошо посмотрел? – невинно спросил Константин. Цена и вправду была космической.

– Какая на фиг цена. Это ж лобстеры! – взвыл Фетс, укладывая в пакет сразу четверку членистоногих деликатесов.

Далее под лобстеров было куплено две бутылки белого сухого вина. Фетс заставил Константина позвонить домой и предупредить Катерину, потом вызвал Аллочку.

В общем, вечер удался, хотя Константин так и не понял, чем эти самые лобстеры были вкуснее их родимых отечественных раков.

А через неделю он узнал, что их пиршество загнало Фетса в неглубокую, но достаточно неприятную долговую яму. И вот тогда Константину на ум пришла мысль: «А я смог бы также легко выкинуть последние деньги, в сущности, на глупость. А, самое главное – потом ни на минуту не раскаиваться в содеянном». И понял: «Нет, не смог бы!». Вот тут-то *зависть*, подняв свою маленькую змеиную головку, тихо прошипела: «Ага. А Фетс смог!»

Другой пример. И Константин, и Фетс ещё со школьной скамьи увлеклись авторской песней (впрочем, об этом уже было сказано). Когда же после нескольких лет «разлуки» (о причинах «разлуки» тоже было сказано ранее) они встретились вновь, оказалось, что эта страсть ни в одном из них не угасла. Но приобрела иные очертания. Константин за истекшее время совершенствовал свое владение гитарой и вокальные данные, а Фетс стал писать весьма недурственные тексты. Но, как говорится, «бодливой корове бог рога не дал», все музыкальные данные были у Фетса примерно на точке замерзания, хотя петь он любил ужасно. Но, как несколько позже сказал один их общий знакомый из той же бардовской тусовки: «Фетс, такие классные стихи как ты, пишут единицы... Но и поют хуже тебя тоже единицы! В общем, делай на сцене что хочешь, только не пой!»

Константин же не только прекрасно играл на гитаре, но и сочинял очень даже изощренные мелодии на фетсовы стихи и прекрасно их исполнял. Так что их дуэт стал весьма популярным в соответствующей среде, хотя Фетс, в основном, только разевал рот или вел речитатив, оставляя самое «вкусное» Константину. Популярность их совместных выступлений дошла уже до того, что в народе на фестивалях говорили: «О, раз приехала «Старая гвардия» (так они себя называли), то будет что послушать».

Но как-то Константин подметил, что тот же фестиваль народ воспринимает его, Константина, не как приму, а как музыкальный бокс к текстам Фетса. И когда они приезжали на очередной фестиваль, то народ чаще подходил не к Константину, а именно к Фетсу, и спрашивал: «А что ты привез новенькое?»

И в такой момент змея-зависть вновь поднимала свою головку и шипела: «Все это делаешь ты, ты, ты! А Фетс, что Фетс? Он только слова рифмует». Яд капал потихонечку, и отравление завершилось тем, что Константин вообще перестал ездить на фестивали, в отличие от Фетса.

Да, были и другие примеры, и не только с Фетсом, но даже из уже сказанного функционирование константиновой зависти становится достаточно понятным. А тут такое! Любовница! И не просто любовница, а шикарная любовница, которая никакому Фетсу, да и многим другим, и не снилась. Вот Константина и понесло.

Нет, поначалу они, конечно, как сейчас принято говорить, «шифровались». Но после того как Константин понял, что его подругу окружающие мужчины воспринимают так же, как и он бы её воспринимал – с завистью, страх постепенно уступал место куражу. «Шила в мешке не утаишь», особенно если и не хочешь его утаивать.

Тут вспоминается один случай. Константин взял подработку. Стал преподавать в колледже дизайнера компьютерную графику. И не потому, что денег не хватало, хотя Тамара была женщиной дорогой. Просто Константин решил, что поднялся в своем деле на такую высоту, что от туда вполне даже было бы уместно делиться мастерством и мудростью своей с малыми сими. Однако то ли педагогическим талантом бог его обделил, то ли слишком высоко его заносило над бедными студентами в своих мудрствованиях, но похвастаться полными аудиториями он никак не мог. В то же время у его коллеги Жени-философа на лекциях яблоку упасть было негде. А змея-зависть опять поднимала голову и тихонечко пощипывала: «А чем он лучше тебя? Хвостом просто виляет перед студенточками».

В тот день занятий у него не было, но каким-то образом они с Тамарой как раз проходили мимо его колледжа. И более того, это пришлось на конец занятий, и его барышни, а среди обучающихся их было большинство, начали выплескиваться этаким шумным пестрым ручейком из корпуса. И Константин по какому-то наитию, не доходя до этого ручейка метров тридцати, стал откровенно лапать Тамару и целовать отнюдь не по-братски. Они тоже, видимо, что-то просекла, поэтому с удовольствием ему подыграла. Потом в какой-то момент он сделал вид, что ученицы застали его на «месте преступления», быстро оторвался от тамаркиных губ и, подхватив ее под локоть, перебежал на другую сторону улицы.

Результат превзошел все ожидания. На следующий день на его лекции девицы сидели в проходе и ели его влажными глазами.

А он, всё также паря в творческих высях, нет-нет да и подумывал о своей пусть и локальной победе над блестящим философом Женей. В глубине его души удовлетворенно посапывала змея-зависть.

Глава 7

Первым на изменившееся поведение Константина прореагировал, естественно, Фетс. И его эта ситуация крайне насторожила. Поэтому на правах старого друга он решил воздействовать на Константина. (Правда старый-то старый, а вот о той гнилой черточке, о которой было сказано выше, Фетс даже и не подозревал – что поделать, дружба иногда бывает не менее слепа, чем любовь.) Разговор по душам Фетс решил провести в небольшом, но уютном пивном ресторанчике под названием «КрИветка». Такое странное название хозяйка ресторанчика объяснила просто: «Ну, она же (креветка) кривая!». И согнула при этом палец, чтобы подтвердить свою правоту. Однако, несмотря на филологические вольности с названием, заведение было уютным, малолюдным, пиво подавали свежее, а «крИветки» были крупные и сочные.

После того как пиво было опробовано, Фетс с прямою древнего римлянина сказал:

– Слушай, Константэн, завязывай ты с Тamarкой!

– Почему это? – довольно индифферентно спросил Константин, слегка расслабившись после трудового дня.

– Да потому, друг мой, что Тamarка – это черная дыра, а ты в неё успешно падаешь, – продолжил Фетс, слегка педалируя.

– Какая еще дыра? Ты о чем? – Константин всё ещё не включался в тему.

– Какая, какая. Глубокая! Влетишь, не вылетишь! – Фетс начал немного нервничать.

– Ты, Хокинг местного разлива, можешь объяснить по-человечески, о чем ты толкуешь?

– Ладно, давай открытым текстом. Тamarка – очень плохая женщина. С ней нельзя связываться, а тем более всерьез.

– А ты откуда знаешь? Пробовал? – в Константине проявилось раздражение.

– Да упаси бог, – ответил Фетс. – Ты же знаешь, я со своими сослуживицами амуров не кручу. Тут стоит дать себе послабуху, как всю работу запороть можно. Дистанция, дистанция и ещё раз дистанция – вот залог здоровых отношений в таком коллективе, как у меня.

– Хорошо. Ну тогда ответь, что ты имеешь против Тамары?

– Как против специалиста – ничего, кроме хорошего. Но вот что касается её вне работы, тут... – и Фетс умолк, задумавшись над тем, как внятно объяснить Константину, что он имеет в виду.

– Вот ты думаешь, – продолжил он через паузу, – что она в тебя влюблена по уши?

– А что, не видно?

– Слишком видно, слишком. Только цвета какие-то кислотные. Не натуральные. Вот у Катерины чувство к тебе, дураку, действительно настоящее, хотя и не течет через все поры.

– Сравнил! – возразил Константин. – Тамара – это же бешеный темперамент, а Катерина стала в последние годы какой-то диетической.

– Эх ты, святая простота, – даже с какой-то жалостью произнес Фетс. – Уж чего-чего, а прорисовать страсть сумеет любая женщина, у которой больше одной извилины в мозгу. Да только не ты один на это купился.

– Ты что, хочешь сказать, что у Тамары есть еще кто-то? – в голосе Константина послышались гневные нотки. – Докажи! Сам же меня учил, что поливать баб грязью – подлое дело...

– Сейчас скорее всего и даже наверняка у неё никого, кроме тебя, нет. Ведь она именно тебя «работает», – голос Фетса стал спокоен и рассудочен.

– Что значит «работает»? Ты говори да не заговаривайся! – градус гнева у Константина явно возростал.

– Не закипай. Лучше включи голову и разуй глаза, – для пущей убедительности Фетс сделал некоторую паузу. – Ты вот заметил, во что она одевается, какие цацки носит, какой косметикой пользуется?

– А причем тут это? – недоуменно отозвался Константин. – Ну, шмотки дорогие, косметика хорошая, а цацки...

– Да, цацки! Колечко у неё видел? Знаешь, сколько оно стоит? Три моих месячных зарплаты!

– Ну и что? Может, оно ей по наследству от бабушки досталось.

– Какая, к черту, бабушка – кольцо новое совсем. Зато с бриллиантом. Ты вот своей Катьке можешь такое купить? То-то. А теперь подумай, откуда у простой, пусть даже и очень хорошей медсестры деньги на такие кольца?

– Откуда?

– Предыдущий боец подарил. Какой-то иностранец: то ли испанец, то ли итальянец. И не из самых бедных. Естественно, бешеная страсть и всё такое прочее. Замуж за него собиралась. Но поторопилась. Слишком рано начала с него чешуйки сколупывать. А он страстный-то страстный, но ума до конца в отличие от тебя не растерял. И как почувствовал, что не его она любит, а его денежки, сразу руки в ноги и умотал в свою Ис-

панию-Италию от греха подальше. А ты теперь на его место лезешь... – Фетс отхлебнул пива, чтобы слегка охладиться.

– И откуда же ты всё это знаешь? Сплетни коллекционируешь. Вот уж не замечал за тобой... – ехидно произнес Константин.

– Какие там сплетни... Я же старшой. А посему должен доверять своим коллегам. А чтобы доверять, надо знать о них как можно больше. Это у тебя, если девчонка какая визитную карточку при печати клиенту испортит, тот, небось, не помрет. А если мой ассистент во время операции что-нибудь в мозгах пациента испортит по причине того, что всю ночь ссорился с женой и сейчас у него депрессия? Чувствуешь разницу? Вот поэтому я и стараюсь держать руку на пульсе... У всех. А вот ты... Что ты вообще знаешь о своей подруге и её прошлом?

Константин задумался. А ведь и вправду почти ничего! Но промямлил:

– Ну замужем она была, ну сын у нее пятнадцати лет, ну...

– Вот тебе и «ну»! – назидательно произнес Фетс. – А где её муж, знаешь?

– А зачем мне это знать? Развелись и развелись. Что тут особенного? – возразил Константин.

– Да не просто они развелись! – воскликнул Фетс. – Когда Тамарка поняла, что с мужем ей «алмазы в каменных пещерах» не светят, то благоверного своего быстро споила...

– Как? – удивленно воскликнул Константин.

– Так. У медсестры да нечем спить мужика?

Константин действительно вспомнил одну деталь – Тамарка была весьма крепка в питье и «держала удар» значительно лучше, чем он сам.

– Дальше! – потребовал Константин.

– А дальше она сдала его в дурку по причине хронического алкоголизма, а квартиру забрала себе. Сына же своего спихнула свекрови.

Константин и вправду редко видел тамаркиного сына в её квартире. Да и отношения у них абсолютно не складывались. Тамара, конечно, при Константине всячески показывала, какой у неё сын – свет в окошке, и какая она заботливая мать, но всякий раз облегченно вздыхала, когда он уходил из дому.

Речи Фетса заронили в константинову душу целую кучу сомнений, и он был уже почти готов посмотреть на ситуацию трезвым взглядом. Но змеюка-зависть подняла свою голову и угрожающе зашипела: «Не слушай, не слушай его. Это в нем зависть говорит. У него же такой классной бабы отродясь не было!»

И Константин не выдержал.

– Знаешь, что я тебе скажу, друг мой? Ты просто мне завидуешь, поэтому и поливаешь Тамару дерьмом. А завидуешь ты потому, что сам, небось, подбивал к ней клинья, а она тебе не дала? Правда?

– Ты баран! – Фетс уже не мог сдерживать себя. – То есть ты не просто баран, а слепой баран. И вот что я тебе скажу. Если ты её не бросишь, то я её выгоню! Вот так-то!

– Это что, шантаж? – холодно спросил Константин, уверовав в свою правоту.

– Нет, это твой шанс на спасение!

– Спаса-а-атель! – презрительно протянул Константин, оставив за собой последнее слово. Затем он встал, небрежным жестом бросил на стол пятидесятидолларовую купюру и резко вышел из кабака.

Придя на работу, он, ни на кого не глядя, молча, прошел в свой офис, заперся, достал из стола бутылку виски и махом осушил не менее чем полстакана. После пива и разговора с Фетсом виски быстро ударило Константину в голову, но сквозь алкогольный туман он успел заметить краем глаза, что в пресловутых песочных часах количество гранул в нижней колбе ощутимо увеличилось, а в верхней, понятно дело – уменьшилось. Но задумываться над этим он не стал.

А ещё через некоторое время Катерина отлучила его от дома. Собственно, Константин давно уже ждал этого. Нет, сказать, что ждал, будет не совсем правильно. Он понимал, что житьё на два дома не может продолжаться вечно. Но, с одной стороны, какой-то идеализм или инфантилизм нашептывал ему, что не надо совершать никаких шагов – всё как-нибудь само рассосется в лучшем виде. Как же, рассосется: и рыбку съесть и на елочку не сесть – такое ещё ни у кого не получалось. С другой же стороны, его семья была *его* семьей, принадлежала ему. Жадность тут или опять же отголоски зависти – но так просто терять уже нажитое (не в смысле материального, а в смысле душевного комфорта) ему ну никак не хотелось.

Однако же он чувствовал, что сложившееся равновесие крайне неустойчиво, и поэтому, как-то войдя в свою квартиру и обнаружив у входа собранную сумку, не очень и удивился. Катерина ждала его, стоя в прихожей.

Отлучение произошло на удивление мирно, без «рванья тельняшек на грудях», слез и длительных выяснений отношений.

– Я думаю, – глаза Катерины были сухи, а речь буднична, – раз ты любишь другую женщину, то тебе следует уйти к ней. Так будет лучше для всех нас – меня, детей и для той женщины. Всё равно здесь ты уже давно живешь чисто физически. Так зачем нам всем друг друга мучить? С детьми видаться никаких запретов тебе не будет, а что касается развода, то, как только ты до него дозреешь, я его дам.

Константин хотел было выступить, дескать, не надо за него решать, но после секундного раздумья пришел к выводу, что Катерина совершенно права – скандал здесь неуместен и смешон. Он даже не

стал выяснять, откуда Катерина узнала о Тамаре. Тут всё ему казалось предельно ясным – Фетс заложил. А посему, подхватив сумку с вещами, Константин вышел за дверь.

Вслед ему донеслось:

– Здесь не все твои вещи, только самое необходимое. Захочешь забрать остальное – позвони. И с детьми если захочешь увидиться, позвони тоже.

Дверь бывшего константинового дома захлопнулась синхронно с дверью лифта.

Глава 8

С тех пор Константин зажил очень странной жизнью.

Существует гипотеза, что наш мир – это пена из пузырьков-Вселенных. И эти пузырьки иногда могут соприкоснуться друг с другом. И тогда через стенки одного пузырька отчасти будет видно, что происходит в другом пузырьке, и можно даже перейти в него. Мир соседней Вселенной может быть очень похожим на наш, а может отличаться по мелочам, которые и не всегда-то заметишь.

Вот ты изо дня в день ходишь по одному и тому же городу на работу. Маршруты твои при этом практически не меняются. Через некоторое время ты привыкаешь к стабильности окружающего и начинаешь примечать, что по пути всегда встречаешь одну и ту же девушку. Нет-нет, ты не знаешь, кто это, и не здороваешься с ней. Но знаешь, что от того, на каком расстоянии от работы она тебе встретится, зависит, сколько времени у тебя будет, чтобы перекурить перед началом трудового дня. И называешь ее «девушкой-хронометром». Или – газетный киоск на углу. Ты не обращал на него внимания и редко-редко что-то в нем покупал.

А в новой Вселенной – ни той «девушки-хронометра» навстречу, ни газетного киоска на старом месте. Но странно то, что тебе это не кажется странным. Ну, разве что немного неудобно, как в ботинках твоего размера, но стачанных не по твоей колодке.

Вот в таком мире и зажил теперь Константин.

А позже оказалось, что дело даже и не в обувной колодке.

Константин переехал к Тамаре, где и был принят с распростертыми объятиями. Существование его в этой новой Вселенной проистекало как бы в дымке розового флера общности их тел и душ.

Вечера они редко проводили дома. В Тамаре с появлением Константина «светская львица» не просто ожила, но ожила весьма активно. Премьеры, концерты, вернисажи и просто тусовки разного масштаба, а также подготовки к этим весьма важным мероприятиям занимали кучу свободного времени. А если не намечалось очередного сэйшена,

они отправлялись на ужин в какой-нибудь ресторан. И уж совсем редко устраивали себе домашние «романтические» посиделки при свечах, заказывая еду всё в тех же ресторанах.

Нет, Константин, да и Катерина в прошлой своей жизни не были авторниками. Они и в театры выходили, и на выставки. И романтические ужины устраивали. Просто, когда у вас двое детей, такие мероприятия ну никак не могли быть частыми.

А тут – пожалуйста, благо сын Тамары появлялся в родных пенатах не чаще двух раз в неделю (жил у бабушки – бывшей тамариной свекрови). Их диалоги с Константином отличались краткостью и лапидарностью, поскольку Константину было трудно разговаривать с юношей, который как бы и смотрел на него, но так, будто сквозь не совсем чистое окно.

Кроме всего у Тамары оказалась еще и куча знакомых эдакого божьего толка: непризнанные художники, якобы запрещенные в стране барды, бесполье или обоеполье актеры, которых иногда допускали до массовок. Но все они считали себя если не гениальными, то чертовски талантливыми и обязательно подавляемыми. Тамарка с упоением таскала его по этим странным студиям, подвалам, квартирам и дачам. Вечеринки, происходящие там, начинались с восхваления присутствующих под умеренное употребление дешевого алкоголя, а кончались, как правило, самовосхвалениями с выяснениями, кто гениальней, переходя в заурядную пьяную драку. В общем, всё это выглядело достаточно убого, но Тамарке безумно нравилось. И стоило как-то Константину высказать своё не очень лестное мнение по поводу её божьих приятелей, как он тут же получил мини-скандал с утверждением, что он, Константин, старый ретроград и ничего в современном искусстве не понимает. Чтобы не усугублять, Константин быстренько закрыл эту тему, но подобных мероприятий старался избегать.

Да и вообще... Эти регулярные вечерние мероприятия, потом ночные игры в тамаркиной постели ну никак не способствовали полноценному отдыху. А это, естественно, сказывалось на константиновой работе.

Кстати, о работе. Фетс таки сдержал обещание и выгнал Тамарку из своей клиники. Тогда Константин ввел у себя в фирме малопонятную должность консультанта по эргономике и экологии и, разумеется, взял на эту должность Тамару. Причем с правом работать онлайн, то есть не выходя из дома. Тем не менее, Тамара появлялась в фирме не меньше трех раз в неделю – скучно дома-то сидеть.

Постепенно фирма всё явственнее начала ощущать её присутствие, причем не самым лучшим образом. Коллектив, который раньше был в его глазах единой семьей, стали потряхивать мелкие склоки и выяснения отношений между сотрудниками. Правда, начавшееся было доношение по начальству Константин, как ему показалось, резко пресек

в самом зародыше. Но позднее выяснилось, что стучать его бойцы не перестали, избрав судьей их дрызг именно Тамару.

Кончилось всё скандалом, в результате которого Константин уволил Верочку, юную, но очень талантливую художницу. Уволил с подачи Тамары, узнав позже, что Тамара просто приревновала её абсолютно безосновательно. В качестве протеста из фирмы ушли ещё пара ребят, пусть и не таких талантливых, но добросовестных и исполнительных сотрудников. Нет, все эти движения фирму не опустили ниже плинтуса, она скорее застыла на некоторой мертвой точке, и будущее её развитие и процветание прочно исчезло в тумане всех этих разборок.

С Катериной он вскорости тоже развелся. Честно говоря, развод этот был ему абсолютно не нужен: мало ли таких пар – живет с одной, а официально женат на совсем другой и ни над кем «не капает». Но, как позже выяснилось, и здесь тоже оказался тамаркин след.

Известно, что слухи в обществе распространяются крайне быстро и, что характерно, вопреки законам физики. И даже теория относительности Эйнштейна не может объяснить, во-первых, скорость их распространения, а во-вторых, как это получается, что люди, не имеющие общих знакомых, одновременно или почти одновременно узнают об одном и том же, причем не из Интернета и других средств массовой информации. Но это, скорее всего, вопрос уже из области квантовой механики.

И однажды Катерина позвонила Константину и довольно нервно заявила, что подает на развод. Константин удивился и даже неловко пошутил на тему, уж не замуж ли она собралась. Ответ его ошеломил. Катерина сказала, что не хочет быть преградой на пути к его семейному счастью, мешая ему жениться на Тамаре. У Константина глаза полезли на лоб, но сколько он ни убеждал свою бывшую в том, что всё это бред сивой кобылы и ни на ком он жениться не собирается, Катерина стояла на своём непреклонно – развод и всё!

Хотя, хотя, хотя... Была внутри константиновой души маленькая подлянка, была. Поначалу он виделся со своими детьми не реже раза в неделю: гулял с ними, водил на аттракционы и мультики, а зимой на каток. Потом же, видимо, закружившись в вихре светской жизни, стал с ними видаться всего раз в неделю, потом – раз в десять дней, а потом и того реже. Но подлянка состояла в том, что он всё меньше и меньше ощущал в себе необходимость в этих встречах. Что-то внутри его, может, та же змеючка-зависть, переродившись в какую-то новую ипостась, ему нашептывала: «Не дергайся, материально ты их очень даже обеспечиваешь, а пройдет время, что ты им ответишь на вопрос, почему бросил их мать. И ты думаешь, они тебя поймут? Скорее всего, увидят в тебе врага, разбомбившего ни в чем не повинную страну – их

семью. Так не лучше ли сейчас начать потихоньку исчезать из их жизни?» И получалось, что в чем-то она права.

Поэтому, еще слегка покобенившись, Константин согласился на развод, тем более что Катерина сообщила ему, что, если он официально заплатит небольшую сумму типа судебных издержек, ему и в суд-то не надо будет являться.

– Или ты собираешься отказываться от алиментов и делить имущество? – спросила Катерина.

– Да пошла ты... – мысль эту Константин не окончил. – Подавай.

Когда Константин с Катериной развелись, Тамарка сначала делала вид, что даже не очень одобряет его поступок. Дескать, дальнейшее развитие её с Константином отношений покрыто мраком. И чего ради ему жениться на ней, Тамаре, «старой и с дитем».

Но постепенно в её речах потихоньку начала звучать другая мелодия, песенка под банальным названием «Женись на мне!». Тихая такая, ненавязчивая. Как будто едва-едва слышная передача далекой радиостанции. Или пресловутый «двадцать пятый кадр».

Кто не знает, кинолента движется со скоростью 24 кадра в секунду. Если вставлять в каждый двадцать пятый кадр, например, одну и ту же рекламу, то зрителю она видна не будет. Зато осядет в подсознании. И тогда человек, «заряженный» этим двадцать пятым кадром, вдруг ни с того ни с сего идет в магазин и покупает совершенно ненужную электронную выщипывалку волос из носа или сделает ещё чего похуже. Вот таким двадцать пятым кадром Тамара и оперировала.

Правда, Константина, только что прошедшего через развод, идея снова заковать себя в узы брака совершенно не прельщала. Все-таки «это сладкое слово «свобода» было в чем-то значительно более привлекательным. К тому же до единства душ и тел им с Тамарой было ой как далеко. С телом-то проще, а вот с душами...

Сидел как-то Константин в одной мужской компании. Пили пиво, ели чебуреки, но пьяными не были – так, чуть-чуть навеселе, когда развязываются языки. И вдруг у них зашел разговор о любви. Не о бабах, а именно о любви. (Такое тоже бывает.) Оказалось, что все женатые мужчины в их компании любят своих жен и считают их образцами кротости и прочих добродетелей. И только один, отложив недоеденный чебурек, сказал: «А я свою жену не люблю! И детей не люблю!»

Некоторые из присутствующих поперхнулись пивом, так это было неожиданно. Оратор же попросил Константина вытянуть руку. И когда тот не без удивления сотворил этот жест, оратор спросил: «Ты эту руку любишь?» Константин поначалу даже не знал, что и ответить. Потом проямлил: «Причем тут “любишь”? Это просто моя рука!»

– А моя жена – просто моя жена! А мои дети – просто мои дети. Части меня! И поверь, потерять хоть одну из этих частей куда хуже, чем потерять руку, а то и голову!

– А как же все эти разводы?

– Если в браке не было чувства, что вы – единое целое, то и развод – не больно. Зачастую... – оратор был явно из клана медиков... – это даже полезно, как средство от душевной гангрены.

– Но если тебе помстилось, а ты повелся, то получаешь ты ампутацию без наркоза... И болевой шок, от которого можно и умереть, – это уже добавил быстро всё понявший Фетс.

Константин потом изредка возвращался к этим рассуждениям и, как человек неглупый, находил в них достаточно здравого смысла.

А к описываемому времени он понял, наконец, что с одной стороны ему повезло: ни особенного болевого шока, ни тем более душевной гангрены он после развода не испытал. Но и единым целым с Тамарой он не стал. Более того, ощутил – то, о чем говорил оратор, в отношении Тамары ему не светит. И Тамара для него не более чем чебурек. Вкусно, но и без него не умрешь.

Видимо, это просочилось в их отношения, и тогда Тамара перешла к более активным действиям.

Сперва были душеспасительные беседы на тему, что негоже, мол, такому солидному Константину быть холостым. В конце концов, что подумают его контрагенты по бизнесу. Логика в тамаркиных речах, конечно, присутствовала. Но это нисколько не пробивало и даже наоборот, вызывало у Константина ещё большее сопротивление, как у всё сильнее и сильнее сжимающейся пружины.

И очень скоро тамаркины проповеди на тему, как хорошо быть женатым на ней, Тамаре, и как плохо быть холостым, превратились в обыкновенные ссоры, которые можно было бы назвать семейными, если бы они действительно были семьей.

Рассказывать о семейных дрызгах – занятие скучное и неблагодарное. Одна лишь пикантная деталь. От разговоров на повышенных тонах Тамара быстро перешла к истерикам и, позже, к битью посуды. Так вот, Константин однажды обнаружил, что для выполнения последней фазы ссоры экономная Тамара купила пару копеечных сервизов, битье которых и становилось крайним аргументом в их скандалах. В повседневной жизни использовались сервизы значительно более дорогие и находились они в полной сохранности.

В общем, их совместная жизнь стала расплзаться, как старое одеяло, сшитое некогда из цветных кусков. Но нитки, скреплявшие их, сгнили, да и сами куски основательно потерялись.

И, не выдержав всего этого, в один прекрасный момент Константин просто съехал от Тамары, сняв недорогую, но удобную однушку

неподалеку от его фирмы. Он всё чаще подумывал совсем расстаться со своей подругой, но Тамара «подсадила» его на себя, как на хороший наркотик, и как он ни старался, с этой «иглы» так до конца слезть и не мог. Они встречались, как правило, раз в неделю. Шли в ресторан, потом к ней домой. Далее следовала безумная ночь, которая с редким постоянством завершалась ультиматумом о женитьбе и обсуждении оногo, перераставшего в вульгарную склоку с битьем уцененных сервизов.

Так оно и было в тот памятный день, с которого началась наша история.

Но на сей раз Константин твердо решил окончательно порвать с Тамарой.

Вот сейчас он завезет подарки детям, а потом...

Он уже парковался на стоянку возле своего бывшего дома, когда во двор на полной скорости ворвался похожий на сейф, положенный на колеса, «Хаммер». Водитель «Хаммера» был явно пьян, поэтому не вписался в поворот и со всей дури вмазал в борт константинова «Фольксвагена». Константин как пробка вылетел в переднюю дверь (ремни безопасности он к тому времени уже отстегнул) и, пролетев по настильной траектории, врезался головой в бордюр. Последнее что он увидел – бледное тамаркино лицо за рулем. А потом...

Глава 9

Вот я и умер, с тоской подумал Константин.

...Я умер. Я умер! Я умер? Но если я умер, кто думает эту мысль? И в чьем мозгу зудит идиотская фраза «Пациент скорее мертв, чем жив»? В чьем, если мозги представляют собой серо-красную массу, колышущуюся в проломе головы, похожей на разбитое яйцо с отлетевшим куском скорлупы?

Так, может, это не я, а моя душа или астральное тело? А где тогда вылет из брэнного тела и взгляд на него сверху? Где черный туннель с ярким светом в конце?

Нет, не было никаких черных тоннелей. И неземного света впереди тоже не наблюдалось. Была только серая мгла с парящими в ней черными крупинками. Больше всего это напоминало последствие взрыва или пожара, когда в сером воздухе носятся черные кусочки сажи. Здесь не было ни холодно, ни жарко. Не было никаких запахов и звуков. И никак не ощущалось, плотная это субстанция или нет, и где у неё верх и где низ.

Но в какой-то момент в центре картинки эта мгла слегка посветлела, рассеялась, и взору Константина предстали те самые песочные

часы, где в верхней их колбе остался всего один шарик, который вопреки всем законам физики никак не хотел проваливаться в нижнюю колбу. И как бы сквозь радиопомехи раздался голос: «Смотри на часы!». А вот затем наступила настоящая беззвучная и непроглядная тьма.

Прошло бесконечно долгое время пребывания во тьме, когда Константину показалось, что кто-то положил что-то тяжелое и неприятно так светящееся ему на веки. Естественным его желанием было это что-то сдвинуть с глаз, и он попытался их открыть. Как ни странно, но ценой больших усилий ему это удалось, и даже более того, он сумел пошевелить глазами. Оказалось, что он находится в светлой комнате с легкими шторами. Скосив изо всех сил глаза вниз, он обнаружил огромное количество трубок, трубочек и прочих проводов, тянущихся из его тела. Всё, что не скрывала эта проводка, было белым и тяжелым на вид. Гипс, догадался Константин. Почему-то эта догадка родила в его теле ноющую боль.

Потом он скосил глаза как можно правее и на самом краю зрения увидел мужчину в зеленых одеждах, сидящего у его койки. Лицо у мужчины было до судорог знакомо.

– Фетс, это ты? – тоном умирающего лебедя прошептал Константин.

– Фетс? Какой такой Фетс? Я – Фил, Филипп! Друг твой.

От громкого голоса Константина снова потащило во тьму беспмятства.

– Тамара! – воскликнул Фетс-Фил. – Ну-ка вкати ему чего-нибудь этакое, крепенького, успокаивающего. Ну ты знаешь...

Тамара? Откуда здесь взяться Тамаре... Константин держался на пределе сознания.

В комнату вошла дама, больше всего напоминающая своим внешним видом учительницу ботаники, измученную проверками тетрадей, родительскими собраниями и абсолютным равнодушием учеников к её предмету. Этаким «синий чулок» без возраста и уже почти без признаков пола.

Она вошла, сжимая в руке немалой кубатуры шприц, который и воткнула в одну из прозрачных трубок, соединяющих Константина с окружающей действительностью. «Что-нибудь этакое» оказалось и вправду достаточно эффективным и на какое-то время замедлило отключение Константина.

– Это кто? – с трудом разлепив губы, спросил Константин.

– Да Тамара же Сергеевна! Моя постоянная сестра-анестезиолог.

– А где другая Тамара? – на этот идиотский вопрос у Константина еще нашлись силы.

– Да нету и не было у меня никаких других Тамар.

Всё. На большее Константина не хватило, и он покатился в темноту. Но теперь эта была какая-то нестрашная темнота, а такая спокойная, которая сопровождает погружение в глубокий без сновидений сон.

В следующий раз открыть глаза Константину удалось значительно проще. Боль в теле не исчезла, но стала какой-то не главной, что ли, не отвлекающей от процесса осмысления ситуации.

У кровати сидел всё тот же врач, то ли Фетс, то ли Фил. Константин внимательно вгляделся в его лицо и понял, что это все-таки не Фетс. Но выяснять это он не стал, а спросил, голосом все еще слабым, но уже значительно более уверенным: «Что со мной было?»

– Да всё достаточно банально, – ответил Фил (теперь уже точно не Фетс). – Врубился в тебя прямо возле твоего дома какой-то пьяный хмырь. Ну, ты сломал пару рук-ног и прочие мелочи – типичные для такого дела травмы. Вот только зачем ты решил бордюр головой разбить? Пришлось тебе из мозгов косточки выковыривать и череп собирать по новой. Однако собрали. Так что пациент скорее жив, чем мертв.

В голосе Фила звучало удовлетворение мастера.

И тут Константин ощутил, что пальцев его левой руки касается что-то нежное и на удивление приятное. Скосив глаза в эту сторону, он обнаружил, что его держит за руку симпатичная худенькая русоволосая женщина, тоже до боли знакомая. И рука её была тоже знакомой. Он напряг свою память. Катерина, жена – всплыло в ней. Причем жена разведенная.

– Катерина, а ты что тут..

– Жду, когда ты очнешься. Только, я не Катерина, я Лиза, Лизавета – твоя жена.

И опять у Константина появилось чувство нереальности происходящего. Фил вместо Фетса, Лизавета вместо Катерины. Более того, судя по всему, никакого развода не то что не было, но и не намечалось. И Тамарки-хищницы тоже вроде бы не было.

– Что с ним? – раздался над головой тревожней голос Катерины. Вопрос был обращен явно к Филу.

– Да ничего особенного. Ложная память. При таких операциях это часто бывает. Не дергайся, мать. Он окончательно придет в себя, осмотрится, и она исчезнет.

– Ты не волнуйся, тебе вредно волноваться, – вновь зашебетала Лиза. – С детьми всё в порядке, я отвезла их к бабушке под Рязань. Они звонили утром, скучают и ждут, когда их папочка приедет из командировки.

– А что на работе? – спросил Константин, памятуя о разрушительных действиях Тамары.

– Да всё там в порядке. Рустам командует.

Это успокоило Константина. Рустам был хотя и молод, но весьма рассудочен и ответствен. Тамарку же тихо ненавидел, вплоть до подачи заявления об увольнении. Но, судя по всему, там тоже никакой Тамаркой и не пахло. Константин облегченно прикрыл глаза.

– Так-так... – прозвучал начальнический голос Филадельфии. – Больному нужен покой и сон. Так что посетителей прошу удалиться. Лиза, да не нервничай ты так, переночуешь у меня в кабинете. А утром твой благоверный будет вообще как новый, или я не Фил! Тамара Сергеевна, ну-ка вкатите моему другу чего-нибудь эдакого для спокойного сна.

В дверях появилась давешняя сестра, опять же с угрожающего вида шприцем, а через минуту Константин снова спал спокойным сном, и никакие Фетсы, Катерины и, что важнее всего, Тамарки ему не снились.

Благодаря стараниям Филадельфии и заботам Лизаветы Константин быстро пошел на поправку: всё, что должно было срастись, срослось как должно. А когда он вырвался из палаты в окружающий мир, то ложная его память потихоньку начала исчезать. И теперь только иногда и редко перед его глазами во вдруг посеревшем и уплотнившемся воздухе встают песочные часы с сумасшедшим шариком в верхней колбе, который, вопреки всем законам физики, не проваливается в нижнюю. И будто через радиопомехи суровый голос произносит всего одно слово: «Смотри-и!»

Родился в 1964 году в Киргизии. Окончил Литературный институт имени Горького, Северо-Кавказскую академию государственной службы по специальности «Государственное и муниципальное управление» и Международный юридический институт. В настоящее время, являясь адвокатом, занимается юридической деятельностью в различных регионах страны.

Предлагаем нашим читателям главы из романа М. Кучмезова «Дерево Рауба». «Это роман не об эпохе, – подчеркивает автор, – а прежде всего о людях, которые жили в то время. Для исследования эпохи существуют более подходящие способы, например, историческое исследование. Меня же интересовали только люди, переплетение их судеб, страстей, их любви, их надежд и страданий – на фоне столь значительных и зловещих исторических событий... Я стремился мифологизировать описываемые мною события, и при этом сохранить ощущение максимальной жизненной достоверности, какая присуща жанрам хроники или даже репортажа».

ДЕРЕВО РАУБА

(Хроника первой половины XX века)

*Посвящаю светлой памяти моего отца –
Кучмезова Зейтуна Асланбиевича.*

*Его рассказы о своей нелёгкой земной доле
легли в основу настоящего повествования...*

I. Тото

За окном не вижу солнца, и светлое пятно ушло с меня, и теперь оно на краю стола и дальше над очагом и на стене. От поперечины окна в воздухе темная полоса, а потом на полу. Я руку вперед, она стала светлее, и от нее на столе другая рука – темная. Я руку к себе, и темная рука со стола исчезла.

Слышу, жужжит. Смотрю вокруг, но не вижу ее, а она жужжит. Перестала жужжать. Снова жужжит. Теперь вижу ее, летает, где светло,

а потом туда, где темно. И снова, где светло – над столом покружила близко, а потом вниз, под стол, и теперь не слышу ее.

– Радость-то какая, – сказала Назифа. – И как ты только без них жил. Теперь будет чем заняться.

Она возле очага. Поворошила в огне, угли стали ярче, и она положила в очаг дров, и они задымили. Опустилась на корточки и подула, под дровами стало ярче, а дым от очага пошел под стол, и оттуда вылетела, и снова закружила над столом, потом к окну, и обратно к столу. Дрова загорелись, огонь вначале маленький, а потом выше и выше, а она села на стол, где светло. Большая и синяя, быстро ползет ко мне, останавливается и снова ползет, а огонь подымается все выше, и блики от него сверкают на лице у Назифы. Остановилась. Протирает себя лапками. Я поднял руку, и на столе тоже появилась – темная, и эта темная рука накрыла ее, и она улетела. Не вижу ее, но слышу, она жужжит. Смотрю по сторонам, но не вижу. У Назифы лицо покраснело, и капельки на лбу заблестели в огненных бликах. Она вылетела сзади и снова села на стол, уже передо мной. Я ладонью – хлоп по столу, и мне стало больно.

– Не убил же, – сказала Назифа, – только меня напугал. Стол чуть в щепки не разнес. Так стучишь, что мертвых с погоста подымешь.

Назифа ушла в другую комнату и принесла оттуда чугунок. Налила воду и повесила над огнем. Опять перестала жужжать, я по сторонам и не нашёл её, и сказал Назифе:

– М-м-м.

– Не я же виновата, – сказала она, – что не поймал. Напугал, а она улетела. Ей же тоже жить хочется. Не станет же она дожидаться, пока не размажешь ее по столу.

Снова говорю ей:

– М-м-м.

А она мне:

– Не переживай, – сказала, – скоро их будет много, весна в этом году ранняя.

Сняла чугунок с огня и поставила на пол. Моет его. Из чугуна пар ей в лицо, и она вытирает рукавом. Волосы из-под платка и прилипли ко лбу. Над ней летает, приблизилась и отлетела. Снова приблизилась и села ей на лицо. Назифа скривила губы, дунула вверх и сказала: «Фу», и она улетела.

– М-м-м, – сказал я ей.

– Как же, – сказала она, – только этого мне не хватало, мух ловить. Хочешь, чтобы и я их кушала? Чтоб тебе одному не скучно было. И Ариу к этому делу приучим. То-то веселье будет.

А она передо мной кружит. Села на стол, и протирает себя под крыльшками. Я снова хлоп по столу, руке снова больно, но она не улетела. Назифа посмотрела на меня и покачала головой.

– Поймал? – сказала.

Я руку поднял, а она под ней, прилипла к столу. Назифа мне:

– Размазал по столу, – сказала. – На старости только и знаешь, всякую гадость в рот совать. Ну, кто скажет, что ты старше меня. Как дите малое.

Перестала мыть, взяла тряпку и подошла к столу.

– Дай вытру, – сказала.

Я накрыл ее рукой, и уже ничего не видно. Назифа отталкивает мою руку, но я не хочу, и держу руку на столе.

– М-м-м, – сказал я ей, и она перестала отталкивать мою руку.

– Говори, не говори, все без толку, – сказала она.

А я взял со стола и в рот.

– Тьфу, – сказала Назифа, – стошнит меня сейчас.

– М-м-м, – сказал я ей, а она вытерла стол и:

– Вкусно? – сказала. – Скажешь тоже. Это же гадость, нельзя ее кушать. Укусят они тебя за язык, будешь знать. Вот так, возьмут и откусят тебе язык, – показала мне свой язык и прищемила его пальцами. – Его¹ ты боялся, не смел при нем. Был бы он сейчас дома, показал бы тебе, как гадость всякую в рот нести.

Отошла и посмотрела в чугуn.

– Из-за тебя, – сказала, – вода остыла. Разума нет, но глаза-то есть. Не видишь, как я мучаюсь одна. Мало Ахия моей крови выпил, и тебе надо присосаться.

Снова чугуn над огнем, и пошла к двери. Дверь открылась и что-то сказала, скрипуче и непонятно. И Назифа вышла во двор, а дверь за ней закрылась и снова сказала что-то, и снова скрипуче и непонятно. Я встал и тоже пошел к двери, но она открылась, и пришла Назифа, принесла дрова. Положила их возле очага.

– Сколько дров зря жгу, – сказала. – Хорошо, в этом году хватило. А в прошлом, помнишь, как мы зимой за дровами ходили. Помнишь, как мерзли в лесу? Ариу до волдырей руки себе отморозила. Сколько я с ней промучилась, не заживали никак. Неужели забыл?

– М-м-м, – сказал я ей.

– А толку-то? – сказала она. – Лучше б ты делал, что тебе говорят. Ариу скажешь, не делай, она слушается. А ты почему только за свое?

Она поставила чугуn на пол. Смотрю вокруг, но Аи нет. Я пошел в комнату, где спим, но и здесь ее нет. Слышу за стеной:

– Все из-за Ахии, – сказала Назифа. – Не мучилась бы я так, если б не он. Всю мою жизнь в пытку превратил. Братом еще называется. Врагам своим не пожелаю такого брата.

– М-м-м, – сказал я, но Ая не пришла. За стеной снова слышу:

¹ Говорит о своём муже.

– Что б ни случилось, – сказала Назифа, – не прощу. Будь проклят, Ахия. Будь проклят. Умирая, об одном только буду молить, чтоб не было тебе прощения. И в Судный день буду молить, чтоб не было тебе прощения.

Пришел обратно, а здесь Назифа одна разговаривает, а больше никого нет. Слезы у нее, и она вытерла их рукавом. Трет тряпкой чугуна, и пар ей в лицо.

– М-м-м, – сказал я ей.

А она мне:

– Видишь, как масло подгорело, – сказала, – не отмою никак.

Снова вытерла лицо и трет чугуна.

– М-м-м, – сказал я ей.

– Вспомнил? – сказала она. – Спыхватился? Если не можешь без Ариу, пошёл бы с ней гулять. Наешься и спишь, а потом ее ищешь. Обижаешься еще, что ушла без тебя. Хочешь, чтобы и она вместе с тобой тут мух поджидала?

Перестала мыть и воду из чугуна в ведро. Запахло вкусно. Я сел за стол, а на нем ничего нет.

– М-м-м, – сказал я ей.

– Опять? – сказала Назифа. – Часа еще не прошло, как я тебя кормила. Две тарелки супа навернул. И куда в тебя столько вмещается?

И я уже слышу свой голос, он не из меня идет, а со стороны. Назифа смотрит на меня, и что-то говорит, но я ее не слышу. Она пошла к двери, они открылись, она ушла, и двери за ней закрылись. Я встал и пошел за ней, вышел во двор, а она идет навстречу, несет ведро. В ведре молоко. Смотрю на улицу, но Аи нет, и я уже не слышу своего голоса. Назифа зашла в дом, дверь закрылась и сказала мне что-то.

Слышу с улицы. Вижу женщину. Она идет с ведрами, а из них вода на землю.

– М-м-м, – сказал я ей.

– Понятно, – сказала она, – Тану, бедный, как тебя учил?

И я снова слышу свой голос, сначала тихий, а потом громче, и больше ничего не слышу, только свой голос, который не из меня идет, а издали.

Женщину уже не вижу. Из дома Назифа, и что-то говорит, но я ее не слышу, а теперь слышу:

– Что случилось-то теперь? – сказала она.

Из-за забора:

– Отца его упомянула, а он завел тут плач, словно режут его, – сказала.

– Знаешь же, – сказала Назифа, – нельзя при нем. Столько лет прошло, а забыть он его не может. Ничего не помнит, а его помнит. Имя его услышит и сразу в рев...

Из-за забора снова:

– И дал же аллах тебе терпения, – сказала из-за забора. – Я бы так не смогла.

– Не сама избрала такую долю, – сказала Назифа забору. Потом посмотрела на меня, лицо у нее изменилось, и она снова отвернулась от меня.

– Ой, – сказала она и руками. – Молоко на огне, убежит сейчас.

И домой.

Из меня перестало течь, и вода на земле исчезла, пена тоже исчезла, а там, где была пена, осталось мокрое. Иду в дом, штаны в ногах, мешают идти. Тяну дверь, и она сказала мне что-то, я вошел и закрыл ее, а она снова сказала. Назифа переливает в чугунок, течет маленькими струйками, а потом большой белой струей.

От огня блики по комнате, лицо Назифы посветлело, она нагнулась, и лицо снова потемнело. Она налила в чугунок воды и снова его над огнем. *Папа сидит за столом. Ложкой дзинь по тарелке, а потом ложку в рот.*¹

– Младшие их дети уже давно разговаривают, – сказала мама, – а эти до сих пор под себя ходят. Сколько я тебе говорю, надо что-то делать, а для тебя мои слова, словно ветер, коснулись ушей и дальше полетели.

– Сам я, конечно, не вижу этого, – сказал папа. – Только ты за них и переживаешь. А я, если тебя послушать, радуюсь этому.

Мама Аю на ноги возле тазика, а сама воду себе на руку и вытерла сзади у Аи. Потом снова налила воду на руку, и снова вытерла. Папа бросил ложку на стол.

– Специально делаешь, – сказал он, – чтобы меня стошнило?

– На улицу же я ее не понесу, – сказала мама. – Там такой холод, что смиг простудится.

Ая заплакала.

– Подождала бы, пока поем, – сказал папа. Ая сильнее заплакала.

Мама что-то сказала, но я ее не слышу, слышу только, как плачет Ая.

Салих вытащил из огня яркое, папа стучит по нему большим молотком, а Салих маленьким.

– Теперь я сам, – сказал Салих, – подправлю немного, а ты за сыном пригляди, все в огонь руки сует, как бы не обжечься.

Салих руку в карман, оттуда тряпку и утер ею лоб. Тряпку в карман и снова стучит. То, по чему стучит, уже потемнело. Тяну руку, но папа оттянул мою руку от огня.

– Не стой здесь, – сказал папа. – Сколько раз тебе говорить, не тяни руки к углям. Ты их в руки взять хочешь? А знаешь, что будет, если возьмешь? Они, – показывает на огонь, – тебе руки сожгут.

– М-м-м, – сказал я папе, а он мне:

¹ Здесь и далее курсив автора.

– Ел же недавно, – сказал, – и снова просишь. На, поиграй лучше. Видишь, Салих стучит, и ты постучи.

Дал мне железо, длинное, кривое. Я им по стене. От стены песчинки, и мне на ноги. Салих перестал стучать, посмотрел на меня, а потом на папу. Я тоже перестал стучать, и тоже посмотрел на папу.

– Моего шума мало, – сказал Салих, – и ему надо добавить.

Он начал снова стучать, и я тоже – по стене. Стало больно, и я бросил железо на землю и показал папе руку. Палец покраснел, и красное из него. Папа взял руку и:

– Ну, вот, – сказал он, – палец свой отбил. Постучать даже не можешь.

Подул на палец. Поплевал и вытер, красное исчезло, и снова появилось. Папа снова подул на палец и сказал:

– Теперь не будет болеть.

– М-м-м, – сказал я ему.

– Успокойся, – сказал папа, – прошло уже все. Не больно же.

Салих перестал стучать и положил молоток на землю. То, по чему стучал, бросил в воду, и оно зашипело, и из воды пар. Салих сел на стул. Кружку ко рту, и на шее зашевелилось. Перестало шевелиться, и он кружку на треножник, а губы у него стали белыми. Вытер рукавом, и белое на губах исчезло.

– Нашли все-таки Болата, – сказал Салих. – Как он ни прятался, нашли все же.

– Не иголка же он, – сказал папа, – чего б не найти, если так искать. Который год Мырза за ним гоняется. Словно всё наладится, если он за Омара отомстит.

– Мырза Болата не одолеет, – сказал Салих. – Если только чтобы Болат об этом не знал, из-за угла или ночью.

– Ты же знаешь Мырзу, не станет он из-за угла убивать, как последний трус, – сказал папа. – Стал бы он из-за этого столько времени разыскивать. Уже больше пяти лет.

– Главное – отомстить и смыть кровь кровью, – сказал Салих. – А остальное неважно.

– Он так не поступит, – сказал папа. – Он по-честному отомстит. Иначе это будет не месть.

– На месте Шакмана я бы запретил Мырзе мстить, – сказал Салих. – Понятно же было, что Омар не умрет своей смертью. Как скотина, без людского прощения похоронен. А теперь из-за этой мести Шакман другого своего сына лишится.

– Жалко будет Мырзу, – сказал папа, – если Болат и его убьёт. А к этому все и идет.

– У Болата сейчас нет выхода, – сказал Салих. – Или он, или Мырза. Тут без крови не обойтись. Тогда он еще мог, не убивая Омара, сбежать на равнину со своей невестой.

– Все из-за того, что горело в штанах у Омара, – сказал папа, – и семья его, и вся долина расплачивается. С тех пор как Рауба стоит, такого не было – никто до Омара не додумался право первой ночи в Тулане устанавливать.

Говорю папе.

– Не успокойшься ведь, – сказал папа. Дал мне хлеб.

– На, пожуй, – сказал.

Салих смотрит на меня и говорит папе:

– Твои старше Адижи. Она уже разговаривает, а твои даже не думают об этом.

– Кто раньше, а кто позже. Невелика беда, – сказал папа.

– Всякое бывает, – сказал Салих.

Ая плачет.

– Не плачь, – сказала, – Тахир же не плачет.

Одела ее и посадила за стол.

– А ты куда наладился? – сказал папа. – Уселся, словно сроду тебя не кормили. Не давай ему ничего.

Говорю ему.

– Не пойму тебя, – сказала мама. – То говоришь, пусть ест, лишь бы не плакал, то говоришь, не давай ничего.

Папа посмотрел на меня, а потом на Аю.

– Если б я знал, что надо делать, – сказал.

Мама посыпала мукой стол. Палкой туда-сюда, и стало тонким и круглым. Разрезала на кусочки. Разия в чугуна, зашипело, и из чугуна пар. Пахнет маслом.

– А он, – сказала Разия, – понимает, что Тану умер?

Говорю ей.

– Видишь, – сказала мама, – сразу же заплакал. Имя только его услышал.

– Не плачь, – сказала мама, – он скоро придет.

– А чего ж тогда он отца ищет? – сказала Разия. – В дом Исы каждый день ходит. Бекир жалуется, что надоел ему.

– А чего жаловаться? – сказала мама. – Не убудет же от него. Дом ему, считай, бесплатно достался, а еще жалуется. На меня наговаривает, словно я его к нему направляю.

– Его тоже можно понять, – сказала Разия. – Каждый день ведь приходит, и уходить не хочет.

– Понимает он, – сказала мама, – что с отцом что-то случилось. А что – этого не может понять. Он же у вас был, не видел ничего. Вот и ищет отца: то к Бекиру идет, то в большой дом.

Ая подошла к маме. Хочет взять тесто. Мама сказала нельзя, и Ая заплакала.

– Не плачь, – сказала мама. – Ребенка разбудишь.

Ая плачет, рукой по лицу и: «У-у, у-у, у-у».

– Вой подняла, хоть уши затыкай, – сказала Разия.

– Это они умеют, – сказала мама.

– И откуда у них силы берутся, столько плакать, – сказала Разия. –

Я на похоронах у кого-нибудь поплачу немного и так устаю, словно работала неделю без передыха. А они целыми днями воют и воют.

Мама смотрит на колыбель. Она молчит.

– Ребёнок тоже привык, – сказала мама. – Не просыпается даже.

– Дай ей, – сказала Разия, – пусть успокоится и не орет под ухом.

Мама дала тесто, и Ая перестала плакать. Показала мне и:

– Тото, – сказала.

– Не говори Тото, – сказала мама, – скажи Тахир.

– Тото, – сказала Ая.

Разия вытащила из чугуна и положила в чашу. Говорю ей.

– Подожди, пусть остынут хотя бы, – сказала она. – Обожжешься.

Взяла белые кусочки и бросила в чугунок. Зашипело. Помешивает в чугуне. Наклонилась к огню и железом туда-сюда. Огонь стал сильнее, а потом затих. Говорит:

– Сильный ты огонь развела, масло может подгореть.

– Что ты сделала? – сказала мама. – Посмотри на нее.

– Не надо было, – сказала Разия, – ей тесто давать.

– Сама же сказала, дай, – сказала мама. – А теперь говоришь, не надо. Зря я тебя послушалась. Поплакала бы – привычное дело.

Мама руками по голове Аи.

– Зачем, – говорит, – на волосы намазала? Прилипли – не отдерешь теперь. Голову придется мыть.

– Когда тесто подсохнет, – сказала Разия, – очистишь. Сейчас только размажешь.

В колыбели заплакала. Ая подошла, приподняла платок и смотрит. Плачет еще сильнее.

– Зачем ты ей лицо открыла? – сказала мама. – Закрой и покачай ее, сделай бай-бай, – и показала Ае рукой взад-вперед.

– Я сама управлюсь, – сказала Разия, – огонь убавила, успею. Ты лучше за ребенком посмотри.

Мама тоже к колыбели. Качает ее и поет: «А-а, ты моя хорошая, а-а, ты моя красивая». Ая стоит рядом с мамой, смотрит на колыбель. Говорит:

– Зизи.

– Шамса почему-то не идет, – сказала Разия.

– Не успевает одна по дому, – сказала мама. Качает колыбель и поет. Взяла тряпочку и намочила ее в молоке. Дала ей, и она перестала плакать. Говорю маме.

– Дай ему, если остыло, – сказала мама. – Не успокоится, пока не добьется своего.

Разия взяла из тарелки и подула на него.

– Болезнь у него, наверное, – сказала мама. – Сколько не ест, ему все мало.

Я говорю Разие, а она жёлтое из одной руки в другую и:

– Горячее, – сказала.

Снова подула на него, положила на стол.

– Не остыло ещё, – сказала. – Подожди немного, не ешь пока.

Я к столу и взял желтое. Руке больно, и я бросил на стол.

– Говорила же, горячее, – сказала Разия.

Забрала со стола и снова дует. Перестала дуть и к чугуну.

– Из-за тебя, – сказала, – подгорели.

Вытащила из чугуна почерневшие и положила в другую тарелку.

– Подгоревшие, – сказала, – я отдельно положила.

Дала мне, и я ем. Разия бросила в чугун. Наклонилась к огню, поворошила. Огонь поднялся выше, стало сильнее шипеть, и я услышал дверь и плач. Пришла Шамса. Держит в руках, а он плачет.

– С обеда вот так, – сказала. – Как ты ушла, заплакал и плачет без передыху.

Покачивает, а он плачет. Отдала маме. Мама смотрит ему в лицо и говорит:

– Тьфу, тьфу, чтоб не сглазить. Большой уже стал.

Качает его и:

– Не стыдно тебе, – сказала. – Ревешь-то как, изо всех сил надры-ваешься. Может, сглазили тебя, а? Кто-то недобрым глазом посмотрел на тебя и сглазил.

– Не знаю, сглазили или нет, – сказала Шамса, – но что-то неладное творится. Не кушает ничего.

Мама качает его и говорит:

– Ахия, не стыдно тебе. Мужчина, а плачешь как девочка. Смотри, Назифа же не плачет.

Перестал плакать.

– Давно бы так, – сказала мама.

– Измучилась я одна, – сказала Шамса.

– Русские воюют¹, – сказала Разия, – а мы тут при чём? Зачем наших забирают, сами бы и воевали, если это им надо.

– Проголодалась, наверное, наша девочка, – сказала Шамса. – Смотри, как тряпочку сосёт.

Наклонилась к колыбели, расстегнула пуговицы. Говорю ей, и Разия рассмеялась:

– Тахир тоже хочет, Шамса, – сказала, – дай ему тоже свою грудь.

– Его ты корми, – сказала Шамса, – мне двоих хватает.

Мама говорит мне:

¹ Речь идет о Первой мировой войне.

– Скажи Ариу.

– Ая, – говорю ей.

– Не мычи, – сказала мама, – а скажи Ариу.

– Ая, – говорю ей.

– Старается, – сказала мама, – но не может. Не получается у него. «А-а» говорит, а дальше не может.

Говорит Ае:

– А теперь ты скажи Тахир.

– Тото, – сказала Ая.

– Не Тото, а Тахир, – сказала мама.

– Тото, – сказала Ая.

Папа рассмеялся.

– Нашла ты себе дело – детей мучаешь, – сказал. Назифа подложила мелкие дрова, и огонь поднялся выше, язычками по дну чугуна и бликами по комнате. Муха снова прилетела и села мне на лицо. Я поднял руку и – к лицу, но она улетела.

– Ещё одна, – сказала Назифа. – Снег еще не сошел, а они разлетались. Правду говорят, ранняя будет весна. Хоть в этом мне повезло.

Не вижу ее, слышу, как жужжит. Снова говорю Назифе.

– Да замолчи ты ради всех святых. И так на душе тошно, а тут ты того и гляди разревёшься, – сказала. Моет в ведре марлю.

– Мне не жалко, – сказала. – Сам же потом мучиться будешь. Рев подымеешь, хоть из дома беги.

Скручивает марлю, и в ведро стекают капли. Моет ведро. Вытирает руки о подол. Подошла к огню, лицо у нее посветлело. Деревянным ковшиком налила молоко из чугуна. И отвернулась от огня, и лицо снова потемнело. Положила на стол тарелку, накрошила в нее хлеба, пододвинула поближе и дала мне ложку.

– Ешь быстрее, – сказала, – и отправляйся гулять. У меня и так хлопот хватает.

Я ем. Течет изо рта, и под рубашкой стало мокро. Показал Назифе.

– Так тебе и надо, – сказала она. – Не хочешь, чтоб я тебе слюнявчик повязала.

В тарелке уже ничего нет, а на одежде кусочки хлеба. Собираю их, а они из рук и на пол. Лезу под стол. Собираю.

– Оставь, – сказала Назифа. – Увидит кто, скажет, что я тебя голодом морю.

Собрал с пола и съел. Поднялся и сел на стул. На столе ничего нет. Посмотрел на сестру и говорю ей.

– Хватит, – сказала она. – Все тебе мало, не наешься никак.

Взяла меня за руку. Вывела на улицу и говорит:

– Иди к школе.

Смотрю на нее, не ухожу.

– К большому дому иди, – сказала. *Папа снял с меня, поднял и положил на кровать. Сверху накрыл, и я себя не вижу. Маму вижу, сидит рядом с Аей. Ая не хочет, и тянется к ней.*

– Нельзя, – сказала мама. – *Большая уже, пора одной спать. Ая плачет. Мама легла рядом с ней.*

– *Спи теперь,* – сказала. Съел и смотрю на Разию, она разрешила на кусочки, и я говорю ей, а она мне:

– Сейчас, – сказала, – положу тебе в тарелку, и ешь, сколько сможешь.

– А лучше, – сказала мама, – ты ничего не придумала.

– Я же не заставляю, – сказала Разия, – он сам просит.

Положила на стол одну и сказала:

– Больше нельзя, видишь, мама ругается.

Я ем. Шамса качает колыбель.

– Уснула, – сказала. – Повезло тебе, что спокойная она. Тьфу, тьфу, чтоб не сглазить. Была б как Ахия, намучилась бы с ней.

– Мало у нее и без этого мучений, – сказала Разия.

За стеной слышу.

– *Это Нохтара вина,* – сказала мама.

– *При чем здесь он?* – сказал папа.

– *Я знаю,* – сказала мама. – *В ту ночь, когда Нохтар Раубу срубил, перепугалась я. Когда Рауба стонала, думала, с ума сойду. А это им передалось. Когда женщина на сносях, все детям передается.*

– *А у остальных почему не передалось?* – сказал папа.

Мама отдала Шамсе, и он заплакал. Шамса ему: «Бай-бай-бай», и покачивает, а он громче.

– Раньше он так не плакал, – сказала мама. – Как Хамзата забрали, стал таким.

– С первого дня он такой, все плачет и плачет, – сказала Шамса. – Он, пока не забрали на войну, помогал мне, а теперь ночами не сплю.

– К Блиту надо, – сказала Разия, – его заговоры помогают.

– Мало ли носила, – сказала Шамса. – Немного успокаивается, а потом снова.

– Надо, – сказала Разия, – чтобы несколько человек его заговаривали. Сглаз у него сильный. Хамзат, может быть, сам его и сглазил. Не всякая женщина так за дитем смотрит, как он смотрел. Вот и сглазил. А родительский сглаз легко не проходит.

– Думаю иногда, может с отцом его что-то случилось, – сказала Шамса. – Дети все чувствуют.

– Назифа же не плачет, – сказала мама. – Или не чувствует она ничего. Ни отца, ни матери, а она такая спокойная.

– *Если кто и виновен,* – сказал папа, – *так это я. И отец мой.*

– *Нельзя так,* – сказала мама, – *о тех, кто ушел от нас.*

– Я же теперь без обиды, – сказал папа. – Как он ушел, и обида моя ушла. А вначале не знал, куда себя деть, сгорал весь от злости. Если б не боялся его так сильно, домой бы не приехал, когда прислал он за мной. Я ничего и не подозревал. Сенокос, считай, мы уже заканчивали, а тут дядя приезжает и говорит, умойся, одевайся, и поехали со мной домой – отец тебе жену привел. Мне хоть бы слово – сам решил, и все тут. Так и сказал, большие моего разве понимаешь, я же тебе добра хочу. Вот и хотел я, чтобы ты оказалось бесплодной. Тогда я смог бы развестись с тобой. По-иному я не смог бы отца уговорить.

– Думаешь, – сказала мама, – из-за этого такими родились?

– Грех большой, – сказал папа, – желать, чтоб детей не было.

– Чтоб детей не было, надо было себя иначе вести, – сказала мама.

– А то ты не знаешь... Растрезвонили бы, что ни на что не годен, – сказал папа.

– Ну, в первую ночь – ладно, – сказала мама, – доказал, что способен. А после этого почему со мной оставался? Оттого, наверное, что сильно хотел, чтобы не было детей?

– Мужчина же ведь я, – сказал папа. – Легко ли удержаться, когда с женщиной в одной кровати. Да и тебя было жалко. Ты же ни в чем не виновата.

– Меня? – сказала мама.

– Жалко было? – сказала мама. И заплакала.

– Лучшие б я умерла в тот день, когда меня привезли в ваш дом, – сказала мама. Разия тряпками за чугунок, и он поднялся вверх. Поставила на пол, а в нем плавают жёлтые. Выловила их и в чашу. Говорит:

– Закончила я. Теперь надо разносить. Будем, как обычно?

– Да, – сказала мама, – соседям и Блиту.

– В селе удивляются, – сказала Шамса. – Мало того, что обратно пустила, так теперь каждую неделю его поминаешь.

– А кто будет поминать, – сказала мама, – если не я? Что б между нами ни было, отец он им, – показала на меня и Аю.

– Что теперь говорить об этом, – сказала Разия. – Кто Шарипу упрекнет, грех только на душу примет.

– Разве он сделал что-то такое, чтобы и после смерти его за человека не считать? – сказала мама.

– Теперь он сам за все ответчик в Судный день, – сказала Разия.

– Женщину другую полюбил. Дьявол оказался сильнее, совсем голову потерял – разве можно его в этом винить, – сказала мама.

Разия покачала головой и вытерла лицо.

– Меня он оставил. И только я могу его винить. Или простить, – сказала мама. Папа моет меня.

– Стой тихо, – сказал, – побью.

Трет спину, ниже спины, между ног. Больно, и я говорю ему.

– А ты как хотел? – сказал папа. – Хочешь быть чистым, терпи. Провонял весь, никак не научишься снимать штаны.

Ая показывает на меня между ног.

– Тото, – сказала.

– Он же мальчик, – сказал папа. – У него должно такое быть. А ты девочка. У тебя такого нет.

Поднял меня и из тазака. Вытирает голову, я ничего не вижу и говорю ему. Иду вдоль забора. Внизу обрыв. Тропинка узкая, и я прижимаюсь к забору. Нога соскальзывает вниз, держусь о камни. Иду дальше. Биас смотрит снизу, со своего двора. Качает головой. Рядом с ним бегают теленок.

– Говорил же тебе, не ходи там, – сказал. – Сорвешься как-нибудь и расшибешься.

Теленок к нему и потянул сзади за штаны. Биас на него руками.

– Штаны порвешь, – сказал, – чтоб тебя волчица съела. Новые же не справишь.

Теленок в сторону, хвостом машет, и с разбегу в стог сена.

– На ногах еле стоишь, – сказал Биас, – а туда же, скачки устраиваешь.

Из сарая слышу: «Му-у-у». Папа себе руками по лицу, и оно стало белым. Руки тоже. Положил мыло, и помыл руки. Блестящим по лицу. Белое ушло, и лицо стало красным.

– Опять занюнил, – сказал папа, – поранился я немного, а ты вой подымаешь, словно режу себя.

И снова блестящим по лицу. Пришел к большому дому. Играют дети. Один из них стоит, прижавшись лицом к стене. Другие убегают и прячутся от него. Спрятались и кричат. А тот от стены и смотрит по сторонам. Увидел одного и к нему. Сказал ему и побежал обратно, а тот за ним, и другие тоже. Собрались у стены и кричат. Увидели меня и замолчали.

– Сможешь к нему подойти, – сказал мальчик, – и дёрнуть его за штаны?

– Смогу, – ответил другой.

– А вот и не сможешь, – сказал первый. – Если поймает, укусит.

– Он не кусается, – сказал другой.

– Кусается, – сказал первый. – Ариу не кусается, а он кусается.

– Я его дёргал за рубашку, – сказал другой, – а он не укусил.

– Заливаешь, – сказал первый. – Чего ж тогда подойти к нему боишься? Штаны готов намочить.

– Ничего не боюсь, – сказал другой.

Посмотрел на меня и пошел. Смотрит и идет. Подошел поближе и остановился. Стоит, смотрит. Я к нему, а он закричал: «Не трогай меня», и бегом от меня. Я следом, а они все бегом. Далеко от меня остановились и смотрят.

– А говорил, не боишься, – сказал первый.

– Он сегодня страшный какой-то, – сказал первый, – чуть не укусил.

Аба вышла на крыльцо и постучала колотушкой о дно таза. Дети побежали в дом. Толпятся, толкаются у дверей. Иду за ними. Аба встала передо мной, не пускает.

– Тебе нельзя, – сказала она.

Смотрю на нее. А она стоит, не пускает. Говорю ей.

– Мне не жалко, – сказала Аба. – Ругаться будут. Говорят, чтоб не пускала.

Смотрю на нее. Аба ругает детей, кричит на них. Не уходит, стоит передо мной. Отталкивает от дверей.

– Иди лучше в другое место, – сказала. – Нечего тебе здесь делать. Ты же их отцам ровня, а хочешь вместе с ними.

Не уйду. Хочу пройти мимо нее, а она снова передо мной, держит меня за руку и тянет назад. Говорю ей. А она:

– Ладно, иди, – сказала. – Только не реви.

– Пущу – ругают, – сказала Аба, – не пущу – ты орёшь, что горы вокруг трясутся, а они снова меня ругают. Во всем я виновата. Словно сама тебя привожу. Словно ору вместо тебя и все кругом сотрясаю.

Иду вместе с детьми, зашел с ними и сел за стол.

– *И другие видели, как Рауба падала, – сказал папа. – У других же ничего не случилось.*

– *А другие, может быть, и не испугались так, – сказала мама. – А я позабыла, где нахожусь, жива даже или нет, позабыла. И долго потом стон слышала, и мне казалось, что Рауба у меня помощи просила, у меня одной.*

– *А чем бы ты смогла помочь? – сказал папа.*

– *Помолиться надо было, – сказала мама. – Когда уходят от нас, мы всегда молимся. А Рауба была живая. Не дерево она была. Всю долину оберегала от несчастий. И стонала она – не всякий так сможет. Помолиться мне надо было, когда она от нас уходила.*

– *Заладила, – сказал папа. – Любое дерево так скрипит, так шумит, когда падает.*

– *Не говори так, – сказала мама. – Рауба не простое дерево. У нее душа была.*

– *Скажешь еще, что она сейчас слышит мои слова? – сказал папа.*

– *Не гневи ее, – сказала мама. – Прошу тебя. Разве не видишь, и пень ее не высох. Влага из него так и сочится. Слезами она исходит. Да и как ей не плакать, если черной неблагодарностью мы ей оплатили.*

– *Меня в ту ночь на холме не было, – сказал папа. – Да и ты, как я знаю, топор не подавала Нохтару, чтобы Раубу он уничтожил. Вчера еще меня считала виновным, а сегодня что случилось?*

– *Во сне я Раубу видела, – сказала мама. – Как будто она снова растет на прежнем месте. Только вся белая. И листья, и ствол, и ветви, и*

даже ленточки – все было как снег. Разговаривала она со мной. Сказала, что от горя поседела. От черной нашей неблагодарности. Даже ты, сказала мне, не помолилась за меня.

– Так ты сама скоро с ума сойдешь, – сказал папа.

– Прошу тебя, послушайся меня еще раз, – сказала мама. – Больше не буду тебя просить, а сейчас сделай, как я говорю. Помолиться надо ей. Жертву ей принести, чтобы сняла она с детей свое проклятие.

– Нохтара не прокляла, – сказал папа, – а детей, значит, прокляла. Если так, то ей не молиться, а ствол надо в ключья разнести. И сжечь, чтоб памяти от нее не осталось.

– И Нохтара накажет, – сказала мама. – Увидишь, ему не избежать её гнева. Не самого, так сына накажет, или даже внуков.

– Правнуков не забудь, – сказал папа.

Перестали стучать. Салих положил железо в огонь. Папа сделал руками вверх-вниз, и стало еще ярче.

– Понимать вроде бы всё понимают, – сказал папа. – А разговаривать не могут, делать ничего не могут. Штаны снимать – и то не научу никак.

Говорю папе.

– Понял, что я о нем, потому и замычал, – сказал папа.

– Надо их знахарям показать, – сказал Салих.

– Когда подрастут, сами поправятся, – сказал папа. – Маленькие еще.

– А чего ждать, – сказал Салих. – От знахарей вреда не будет, надо показать.

Я с земли камень и в карман.

– Зачем он тебе? – сказал папа. – Выброси.

Говорю ему.

– Мусор в карманы собирает, – сказал папа. – Камни – куда б ни шло, но и дерьмо всякое.

– А пусть Шарипа ему зашьет, – сказал Салих. – Отучится, когда собирать будет некуда.

– Надо попробовать, – сказал папа.

– Посмотри на него, – сказала мама. – Карманы зашила, так он под рубашку насовал всякой гадости.

– Что ты тут скажешь, – сказал папа. – Ни на что другое мозгов не хватает, а тут – на тебе, нашел выход. Может, все же поправится.

На столе камушки и книга, хочу их взять, но папа не дает, держит меня и не пускает к столу.

– Быть не может, – сказал папа. – Никогда не было такого у нас в роду.

– Не сама говорю, – сказала старуха, – камушки раскинула – они говорят, книгу раскрыла – и там то же самое написано. Такова, – подняла руку кверху, – воля всевышнего.

– И за что нам такое наказание? – сказал папа.

– А если б калеками родились, если б без рук или ног, тогда что? – сказала старуха. – Бросил бы ты их?

– Да лучше калеками, – сказал папа. – Понимали бы хоть. А так: ни они нас не понимают, ни мы не можем понять, что им надо. Этот – только мычать и умеет.

– Воли господней никто не избежит, – сказала старуха и снова подняла руку кверху.

– Она дочку привезет, – сказал папа, – посмотришь на нее?

– Если такая же, – сказала старуха, – зачем себя мучить. Разве я смогу дать им то, чего аллах не дал?

– Она вроде бы кое-что понимает, – сказал папа. – Скажешь ей что-нибудь, старается сделать.

– А чего, – сказала старуха, – сразу обоих не привез?

– Без матери, – сказал папа, – она ни в какую. А этот от меня ни на шаг не отстает.

– А говоришь, понимает, – сказала старуха. – Если двойняшки, одинаковые они. Не может быть, чтобы одна была с рассудком, а другой без рассудка.

– Посмотри, – сказал папа, – сделай доброе дело. Не забудем мы этого.

– Мне-то что, – сказала старуха, – я никуда не поеду. Это вам мучиться, в дороге трястись.

– Это разве мучение, – сказал папа. *Говорю маме, а она не дает, говорит:*

– Сам возьми. Знаешь же, где хлеб лежит, иди и возьми.

Говорю ей.

– Развылся опять, – сказал папа. – Бесплезно всё, ничему он не научится. Мусор-то он сам научился собирать, а кормить мы его кормили. Привык, что еду мы даем, и теперь он никак не поймет, что и самому можно. Сколько ни показываю, штаны не может сам снять. Каждый раз ждет, пока я сниму.

Слышу маму:

– Тахир.

По сторонам смотрю и вижу высокие, темные, маму не вижу. Громче слышу:

– Тахир.

Белое, круглое вижу над собой, и маленькие – много их, светятся на черном. Слышу траву и Салиха:

– Не он мычит?

Слышу маму:

– На погосте же.

А Салих:

– Понимает он разве, что это погост? Мог и сюда забрести – кто ему запретит. Надо посмотреть.

Вижу темные, они движутся. Приближаются ко мне.

– Вот ты где, – сказала мама.

Говорю ей.

– Зачем сюда пришёл? – сказала мама.

– Нашёл-таки своего отца, – сказал Салих.

Говорю ему.

– Не надо о нем, – сказала мама. – Разрешится еще.

– Надо же, – сказал Салих, – возле его могилы сидит. Почувствовал, наверное.

Трава громче, и я ее слышу.

– Ветер холодный, – сказала мама. – Продрог он весь, как бы не заболел.

– Пошли домой, – сказал Салих. Взял меня за руку и тянет.

Говорю ему.

– Не хочет идти, – сказал Салих. – Упирается.

– Ариу тебя ждёт, – сказала мама.

Говорю ей.

– Замёрзнешь, ночи сейчас холодные, – сказала мама.

Салих тянет за руку, сдвинул меня, подымает вверх. Ставит на ноги, но я не хочу стоять, хочу сесть, но он не дает, держит меня. Говорю ему.

– Не плачь, – сказала мама, – нельзя на погосте...

Маму не слышу, слышу только свой голос. Салих отпустил меня, и я сел на землю. Говорю ему. Слышу маму:

– Мало у меня горя было.

– Подниму я его и понесу, – сказал Салих. – Сил-то на него у меня хватит.

– По-хорошему попробую, – сказала мама.

Присела и обняла меня. Прижала к себе, погладила лицо, руки. От нее пахнет хлебом.

– Руки у тебя как лёд, и лицо тоже, – сказала. – А останешься здесь до утра, околечнеешь совсем.

Она крепче прижала мою голову к себе, и я ничего не вижу, слышу траву и «тук, тук, тук» у мамы в груди.

– Теперь хоть сиди здесь, хоть не сиди. Оттуда еще никто не возвращался – сами туда уйдём, – слышу маму. Она плачет.

Говорю ей и от нее. Она держит меня за руки, а я отдергиваю их. Хочу от нее, но она не пускает. Сильнее тяну, и она отпускает. Я подальше от нее.

– Неладное с ним творится, от меня даже шарахается, – сказала мама. – Не хочет, чтобы я его трогала.

– Понял, что домой хотим привести, – сказал Салих. – А он здесь хочет остаться. И что это с ним?

– Нельзя здесь, – сказала мама и ко мне. Тянет руку, а я от нее. – Не дает даже к себе прикоснуться.

– Возьму на руки и понесу, – сказал Салих. – А дома успокоится.

Схватил меня и к себе, обнял, я отпираюсь, но он ближе к себе и вверх. Говорю ему, но он не отпускает. И я не вижу белого, только маленькие сверкают. Схватился за тёмное, рукам холодно, но не отпускаю, крепче держу и не отпускаю. Мама за руки, тянет их и отрывает от тёмного. Говорит, но я ее не слышу. Слышу свой голос, издали слышу, со стороны. Не из меня идет, где-то далеко от меня звучит. Машу руками, попадаю в лицо Салиха. И ногами бью. Полетел, и об землю. Руки трогают меня, везде трогают. Гладят. Смотрю и ничего не вижу. На лице мокрые, прилипли. Руки тянут меня, и теперь я снова вижу тёмные. А теперь не вижу. Руки гладят по лицу, и слышу Салиха:

– Не думал, что столько сил у него. Брыкается как жеребец. Если руки, ноги ему не связать, не смогу унести отсюда.

– Скажешь же, ребенка связать, – сказала мама.

– Этот ребенок меня ногой так двинул, – сказал Салих. *Папа посадил меня на лошадь. Она прядает холкой.*

– Не бойся, – сказал папа. – Ты же большой, должен уметь ездить верхом.

Ведёт лошадь за уздечку. Выехали из села. У реки пасутся овцы. Река пенится и шумит.

– Будем пасти овец, – сказал.

Снял меня с лошади.

– Ты побудь здесь, а я отгоню их от реки, – сказал. *Садится на лошадь и уезжает. Я не хочу, а он уже далеко от меня.* Мальчик передо мной, говорит:

– Опять на моё место сел.

– А ты прогони его, – слышу.

– Уходи, – сказал, – это моё место.

– Он так не уйдёт, – слышу, – ты его вытяни оттуда.

– Сам вытяни, – сказал, – если не боишься.

Идет мимо меня и садится сзади. Пришел с тоненькой палочкой. Дети встали. Я тоже встал.

– Здравствуйте, – сказал он детям непонятное слово.

Дети в ответ сказали то же самое слово.

– Садитесь, – сказал с тоненькой палочкой непонятное слово.

Дети сели. Я тоже сел. *Слышу реку, она шумит, как когда я дома, но только сильнее и ближе, а папа еще дальше, не оглядывается. Я кричу, и ничего вокруг не слышу, слышу только свой крик. Папа рядом. Говорит что-то, но я его не слышу, слышу только свой крик. Папа гладит меня по голове. Моего голоса больше нет, и я слышу папу:*

– Ореши же ты, даже реку заглушил.

Снова шумит река, и я говорю папе.

– Не обижайся, – сказал папа. – Не буду я теперь оставлять тебя одного.

Из-за горы появилось белое, и вместо горы. Дальше плывет над нами, и я снова вижу гору. Мальчик поднял руку. Я тоже поднял. Дети смеются. С палочкой стучит по столу и говорит что-то. Дети перестали смеяться, смотрят на меня. С палочкой подошел ко мне.

– Сколько тебе говорить, чтоб не приходил сюда, – сказал.

Смотрю на него.

– Дурень старый, – сказал с палочкой.

Берет меня за руку и выводит из класса. Не хочу идти, но с палочкой толкает меня в спину. Оборачиваюсь и смотрю на него, но он толкает меня. Пришли к двери. Аба сидит на стуле и спит. Голова назад, и волосы развеваются белые.

– А эта, – сказал с палочкой, – спит. Перетрудилаась.

Аба раскрыла глаза. Смотрит на меня, а потом на него.

– Скоро вы мне дышать запретите, – сказала.

– Зачем ты его пускаешь? – сказал он. – Сколько тебе говорить, не пускай.

– Удержишь его, как же, – сказала Аба. – Сам бы попробовал удержать.

С палочкой смотрит на Абу.

– С детьми ему хочется посидеть. Что с того, пусть сидит. Подумаешь, велика беда, – сказала Аба.

– Тебя забыл спросить, – сказал с палочкой. – Еще разпустишь, не обижайся.

– С дурачком драться не собираюсь, – сказала Аба. – Тебе надо, ты и не пускай.

– Я-то не пушу. Увидишь, завтра сам встану у дверей, – сказал с палочкой.

– Он сюда с отцом приходил, когда дом строился, – сказала Аба. – Помнит, наверное, об этом.

– Ничего он не помнит, – сказал он. – Чем он может помнить, если у него мозгов нет.

– Мозгов, может быть, и нет, – сказала Аба. – А чувствовать, он все чувствует. Посмотри на него, он все понимает.

– Тебе делать нечего, ты и смотри, – сказал он.

Смотрю на него.

– А ты говоришь, чувствует, – сказал. – Только мычать и умеет.

Больно толкнул в спину и сказал:

– Не приходи больше.

– Не успокоишься ведь, пока не заплачет, – сказала Аба.

Стою перед дверью и смотрю на них. *Папа сказал:*

– *Смотри, как я буду делать.*

Сел на лошадь, ударил ее плёткой и поскакал. Ко мне скачет, мимо меня и дальше. Снова ко мне. Подъехал и спешился.

– А теперь ты попробуй, – сказал.

Посадил меня на лошадь. Дал в руки уздечку, а сам отошёл в сторону.

– Но, пошла, – сказал.

И лошадь поскакала. Говорю папе, а он машет руками на лошадь.

С палочкой ушел.

– Не плачь, – сказала Аба. – Не в первый же раз он тебя обидел, пора бы привыкнуть. Что с него возьмешь, приехал бог весть откуда, знающим себя считает, учился, говорят, чему-то, а того не поймет, что не по своей воле ты такой. Дал бы всевышний тебе разум, таким бы разве был. Жил бы как все, а сюда дети бы твои ходили.

Громче слышу свой голос. Я уже не плачу, а голос все идет из меня.

– Слезы-то как текут, – сказала Аба. – Был бы женщиной, лучшей плакальщицы не было б. Из дальних сел бы за тобой приезжали, чтоб оплакивал умерших.

Мой голос исчез. Из-за двери слышу непонятные слова: «Вставай проклятем заклеимённый, весь мир голодных и рабов... А ну-ка, разом, все повторяйте за мной. Раз, два, начали...» И уже хором: «Вставай проклятем заклеимённый, весь мир...»

– А эти запели, – сказала Аба. – Разве это ученье – песни распевать. Детей только мучают.

Говорю ей.

– Нету у меня ничего, – сказала она, – чтоб тебе дать. На вот смотри... – Хлопает руками по карманам.

А из-за дверей слышится непонятное: «Кто был ничем, тот станет всем...»

– Другой разве нет песни? – сказала Аба. – Говорят, страна – большая, а песня-то, получается, только одна – что ни день, её и поют. Чтоб богатых всех уничтожить, а самим на их место – об этом и вся песня.

Аба покачала головой и посмотрела на меня.

– Ну, что ты стоишь? – сказала. – Сам же видел, ругается. Не разрешает тебя пускать. К другому зайдешь, тот еще хуже, разговаривать даже не станет, только палкой тебя по спине. Или забыл уже? И откуда они взялись на нашу голову. Мы, вон, и без их учения росли, однако же, ничего – жизнь, слава всевышнему, прожили. Хватило, значит, ума. А они детей только мучают.

Говорю ей.

– Иди, погуляй лучше в другом месте, – сказала. – Мне-то что, я бы пустила, но не разрешают мне, словно убудет от кашхановского дома.

Говорю ей.

– Нету же, – сказала Аба и снова похлопала по карманам. – Если бы было у меня что-нибудь для тебя, не дала бы разве.

Села на стульчик у дверей. Лошадь дернула головой и сорвала из рук уздечку. Я схватился за седло. Смотрю на папу. Он прыгает вверх-вниз, и земля тоже прыгает, вверх-вниз. Держусь крепче. Слышу папу:
– Стой.

Лошадь поскакала еще сильнее. Папа побежал. Говорю ему. Подбрасывает в седле. Между ног больно. Ноги выскользнули, и сильно подбросило. Лошадь убежала, бежит вниз. А я лечу. Вижу камни, и реку вижу. А земля куда-то ушла, и я только небо вижу. Стало больно и ничего не вижу. Лежу на земле. Больно везде. Кричу и ничего не вижу. Кричу громче. Руки трогают меня. Везде трогают. Ничего не слышу, слышу только себя. Папа утирает мое лицо.

– Слава аллаху, – сказал, – живой.

Слышу, тяжело вздыхает. Слушаю, но папа молчит. Стало светло, и не вижу белое. Вверху стало синим, и нет маленьких. Траву слышу и: «Му-у». Издалека слышу. Смотрю, но не вижу, вижу маму. Идет ко мне. Подошла и присела рядом, смотрит на меня. По щекам у нее течет, но я не слышу ее. Говорю ей, и она утирает лицо ладонями.

– И как ты узнал, что здесь он, – сказала она.

Говорю ей.

– Все, все, – говорит мама, – не плачу я уже.

Гладит меня по лицу, пахнет хлебом.

– Посинел весь, – говорит мама. – И что только на тебя нашло?

Руки по лицу, я вижу пальцы, а потом вижу камни, высокие, вокруг нас стоят. На них что-то написано. Мама меня берет за руку и:

– Пойдем, Ариу тебя ждет, – сказала.

Говорю ей.

– Да, Ариу, – сказала она. – Весь вечер она тебя искала, в дом я ее еле-еле смогла завела.

– Ты здесь меня изводишь, а она там, – сказала. Папа несет меня. Надо мной синее. Слышу реку. Она далеко, но я слышу. Иду по улице. Надо мной летают, а потом садятся на землю впереди меня, я к ним, а они от меня, улетают и чирикают. Вижу Бекира. Стоит у ворот и смотрит по сторонам. Говорит мне:

– Прогнали со школы и решил нас наведать? Думаешь, сильно мы по тебе скучаем?

Говорю ему, а он:

– Чего обижаешься? – сказал. – Лучше возьми и напугай учителя, как меня тогда напугал. Язык у него отнимется, как у меня, а какой из него учитель. Другого пришлют, а тот, глядишь, добрее окажется. Разрешит тебе сидеть с детьми.

Бежит Хаким, размахивает рукой. Остановился перед Бекиром, в руках держит верёвку. Смотрит на меня. Говорю ему, но он не отдает.

– Тебя только за смертью посылать, – сказал Бекир. Забирает у Хакима верёвку. – Что за люди. Взять – взяли, но не отдают, ходить за ними надо.

Говорю Бекиру. Он рассматривает веревку. Говорит:

– Зачем она тебе?

Не отдал веревку, руки назад, за спину, и веревку тоже.

– А ты чего стоишь? – сказал Хакиму. – Смотришь на него, словно никогда не видел. Воду принеси, дома воды нет.

Хаким ушёл. Бекир пошёл следом. Сказал мне:

– А ты куда? Не до тебя нам сейчас, иди, погуляй.

Пришёл Хаким, с вёдрами. Пошел вниз, и я за ним. *Папа принес меня домой. Мама заплакала. Ая тоже. Говорю им. Ая говорит:*

– *Тото.*

И плачет. Говорю ей. И она перестала плакать.

– *Аллах разума лишил, – сказала мама, – а ты жизни его хочешь лишить?*

– *Должен же я научить его чему-то, – сказал папа. – Что люди делают.*

– *Он умыться не может, – сказала мама, – а ты хочешь, чтоб он наездником стал.*

Снова говорю, и мама перестала плакать. Краешком платка вытерла глаза. Привязана лошадь. Вверху развевается красное – на палочке. Слышу Макара:

– Сказал же вам Ахия, это рассказы уклонистов и приспешников. А вы верите. Забыли, что за это бывает?

Лошадь машет головой и фыркает. Ногами об землю: «Цок-цок-цок». Смотрит на меня. Я от нее, а она смотрит, и ногами об землю. Хаким смеётся.

– Лошади испугался, – сказал. – Такой большой, а лошади боишься. Она же не кусается.

Слышу гул. Смотрю по сторонам. Улицу вижу, колодец внизу, женщины у колодца. Никто не гудит. А гул становится громче. Хаким вертит головой. Смотрит на меня.

– Ты гудишь? – говорит.

Смотрю вниз. Появились большие, серые. На них сидят люди. Много людей. Еще появились. И на них тоже люди.

– Ух ты, – сказал Хаким, – видал, сколько машин?

Останавливаются на Большой поляне.

– *Нет проку от знахарей, – сказала мама. – Надо Раубе помолиться. Только она сможет помочь.*

На земле лежит длинное, покрытое войлочным ковром. Блит что-то шепчет, держит руки перед собой. Сказал: «Аминь», и мужчины утерли руками лицо.

– Если обидел он кого, не держите зла, – сказал Блит.

Мужчины молчат.

– Если должен был кому, скажите, отец и сын его здесь, все вы платят, – сказал Блит.

Мужчины молчат, смотрят на Шакмана. Он сидит на стуле, встать хочет, но не может. Нако помог ему, держит под руки. Шакман говорит:

– Предки наши всегда в согласии жили. От Кашхановых никому зла не было.

Шакман посмотрел вокруг, а мужчины молчат.

– Кому Мырза плохое сделал, – сказал Шакман, – у кого что отнял? Почему молчите? Почему не хотите перед Всевышним засвидетельствовать, что нет у него долгов? Или радуется, что и его убил этот окаянный Болат?

Мужчины не смотрят на Шакмана, молчат.

– Никто не радуется, – сказал Блит. – Кто же смерти радоваться будет?

– У Омара была вина, – сказал Шакман, – поплатился он за неё.

И свою вину я признаю, не смог его удержать, позволил ему нарушить заветы нашего предка Жашара. Умирая, он завещал всем восьми сыновьям: никогда не забывать, что ваши родители спасли его малого. Кашхановы никогда не забывали этого. Помогали всем туланцам чем могли. Все мы знаем, если б не сжалились тогда ваши предки над Жашаром, и нас бы не было. И Омара б не было... Его вы прокляли, вся долина его прокляла – разве сказал я что-нибудь. Какой бы он ни был, отец я ему, но я слова не сказал. Признаю его вину. Если б знал вину за Мырзой, и сейчас бы я смолчал. Вы меня знаете, никогда не стану черное белым называть. Долг только свой хотел Мырза исполнить – за брата отомстить, другого я не знаю.

Шакман сел на стул. Смотрит на мужчин, а они не смотрят на него.

– Что скажете? – спрашивает Блит.

– Из-за Омара, – сказал Хызыр, – и на Мырзу пала наша обида. А на самого Мырзу у нас обиды нет. Никому он ничего не должен.

– Не должен, не должен, не должен, – сказали мужчины.

Шакман посмотрел на ковер. Протер глаза и:

– Да услышит Всевышний ваши слова, – сказал.

Нако помог ему подняться и держит под руки. Мужчины подошли к носилкам, подняли и пошли. Женщина плачет, бьет себя по голове. Припадает и бьет по коленям.

– И второго вы уносите, – кричит она, – и меня несите. Что теперь у меня осталось?

Мужчины все со двора, а женщина плачет сзади, хочет идти следом, но её не пускают.

– Не могла её сила бесследно уйти, – сказала мама, – столько лет она всем помогала, всю долину от бед оберегала.

– Была б в ней сила, – сказал папа, – Каишхановым бы помогла. А видишь, что в их роду происходит: беда за бедою – конца не видно.

– Омар нарушил заветы предков, – сказала мама, – вот и отвернулась Рауба от них. А нам Рауба поможет, они же дети, зла не знают.

Слышу из-за забора:

– Тридцать две насчитала.

– Вон ещё одна появилась.

Макар выходит из конторы. Садится на лошадь. Смотрит вниз. Еще одна появилась. У колодца тоже вниз смотрят. За забором сказали:

– Сорок восьмая...

Макар сказал: «Но». Дернул за уздцы, и лошадь пошла. Идет ко мне. Говорю ей, но она идет, ногами «цок-цок». Слышу Хасыма:

– Зачем они приехали? Не к добру это. Смотри, сколько их.

Смотрит поперек забора. Только голова видна, а внизу стена. Лошадь остановилась, и Макар сказал:

– А с чего ты взял, что не к добру? Что они плохого сделают. Наши же солдаты. Приехали – значит, так надо.

– Ну, не поздороваться же приехали, – сказал Хасым.

– Мало ли какие могут быть дела, – сказал Макар. – Тебе же они не обязаны докладывать. Или ты считаешь, что должны?

– Никогда же не приезжали, – сказал Хасым. – Только когда Пашу ловили. Но и тогда их столько не было.

– А ты, я гляжу, разговорился, – сказал Макар. – Не боишься? Ахия узнает, не обрадуется.

– Уж и спросить нельзя, – сказал Хасым.

Лошадь пошла. Смотрит на меня. Говорю ей. Она идет, фыркает и мотает головой. Прижимаюсь к забору. Говорю ей.

– На погосте ночевать не боишься, а лошади боишься, – сказал Макар.

Проезжает мимо. За забором говорят:

– Сто двенадцатая. На Большой поляне даже не помещаются – места им мало.

Хасым смотрит на нижнюю поляну, а потом вслед Макару.

– Пока ты живой, каждое слово будет донесено до нужного уха, – сказал Хасым.

А они ревут. И выстраиваются рядами.

– Да я готов хоть дьяволу молиться, – сказал папа.

– Раубе надо молиться, – сказала мама. – Ее надо просить, чтобы сняла с них свое проклятие. Не должны они за всю долину нести ответ, что не смогли мы Раубу уберечь.

Дарья ШОМАХОВА

Родилась в 1988 году в Майском, живет и работает в Нальчике. Главный редактор ежемесячного журнала для детей «Солнышко», соавтор проекта и соредактор журнала «Буква», корреспондент портала «Это Кавказ» (ТАСС), редактор портала «Балкон». Член Союза журналистов России. Участница Совещений и школ молодых писателей Северного Кавказа (2010, 2012, 2014, 2015, 2018, 2019), Форума молодых писателей России, СНГ и зарубежья (2011, 2018, 2019).

Публикации: «Литературная Кабардино-Балкария», «Вайнах», «Дарьял», «Литературная газета», «Юность», «Пролог», сборники «Новые писатели» и «Вкус айвы», сборник стихов «Том 13» (2018, Нальчик).

БАБА ОЛЯ

Рассказ

Моя прабабка Харетина Прокофьевна Лысенко (в девичестве Кашеленко) была младшей дочерью в большой семье. Родилась она, по её словам, когда копали картошку. Или собирали помидоры. Или вовсе не помидоры, а пшеницу. Этот момент в семье запомнился всем по-разному, возможно, потому, что она и рассказывала по-разному. В документах значился 1914 год без месяца и числа, но паспорт ей выдавали взамен утерянного – точнее, вроде бы уничтоженного ей самой в 30-е годы – и год рождения, соответственно, устанавливали приблизительно.

– Бабуль, а где ты жила в детстве? – На самом деле, этот вопрос я задавала ей миллион раз, но не уставала слушать ответ.

– Так я ж с пидЛуганьску, – вздыхала баба Оля.

Каким образом Харетина Прокофьевна стала Олей, мы не знали. Возможно, всё в те же 30-е путала следы, когда её мужа-еврея репрессировали. На запястье у неё была расплывшаяся синяя татуировка «ОЛЯ», которую, по её словам, ей сделал наш прадед («Ой, это все Василь, я его так боялась!»).

После «с пидЛуганьску» всегда следовало объяснение, что из города надо было ехать в Дебальцево, а оттуда ещё три дня на телеге. Эти названия казались мне чем-то сказочным, выдуманном специально для того, чтобы я, привычная к названиям соседних с Нальчиком сел – Нартан, Шалушка, Хасанья, Яником, – хихикала и говорила «Не бывает

таких слов!»). На вопрос, как баба Оля оказалась на Кавказе, она чаще отмахивалась, мол, сбежала от голода. Но иногда всё же рассказывала, как после смерти матери жила в родительском доме одна с племянницей, работала в пекарне, а потом уехала.

– Брат-то был из красных, ушёл с ними, оставил в доме жену с детьми, а я одна жила. Отец насмерть замерз зимой, мать померла тоже, ото я и забрала девочку, чтобы ночами не так страшно было, – говорила прабабка.

Когда она приходила с работы, регулярно находила новые дыры в стенах дома. Возможно, семья до революции была зажиточной, и в этих стенах искали тайники. Или это очередная фантазия бабы Оли, рассказы которой у нас в семье принято делить примерно на 15, а потом ещё вычитать тысячу. Так или иначе, однажды она решила, что оставаться дома ей слишком страшно, отправила племянницу обратно к жене брата, прихватила тулуп, какие-то вещи и уехала с людьми, которые возили из Луганска в Ростов на санях. Дальше рассказ провисает довольно сильно – в Ростове у неё потребовали деньги за проезд, денег не было, тогда у неё отобрали тулуп. После этого – без денег и тулупа – она очутилась в поезде, следующем в Нальчик.

Столица Кабардино-Балкарии в те времена так же, как сегодня, не была центром притяжения, но здесь – где-то в Долинске – жила и работала тётка бабы Оли с сыном Павлом. Оказавшись в Нальчике, прабабка пешком пошла условно в сторону дома своей тётки, точного адреса она не знала, да и бывала ли она здесь когда-либо раньше, она не рассказывала. Дойдя до деревьев, которые показались ей лесом, а были по факту, скорее всего, началом парка, она села и заплакала, решив, что безнадежно потерялась. Должно быть, она представляла собой занятное зрелище – никакой верхней одежды, вышиванка, тюк с вещами, заплаканное, прямо скажем, не слишком привлекательное лицо. Рыдающую её обнаружил садовник Бетала Калмыкова, тогдашнего первого секретаря Обкома ВКП(б). То ли по удачному стечению обстоятельств, то ли это снова фантазия бабы Оли, но оказалось, что садовник знал её тётку, поскольку та тоже работала на даче Калмыкова.

Тётка вроде бы пристроила Харетину работать по хозяйству, а потом той доверили нянчить дочь Калмыкова Светлану. Никаких подтверждений последнему факту нет.

Вообще, 30-е годы – сплошная загадка. Харетина Кашеленко приехала в Нальчик примерно в 33-м. С этого момента она успела поработать у Калмыкова, побывать замужем за мифическим состоятельным евреем, родить от него дочь Сашу, похоронить эту дочь и уничтожить документы, когда безымянного мужа репрессировали, обрести имя Оля, встретиться с прадедом Василием, выйти замуж за него. В 1939 году родилась моя бабушка, весной 40-го её едва не задушила прямо в колыбели кошка.

В 1941-м на свет появилась бабулина младшая сестра Вера. Калмыкова арестовали в 1938 году. Если мифический муж правда существовал, то исчезнуть он должен был задолго до этого. Или же он был как-то связан с Беталом Эдыковичем и его могли арестовать «за компанию». Версия эта откровенно слаба тем, что арестовали Калмыкова в ноябре 1938, а бабушка родилась в январе 1939. Значит, к этому моменту Харетина уже, скорее всего, была Олей и вышла замуж за деда Васю. И якобы выброшенные в выгребную яму документы уже были восстановлены.

– Ой, Василь такой был. Он же беспризорничал, и Бетал его подобрал и на фотографа выучил, – вспоминала прабабка.

Правда ли он беспризорничал, как познакомился с прабабкой, действительно ли заставил её сделать наколку, и как вообще братья Василий и Яков Лысенко оказались в Нальчике из небольшой станицы на Ставрополье, неизвестно.

После ареста Калмыкова тётка бабы Оли, так и оставшаяся для нашей семьи безымянной, уехала куда-то в центральную Россию, а она сама с мужем Василием стала жить в Хасанье, пригородном селе. Позже, видимо, самозахватом, семья заняла второй этаж старого дома на Затишье, в районе университета, а после войны – поселилась в небольшом саманном доме в Александровке, районе, который раньше звался Немецкой колонкой.

С войны прадед не вернулся, был объявлен без вести пропавшим, но через некоторое время случайно нашёлся в своём родном селе на Ставрополье. Там его увидела соседка бабы Оли, поехавшая навестить родню. В ставропольском селе у деда Васи успела образоваться другая семья, в которой, кстати, тоже было две дочери. Баба Оля вернула мужа, обратившись в военкомат и, как она однажды обмолвилась, поворотив.

К тому времени, как на свет появилась я, прабабка жила с младшей дочерью Верой в том самом саманном частном доме в Александровке. Мы же с мамой и бабушкой жили в кооперативном многоквартирном доме на границе районов Вольный Аул и Дубки. У нас прабабка периодически гостила и всегда ворчала, что жить надо «на земле», а не в скворечнике. Её довольно редкие визиты я то любила, то нет – характерами мы не сходились чуть реже, чем всегда.

Одним из символов 90-х лично для меня были очень частые отключения света. В отличие от взрослых я очень любила эти периоды вынужденной темноты, разгоняемой толстыми парафиновыми свечами и вечно чадающей керосиновой лампой. Однажды услышанная фраза «веерные отключения электроэнергии» навсегда отпечаталась в моём воображении фантастической картинкой – прекрасная девушка Ночь в платье с плиссированными шифоновыми рукавами накрывает город пыльно-сиреневым, в цвет её волос, веером. Как тут не радоваться отключению света?

Когда часы без света совпадали с визитами бабы Оли, это было чем-то вроде выигрыша в лотерею, потому что прабабка всегда рассказывала о своём детстве. Сколько фантазий и альтернативной истории было в этих байках... Например, однажды к ним во двор и даже прямо в хату заскочил на лошади тот самый Махно, маленькая Харько спряталась под огромным перевернутым корытом, а вероломный Махно заставил лошадь стучать по корыту копытами. А однажды она, напряжённая в лучшее платье, упала с корзиной яиц с крыльца прямо в навозную кучу. В другой раз она скатилась с лестницы, ведущей на чердак, увидев в домовине, которую заранее сколотил себе её дед, арбуз и решив, что это дедова лысина сияет зелёными полосками.

Рукоделием баба Оля не занималась – то ли не умела ничего делать руками, то ли просто не любила. Но вот клубки она всегда мотала красивые, рельефные и с идеально круглым углублением с одной стороны. Она говорила, что этому у них в деревне учили всех детей.

– Соседский онук, как учила бабка, мотал и проговаривал какой-то стих, а на словах «прилетел Святой Дух и о ту дырку шурх» бросил клубок и попал в грудь матери-туберкулезнице, та и померла, – смеясь, рассказывала баба Оля.

Я не очень понимала, почему эта история вызывает столько возмущения у мамы с бабушкой. Теперь-то у меня сразу несколько версий.

Несмотря на то, что я обожала прабабкины украинские байки и молчаливо ликовала на все её «вутюх», «хворточка» и «уаухли», идиллии, как я уже говорила, в наших с ней отношениях никогда не было. Характер у неё был непростой, а взгляды на воспитание правнучки и уже давным-давно взрослых дочери и внучки несколько отдавали идеалами Домостроя. К тому же мне было обидно слышать, как она говорила о моей бабушке, своей старшей дочери, что та «такакарахтерна», «такаколотырна» и вообще «Как вы с ей живёте?». Рассказы о том, как она говорила моей матери «много не читай, дурой будешь» и выключала настольную лампу, вызывали возмущение.

Периодически доставалось и мне, иногда по делу, иногда – нет. Принесённая ей с улицы и лежащая на одной из полок в прихожей «халудина», чтобы хлестать меня по ногам, если я ослушаюсь, вызывала во мне желание бунтовать по поводу и без. Как-то раз баба Оля долго ругала меня, и я кинула в неё пустой баночкой из-под яблочного пюре. Меткостью я не отличалась, но тут вдруг попала прабабке прямо в лоб. Причину ссоры никто не помнит, зато моё стояние в углу до самого вечера и отказ – и прабабкин, и мой – обо всём забыть и помириться помнят даже заходившие на чай соседи.

Когда я стала старше, баба Оля окончательно перестала быть для меня авторитетом, но оставалась источником забавных фраз и историй. Когда не запрещала называть себя бабушкой, потому что она прабабушка.

Или когда не рассказывала соседям, что мы с подругами украли у неё деньги из сумки. Или когда не доводила маму с бабушкой до состояния, близкого к нервному срыву любимой фразой «оно мне надо?», когда ей ставили тарелку супа на обед или шили новый халат.

Она могла сварить борщ с целой палкой копчёной колбасы (вместе с верёвками), а потом отдать Дезику, на редкость дурному рыжему псу, который жил во дворе её дома в Александровке. Могла выбросить банку чёрной икры, которую из командировки привезла Вера, мотивировав это тем, что всё тот же Дезик это жрать не стал. Или сказать, что мы с бабушкой испекли хороший торт, «тока маньезу в нём не хватает», потому что её подруга баба Маша говорит, что так лучше («Марейя сказала, у торт маньез надо»).

Если кто-то из родственников спрашивал у бабы Оли совета, она отвечала:

– Сами решайте, шоп я ото потом виноватая не була.

А если ей самой нужна была помощь, домочадцы должны были догадаться об этом сами, потому что «я просить не привыкшая».

Баба Оля считала, что в университете я учу «американский», чтобы уехать в Америку и там, понятное дело, говорить с «американцами». Кажется, я стала большим разочарованием и чуть ли не позором семьи, в её глазах, когда сказала, что учу английский.

Здоровье у неё было крепким, но то, как проникновенно и трепетно она любила болеть, поржало всех, кто с ней сталкивался. У неё была «лиргия в ушах», там же иногда лопался геморрой, а однажды она вовсе вылечила у себя сахарный диабет. История о том, как прабабка однажды оказалась-таки в больнице, всегда восхищала меня тем, как она радовалась больничному быту.

– Антибиётики жменями пила! – восклицала она с плохо скрываемой ностальгией.

Баба Оля писала письма брату, когда тот ещё был жив, в Херсон. Выглядели они, как одно слово, перерывающееся только для перехода на другую строку. Говорила, что образования у неё два класса и три коридора.

Было много семейных дрызг, сплетен, которые появлялись не без участия прабабки. Я была слишком далека от всего этого, но иногда отлетало и по мне. И всё же я старалась воспринимать её как своего рода фольклорный персонаж, с которым мне довелось быть лично знакомой.

– Не лепрекон, прячущий горшочек золота на дальнем конце радуги, конечно, но и мы не в Ирландии, – примерно так рассуждала я.

А потом прабабки не стало. Как-то очень внезапно. Выяснилось, что она пролежала последнюю неделю в коме, но поскольку с семьёй бабушкиной младшей сестры Веры мы были в ссоре, нам решили не

сообщать. Похоронили бабу Олю на Новом кладбище, потому что она всем нам неоднократно заявляла, что не хочет лежать «рядом с этим чёртом чёрным» – дедом Васей – на Старом кладбище. На памятнике написано «Лысенко Х. П.» и никаких следов того, что всё её окружение знать не знало, что она не Ольга, а Харетина.

Прошло почти десять лет, в нашем доме бабу Олю обычно вспоминают в связи с её присказками. И раздражавшее раньше «оно мене надо?» и «шоп я ото потом виноватая не была» теперь превращает в шутку обсуждение практически любой ситуации, требующей принятия неприятного решения.

ГРИБ ФЕДЯ

Как-то летом, когда мне было лет одиннадцать или двенадцать, бабушка решила, что им с мамой нужен курс массажа. Весь вечер обсуждалась сидячая работа, хондрозы, радикулиты и прочие понятия, порождавшие в моем воображении странные образы ленивой работы, которая постоянно сидит и не хочет пройтись по улице, хандрящей шеи и спины, которую кто-то прихватил ради какого-то кулита. Одним словом, я была обычным ребенком, которого не интересовали взрослые проблемы и взрослые же болячки. У нас в гостях была соседка, к которой как раз приходила массажистка Лена. Лена вроде как когда-то работала в поликлинике не то в Вольном Ауле, не то вовсе в Транспортной, но почему-то была уволена. Конечно, этот факт вызывал вопросы, но брала она недорого, что в безденежные девьяностые решало многое.

Через пару дней на нашем пороге появилась приземистая крепкая тетка с кучерявым седым каре, похожим на белесую пену, и широкой улыбкой, плохо сочетавшейся с водянисто-холодными бледно-голубыми глазами.

– Лена, – представилась она открывшей дверь мне и протянула руку для рукопожатия.

«Как будто она какой-то мужик, и я какой-то мужик», – подумала я. Женщины еще ни разу так со мной не здоровались. Я молча протянула руку в ответ, все еще удивленная. Ладонь массажистки показалась мне просто огромной, гладкой, горячей, но неестественно твердой, будто сделанной из отполированного дерева. Пока я анализировала руки и материалы, из которых их можно делать, за моей спиной появилась мама.

– Ой, вы аж на полчаса раньше! Мы еще стол не успели подготовить!

– Ничего, вы будете ставить стол, а я пока расспрошу вас о... – Лена как-то странно прищурилась, когда увидела в большой комнате, куда ее проводили, нашу трехцветную кошку Ньюсю.

Нюся, надо сказать, терпеть не могла людей. Иногда казалось, что не только посторонних, но и нас с мамой и бабушкой. Впрочем, нас она хотя бы относительно нейтрально терпела, остальным же везло, если она выбирала игнор в качестве основной линии поведения. Услышав звонок в дверь, она рычала, на людей она, конечно, не кидалась, но могла зашипеть, если кто-то нарушал ее личные границы или как-то особенно сильно не нравился, гладить себя позволяла примерно раз в полгода. Чаще всего она усаживалась прямо напротив гостей и осуждающе-угрожающе смотрела своими огромными желтыми глазами. На Лену кошка решила шипеть. Лично для меня это значило одно – что-то с этой массажисткой здорово не так, раз уж ее не просто враждебно рассматривают.

Мама и бабушка засуетились, выдвигая в центр комнаты тяжелый стол-книжку и раздвигая его, застилая лакированную поверхность сначала большим махровым полотенцем, а затем льняной простыней. Параллельно Лена действительно расспрашивала их о здоровье, давлении, конкретных жалобах относительно спины и даже зачем-то о том, почему в квартире нет мужчин.

– Муж на работе? – спросила она у мамы.

Я напряглась, потому что не любила, когда затрагивают эту тему. Родители мои были в разводе еще с тех времен, когда я была бессознательным агукающим свертком. Видела я отца на тот момент раз в своей жизни, интереса родня по его линии ко мне не испытывала, а я отвечала им взаимностью. И тут чужая женщина, которая вообще минут пятнадцать назад переступила наш порог, начинает задавать вопросы о нем.

– Мы давно в разводе. Это как-то поможет вам делать мне массаж? – спросила мама.

Лена не смутилась, просто пожала плечами и спросила, надо ли ей делать массаж и мне. Поймав на себе вопросительный взгляд бабушки, я замотала головой, сгребла в охапку внезапно совсем не сопротивляющуюся кошку и ушла в свою комнату читать только-только начатый роман Стивена Кинга «Оно».

Лена ходила к нам десять дней – столько длился курс. Она научила бабушку парить ноги в картофельных очистках (я ненавидела запах этих заваренных в кипятке шкур), а потом мазать хондроитином и демиксидом. Последний отчетливо вонял чесноком. Нельзя сказать, что суставы у бабули стали от этого болеть меньше, но какое-то время она упорно следовала советам массажистки, пока не заметила, что от процедуры у нее подсакивает давление. Так мучающий меня запах исчез из нашей квартиры. Но вот еще одна вещь, которую Лена притащила нам, прожила с нами довольно долго.

Его звали Федор, и он был кефирным грибом. Я считала эту массу, по виду похожую на плод запретной любви цветной капусты и творога, неестественной гадостью, которой у нас не место. Кошка откровенно

воевала с банками с молоком, в которых хранился Федя, – стаскивала с них белые тряпочки, прикрывающие грибок от прямых лучей солнца, норовила вывалить его на пол, когда бабушка отцеживала его через марлю, промывала и закладывала в новую порцию молока. Кефир «из-под Феди» нравился моим домашним, всем соседям и знакомым, которым бабуля его щедро раздавала на пробу. Я же пить его не стала. Брезгливостью я вроде бы никогда не отличалась, но мысль о том, что какая-то вполне живая фиговина лежит в банке и из нормального молока делает кефир путем то ли «попить-пописать», то ли еще что, вызывала у меня тошноту. А наличие у фигни имени почему-то только добавляло отвращения. Нет, кефир был вкусным, я его попробовала еще до того, как узнала о грибе, но пить его отказывалась под любым предлогом.

Со временем белая дрянь разрослась так, что мама предложила начать раздавать ее друзьям. Первой жертвой стала тетя Света. Я с легкой долей омерзения смотрела, как она радостно пакует банку с куском Феди в сумку и уходит. Бабушка раздала почти все, справедливо заметив, что растет эта штука быстро.

– Может, все отдашь? – с надеждой спросила я как-то вечером, когда мы все вместе с маминим крестным дядь Володей сидели на кухне.

– Чем он тебе так не нравится? – возмутился дядь Володя, его всегда очень удивляло, что я не пью такой вкусный и полезный кефир.

– Не доверяю я ему!

Дядь Володя поперхнулся кефиром, который как раз начал отпивать из огромной кружки. Он смеялся так, что из глаз его катились слезы. На его седых усах и бороде виднелись капельки кефира, мне стало противно.

– Ну вот смотрите, – я вдруг решила продолжить бесполезный спор. – Лежит он там в молоке, писает в него, а вы это пьете! И вообще, может, он какой-нибудь злой, то есть там в нем яд, просто он медленно действует.

Признаться, все это я сочиняла прямо на ходу, потому что не давала себе труд обдумать корни своей неприязни к противной, но вроде безобидной кефирной живности.

Мама и бабушка присоединились к дядь Володе и тоже от души хохотали.

– О да, вот клоун Пеннивайз тоже втирался в доверие к людям, потому что ну он ведь клоун, что плохого в том, чтобы пойти с ним... – пробурчала я, уже прекрасно понимая, что этим аргументом окончательно закопала под землю свои и без того неубедительные рассуждения.

В спор вмешалась кошка, в очередной раз запрыгнув на кухонный стол в попытке стянуть с Феди тряпку, а то и спихнуть всю банку на пол. Затея снова не увенчалась успехом – бабуля прогнала животное. В одной из банок что-то подозрительно булькнуло.

– Вот! Раньше он так не делал! – воскликнула я и сдернула тряпку с банки с видом какого-нибудь сыщика, который сейчас всем продемонстрирует важную улику.

Сначала ничего особенного не произошло, но потом на поверхность поднялся пузырек, а следом за ним человеческий глаз – с бледно-голубой радужкой и частыми красными прожилками на белке. Я торжествующе обернулась к домашним, чтобы указать на эту жуть, и обнаружила, что вместо них за моей спиной стояло сразу три Пеннивайза. Я завизжала. Понятия не имела, что способна издавать такие звуки. Один из клоунов, тот, что стоял ближе всех ко мне, вдруг наклонил голову вбок совсем по-птичь, улыбнулся, продемонстрировав слишком длинные и острые желтые зубы, и сказал приятным женским голосом:

– Ку-ку, ку-ку, шесть часов сорок шесть минут. Ку-ку, ку-ку, шесть часов сорок шесть минут.

Я проснулась и с непередаваемой нежностью посмотрела на будильник. Его на прошлый день рождения подарил мне тот самый дядя Володя, с которым я только что спорила во сне.

На кухне я с неприязнью косилась на два трехлитровых баллона. Вон в том, который ближе к раковине, я и видела глаз во сне. Фу. Пере-сказывать сон родственникам я не стала. Мама и без того не в восторге от моего выбора легкого чтения, а тут может и вовсе забрать книгу.

После завтрака я быстро собрала сумку и отправилась на тренировку. По средам и пятницам у нас была общая физическая подготовка. Мы дружно не переносили на дух Елену Владимировну, которая в свою очередь самозабвенно над нами издевалась. Два километра разминочного бега, пробежка в упоре лежа, тридцатиметровка на время спиной вперед и еще куча полуунизительных упражнений. Единственной отдушиной был мини-футбол в конце занятия. Но на этот раз проигравшей команде велели принять упор лежа, а победившей взять неудачников (честное слово, она так и сказала) за ноги и обойти по периметру футбольного поля. Я искренне радовалась тому, что Фуад забил эти последние два гола, когда шла по полю, держа за ноги Макса, так и норовящего из-за уставших и подгибающихся рук проехать лицом по траве.

– Макс, постарайся не стать газонокосилкой, пожалуйста, – взмолилась я. – Давай еще медленнее, я боюсь, мы тебя так покалечим.

– Дарья! Прибавь скорость! Вы последние! – прикрикнула тренерша.

– Вот ведьма! – воскликнул Макс и все-таки ткнулся лицом в землю.

Я аккуратно опустила его ноги и присела рядом. Он перевернулся и выплюнул пучок травы.

– Ведьма!

– Я скажу Михал Михалычу, как ты меня назвал! – закричала рас-свищевшая Елена Владимировна.

Мы старались не хихикать, потому что знали, что Михалыч точно не станет нас ругать, особенно когда узнает, что именно произошло.

После тренировки мы с Максом пошли на троллейбусную остановку.

– И тут в этой банке глаз, ты прикинь. А за спиной не мама с бабушкой, а Пеннивайзы!

– Да ты гонишь, – прошептал Макс.

– Ну, это сон, я ж тебе говорю. Испугалась я жутко!

– Слушай, нам тоже такой гриб мамина подруга принесла позавчера. Папа сказал, что эта гадость нам на фиг не упала, и спустил в унитаз.

– Он герой, – протянула я, всерьез задумавшись, что будет, если я потихоньку вылью Федю вместе с очередной порцией молока...

С этого времени гриб Федя стал моим личным ночным кошмаром. Каждую ночь мне снилось, как я выбрасываю его в окно, выливаю вместе с молоком в унитаз, пару раз я его жарила или варила, а однажды даже пыталась поджечь. Пеннивайз больше не появлялся лично, но я все время слышала шаги за спиной, бурление в водопроводе, хихиканье, а однажды мне даже померещился красный шарик за моей спиной в отражении в зеркале.

В середине августа мы с тренером поехали в горы. Наши поездки нельзя было назвать сборами – мы по восемнадцать дней откровенно бездельничали, ходили в походы, ели землянику и чернику, пили нарзан, собирали, чистили и сушили грибы, чтобы потом варить из них дома суп. К слову, грибной суп я ненавидела, но сам процесс собирания и просушки вызывал какой-то внутренний трепет. Домой я приехала довольная, с грибными бусами в предварительно отмытой и просушенной мыльнице и напрочь позабывшая и о Феде, и о ночных кошмарах, и о давно дочитанной книге о клоуне Пеннивайзе. Но первая же ночь дома напомнила мне обо всем – мне снились тревожные сны о коллекторе, огромных тоннелях, которые на самом деле являлись канализационными трубами, и растущих в них белесых пенистых грибах, тех самых, которые то ли творог, то цветная капуста. Их бледно-голубые глаза не мигая смотрели на меня.

Утром, когда я зашла в ванную комнату, чтобы умыться, мне слышался какой-то шелест из раковины. Уже точно зная, что делаю это зря, я склонилась к сливному отверстию, чтобы прислушаться.

– Мы все здесь пьем кефир, Джорджи... тьфу ты! – голос из трубы сдавленно выругался. – Мы все пьем кефир здесь внизу, Даша. И ты тоже будешь пить кефир!

Я выскочила из ванной, даже почти не хлопнув дверью, и не завтракая, понеслась на тренировку. На этот раз, намахавшись ракетками, мы с Максом решили пройтись по берегу реки домой, а не идти на троллейбусную остановку. Раньше я никогда не замечала огромную трубу, как будто

прорезавшую бетонные береговые укрепления. Мы спустились к реке, чтобы рассмотреть конструкцию получше. Из нее вытекал небольшой, но вполне уверенный ручеек, несущий в своих отчетливо отдающих канализацией водах белесую пену и какие-то комки, напоминающие слишком знакомую творожно-капустную массу.

– Макс, – жалобно позвала я, – пойдём, пожалуйста!

Макс вдруг захихикал у меня за спиной. Я обернулась и увидела, что он держит в руках красный шарик. Я завизжала и бросилась бежать.

– Стой! Даша, стой! Я же пошутил!

Я бежала довольно долго, стараясь не оборачиваться. Пару раз пришлось остановиться, чтобы перевести дух. Ракетка больно била по плечу, легкие горели. Уже заскочив домой, я вспомнила, что утром слышала странный голос из раковины и подумала, что надо было бежать не домой, а куда-нибудь еще. Но мне было некуда податься.

– Даш, ты чего такая запыхавшаяся? – спросила бабуля, выходя с кухни и вытирая руки о фартук. – Как будто всю дорогу со спорткомплекса бежала.

– Ага, бежала.

Я плюхнулась на пол прямо на пороге и стала рассказывать все, начиная с первого кошмара с участием кефирного гриба. Мама, присоединившаяся к нам, кажется, не знала, смеяться ей или плакать. Бабушка уверенно хохотала. Я опешила – она обычно очень скупа на смех как таковой, а тут на тебе. Оказывается, мне надо было перепугаться до полусмерти, чтобы ее вот так развеселить.

– Я еще вчера выбросила эту гадость, – отсмеявшись, сказала бабушка. – Сказала «извини, Феденька» и вылила в унитаз.

– А я сегодня утром нашла последнюю семисотку с фединым кефиром в холодильнике и пошла вылить. Услышала, что ты в ванной. Я же читала эту твою книгу про клоуна и подростков, пока ты была в горах, ну вот и решила пошутить... – призналась мама.

– То есть Макс тоже просто пошутил? – облегченно выдохнула я. – Ничего себе совпадение.

А где-то в огромных похожих на тоннели трубах под городом белая масса росла и расползалась в разные стороны, пока не добралась до стока в реку. К одному довольно крупному комку подошла собака, но тут же заскулив убежала. Комок зашевелился, принимая отчетливую форму человеческого тела, и открыл глаза – водянисто-холодные бледно-голубые глаза – и прошептал:

– Ну какой еще клоун?

ГОРЕ-ГОРА

Рассказ-притча

Каждое утро, когда рассветное солнце только-только начинало красить её изящные рожки персиковым, она улыбалась мне в окно. Каждое моё пробуждение она встречала и одним своим видом дарила уверенность в том, что раз есть она, есть и я. А это в свою очередь значит, что есть и весь остальной мир.

Мы жили большой семьёй – с матерью, отцом, его родителями – дедом Максимом и бабушкой Анной, с двумя младшими братьями деда, которые по возрасту, кажется, были ближе к папе, чем к деду, и с двумя моими старшими братьями.

Однажды, когда кто-то из дальних родственников женился, и в доме было полно гостей, в мою комнату отправили ночевать бабушку Айзу – никто толком не помнил, кому и кем она приходится, но, как это бывает в больших семьях вроде нашей, её просто принимали, ничего не выясняя. Она была такой древней, что я всю ночь прислушивалась к хрипам, которые исторгались из её беззубого рта вместо дыхания, в полной уверенности, что до утра она не дотянет. До утра Айза дотянула. И до следующего тоже. И даже гостила у нас ещё неделю. По утрам она вставала раньше меня и задёргивала шторы, пряча от меня мою рассветную подругу. За неделю я измаялась без привычного утреннего вида так, что последнюю ночь не спала, чтобы не пропустить момент и не дать ей на рассвете даже подойти к моему окну.

Видимо, в какой-то миг я всё же задремала и проснулась ровно тогда, когда бабушка Айза тянулась к занавеске. Я подскочила и схватила её за руку.

– Ты что делаешь, негодная девчонка? Никак хочешь на Ведьмину гору на рассвете посмотреть! – воскликнула она, пытаясь стряхнуть мои руки.

– Какая ещё Ведьмина гора? – возмутилась я. – Это моя Двурогая! Мы всегда встречаем рассвет вместе.

Айза в ужасе отскочила от меня, метнулась в угол, где лежал её тюфяк и сумка с вещами, подхватила всё это и мигом выбежала из комнаты, откуда только силы в этом древнем теле взялись. Я услышала, как она барабанит в дверь спальни деда с бабушкой, затем в дверь мамы и папы. А когда собрала их всех на кухне, она долго что-то говорила на повышенных тонах. Подкравшись, я успела расслышать только слово ведьма.

Вечером бабушка Анна зашла ко мне в комнату, и я сразу поняла, что разговор будет серьёзный.

– И зачем ты так напугала старую Айзу? – мягко, но и как-то строго, спросила бабушка Анна.

– Я её не пугала. А зачем она каждое утро занавешивала Двурогую? – попыталась оправдаться я, хотя по-прежнему не могла взять в толк, в чём моя вина.

Бабушка глянула в окно, как будто в темноте могла рассмотреть очертания горы.

– Ты знаешь, что много лет назад муж и сын Айзы ушли покорять твою, как ты говоришь, Двурогую, да так и не вернулись?

Я помотала головой.

– А что почти в каждой семье в нашей деревне хоть один из мужчин да отправился на вершину, чтобы никогда не прийти домой?

Я снова помотала головой. Эти вопросы не пугали, не смущали, а, скорее, вызывали у меня искреннее недоумение. Ну мало ли куда и кто уходит, а потом не возвращается.

– Твоя двурогая красавица зовется Ведьминой горой, – продолжала говорить бабушка Анна. – А ещё её называют Горе-гора. Уж очень часто она не отпускает назад тех, кто осмеливается штурмовать её склоны. Женщины боятся её или ненавидят. Хотя правильнее сказать, и боятся, и ненавидят. Полагаю, за то, что она лишает их любимых.

Разговор этот я запомнила до мельчайших подробностей. А потом, несколько лет спустя, бабушки Анны не стало. Дед, а следом за ним и отец отправились на штурм моей обожаемой Горе-горы. Я всё шептала, глядя на её профиль, смущенно румянящийся утром и хмуρο исчезающий в дымке вечером. Шептала:

– Они нужны тебе? На что они тебе? Они никогда не смогут покорить тебя! Верни их домой, пожалуйста!

И она вернула их обоих, так и не добравшихся до вершины.

Когда дедовы братья ещё через год отправились к Двурогой, я, будто повторяя ритуал, смотрела на неё и шептала то же самое:

– Они нужны тебе? На что они тебе? Они никогда не смогут покорить тебя! Верни их домой, пожалуйста!

И всё случилось точно так же. До вершины они не добрались, но домой вернулись целыми и невредимыми.

Я хотела бы поведать об этом бабушке Анне, но её не было. А с мамой о таком мы никогда не говорили.

Много лет спустя мои братья, давно уехавшие в большой город, приехали в гости с другом. К тому времени романтическая чушь о Ведьминой горе как будто слегка выветрилась из моей головы. При этом я была довольно великовозрастной барышней, начитавшейся французских романов, от которых вся беда, как ехидно говорил дед Максим, явно кого-то цитируя. Так или иначе в каждом незнакомце мне хотелось видеть того самого прекрасного и единственного. По крайней мере, парень со странным именем Айзек, так напомнившим имя той жуткой бабки Айзы из детства, показался мне идеальным кандидатом для воздыханий. Он

был вежлив, умён, мы часами говорили о прочитанных книгах, а потом он рассказывал мне о каждой звезде на ночном небосклоне.

Через несколько дней выяснилось, что братья привезли Айзека к нам в дом вовсе не ради меня, как мне грезилось, а потому что он всю жизнь мечтал о ней – о моей возлюбленной двурогой подруге. Он мечтал покорить её.

Сначала я разозлилась на него. Потом – глупо, смешно, но ожидаемо – на неё. Ишь чего выдумала, стоит там вся такая идеально прекрасная, неотразимая, невыносимо совершенная. Потом подумала – ну как же простой человек может устоять перед ней? И почти простила. Почти.

На рассвете он покинул наш дом и отправился на штурм склонов Ведьминой горы совершенно один. А я смотрела на неё, как и каждое утро всей моей предыдущей жизни, как и в те два раза, когда мои родные уходили к ней. И шептала:

– Он нужен тебе? Он ведь так хорош. Он ведь так умён. И он ведь так нужен мне. Но, скажи, он нужен тебе? На что он тебе? На что он мне? Если хочешь, оставь его, заведи. Но пусть никто не покорит тебя! Пусть никто не делит тебя со мной! Никто не достоин того, чтобы покорить тебя!

Айзек не вернулся.

Вопреки всему я ждала, а потом приняла решение. Через несколько дней на рассвете я встала, отрезала свои – вдруг – наполовину седые косы, надела самое простое чёрное платье и старые ботинки и отправилась к ней.

Я смотрела на неё и шептала – на что тебе я? Ты знаешь, мне никогда никто не был нужен кроме тебя. Но я-то тебе на что? Оставь меня, если хочешь. Выгони меня, если так надо.

Кажется, она сама притягивала меня к себе, я будто даже не касалась земли.

– На что я тебе? Я-то тебе на что? – сухими потрескавшимися губами шептала я.

Казалось, я почти на месте – ещё два шага и она обернётся, качнет своими изящными рожками и всё закончится.

Казалось, я стояла – висела в воздухе – не дышала – шептала – час, два, сотню лет.

А потом моя Двурогая действительно обернула ко мне свой печальный лик.

– Я-то тебе на что? – эхом повторила она мои последние слова.

Смутный силуэт показался на одной её ладони. На второй стояла я.

– На что тебе я? – вздохнула Горе-гора и навсегда закрыла глаза.

Наталья ШИНКАРЕВА

Шинкарева Наталья Петровна родилась в г. Нальчик, в 1982 году окончила Кабардино-Балкарский Государственный университет, факультет романо-германской филологии, отделение английского языка. В этом же году поступила на работу в Кабардино-Балкарскую организацию Добровольного Общества любителей книги России (прежнее название) на должность межрайонного ответственного секретаря. В 1985 году была избрана ответ. секретарем Нальчикской городской организации книголюбов, с 1996 года и по сей день руководит Обществом книголюбов КБР. С 2015 года – ответ. секретарь Союза писателей КБР.

За 38 лет работы в Обществе книголюбов Наталья Петровна заслужила авторитет высококвалифицированного специалиста, человека энциклопедических знаний, доброго и отзывчивого руководителя. Вокруг нее сохранился актив организации, который, на общественных началах, ведет работу по воспитанию читающего подрастающего поколения. Люди разных поколений ассоциируют Общество книголюбов в республике с Н. П. Шинкаревой, а ее – только с Обществом книголюбов. Свою работу она любит, как малую Родину, а книги – как детей.

Н. П. Шинкарева – заслуженный работник культуры КБР, награждена Почетными грамотами Правительства и Парламента КБР, Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ, Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, Российского книжного Союза, дипломами и медалью Международного союза книголюбов, медалью «За особый вклад в книжное дело», медалью «Год литературы 2015» и др. Является заместителем председателя комиссии Общественной палаты КБР. Член коллегии Министерства по взаимодействию с институтами гражданского общества и делам национальностей Кабардино-Балкарской Республики.

ПРОСТИ МЕНЯ, ИРКА

Рассказ

Я боюсь заходить во двор дома, в котором родилась. Боюсь разрушить тот мир детства, который ношу в себе всю свою взрослую жизнь. Мой дом, мой двор, мой детский сад, их разделяет забор, но в моей памяти это – одно целое. Целое счастье, целый мир, те три слона, кото-

рые держат меня на земле моего родного города. Дом стоит и сейчас, он жив и здоров, хотя еще мой папа мальчишкой бегал там из подъезда в подъезд, прячась от немецких пуль. До сих пор все события в моих снах происходят в нём. Старый П-образный довоенный дом как бы замыкал в себе и удерживал судьбы всех его обитателей. Коммунальные квартиры утраивали обычное количество жильцов, во дворе было шумно от детского гомона, разговоров бабушек и криков взрослых, долетавших из окон. У нас был настоящий одесский дворик на нальчикский лад.

Они для нас были именно бабки и никак иначе.

С раннего утра у входа в средний подъезд бабки выставляли табуретки. Каждая табуретка покрывалась ковриком, вывязанным крючком из разноцветных тряпочек, – сидушкой – под их тяжеловесные фигуры. Слева от ступенек водружался керогаз, на него ставили широкую чугунную сковороду, и начинался колдовской ритуал – жарились семечки. Пока хозяйка бизнеса помешивала семечки, подруги устанавливали низкий колченогий столик, распределяли листы с цифрами для игры в лото, ссорились, выбирая, кто будет «кричать». Когда компания для игры оказывалась неполной, бабки рыскали глазами по двору, выбирая жертву. – Наташка! – кричала одна из вредных. – Иди сюда!

Не понимая, какого сюрприза от них ждать, я нехотя подходила к подъезду. Ожидать можно было всё, что угодно: поругают за проломленную крышу в сарае; за то, что лазила на чердак; за то, что громко кричала. Могли попросить сгонять за хлебом, или в 34-й магазин – занять очередь за мукой, или что-нибудь спросить. А вот сыграть в лото – крайне редко. Но тут был именно этот редкий случай.

В те годы в СССР лото было очень модным досугом, невзирая на пол, возраст, статус и образование, играли все. За одним столом собирались целые семьи, друзья и соседи. На кон ставили разное: от интереса и конфет до пуговиц и копеек. А из-за деревянных бочонков, появившихся впервые именно в России, лото называли «русским». Помните, у Игоря Северянина: «Фокстрот, кинематограф и лото – Вот, вот куда людская мчится стая!».

– Копейки есть? – спрашивали меня наши меркантильные дамы и, в зависимости от моего благосостояния, приглашали к игровому столу или отвергали. У нас во дворе играли исключительно на деньги.

Иногда меня брали играть в долг. Вместо копейки можно было положить камушек, или пуговицу, потом отыграться, что не очень приветствовалось, или отдать позже. Но обязательно отдать!

В наш двор не доносился шум с проезжей части улицы, был какой-то свой микроклимат: разговоры, детский щебет, бытовой шум из квартир. И на этом фоне раздавалось:

– Барабанные палочки, дед, полста, топорики, матрёшки, бабушка...
И ты только успевай заполнять клеточки.

В лото мне всегда везло, я обыгрывала бабок до тех пор, пока не заканчивалось их терпение. Меня бесцеремонно выгоняли из игры сразу, как только на горизонте появлялась потенциальная замена.

Выигранные деньги каждый ребёнок обязан был тут же потратить, купив стакан семечек. Маленький стакан стоил пять копеек, большой – десять, приветствовался большой. Кулёчки были свернуты из листов ученических тетрадей сына бизнес-вумен и пестрели двойками, представленными красными химическими чернилами.

С кульком семечек, с видом победителя и добытчика я возвращалась к своим друзьям под огромное раскидистое дерево. Добыча уничтожалась мгновенно.

Стол и скамейки под деревом были излюбленным местом сбора для ребят всех возрастов, там мы играли во всевозможные игры, читали, устраивали выездную библиотеку, вкладывая в свои книги подобие формуляров, рассказывали всякие небылицы и страшилки, дрались за места. Но всё это происходило до тех пор, пока мужчины-доминошники не возвращались с работы и не сгоняли нас с насиженных мест. Ребята залазили на ветки дерева и дистанционно участвовали во взрослых играх и разговорах, девочек сносило ветром, и – пока стучали костяшки домино – ни одной из нас на этой стороне дома не было. Зато на лавочках перед фасадом начинались игры в принцесс с переодеваниями. Вытаскивались кружевные покрывала и накидки с кроватей, с помощью лент мастерились наряды, разыгрывались целые спектакли, из лоскутков, которых у нас было великое множество, шили одёжки для кукол.

В 60-е годы производство детских игрушек в СССР было уже поставлено на промышленный поток и в «Детском мире» их был большой выбор. Полки были завалены десятками одинаковых пластмассовых кукол с румяными щеками и голубыми глазами, в одних и тех же незамысловатых нарядах.

Иногда можно было увидеть в продаже импортные игрушки из социалистических стран. Куклы-иностранки всегда выглядели намного презентабельнее своих советских сестричек. За ними всегда выстраивались длинные очереди. Большие немецкие куклы с мягким лицом и красивой одеждой были особенной редкостью и мечтой каждой девочки. Везли их обычно из Москвы – как подарок на день рождения или Новый год. А обладание пупсом в ванночке становилось целью всей жизни любой девочки.

Весть о том, что в магазине, в свободной продаже появились куклы с движущимися ручками и ножками, облетела обитателей нашего дома.

Каждая, в компании с подружкой или в одиночку, уже сгоняла в «Детский мир». Магазин располагался недалеко от дома, и минут за двадцать можно было обернуться, но со двора уходить запрещалось. Чтобы не увидели ни родители, ни конкуренты, пробирались через садик, детский стадион, скверик, прятались между кустов роз у библиотеки, которая в простонародье называлась «Крупской».

Кукла очаровывала, манила, хотелось купить, но до знаменательного события было далеко, приходилось долго ждать, а терпения не было, денег тоже. Надо было раздобыть деньги! В нашем детстве сдача бутылок – верный, быстрый и надёжный способ обогащения. Рядом с кинотеатром «Пишевик» был приёмный пункт стеклотары, бутылка стоила 12 копеек, сдав одну, можно было заработать на несколько конов игры в лото и на билет в кино. На куклу же требовалось много бутылок, дома столько не было.

На первом этаже в нашем подъезде жила моя подружка Ирка Сахарова, она была старше меня почти на три года, но это только по годам. Разделения на «старший – младший» у нас не было, так как общее развитие было равным, и мы были из семей под общим определением «какие-то другие», а грубее – жидовня. Во дворе их семью называли не иначе как Цукерманы, только её мать – просто – Валька. Меня всегда смущало, как дядя Ваня может быть Цукерманом, но в те годы таких Вань-мешумадов¹ было хоть пруд пруди. А еще все знали, что он ловелас, так как работал шофером в санатории.

Так вот, Ирка тоже мечтала о кукле и пыталась разбогатеть с помощью сдачи стеклотары. У неё не получилось, так как её младший брат Юрка тоже таскал из дома бутылки на свои нужды.

На втором этаже обитала наша третья подруга, Надька. Ситуация в их семье была получше, и ей просто купили эту куклу. Этот факт лишил нас с Иркой сна, и мы решили скооперироваться и купить одну куклу на двоих. Моих денег было чуть больше, чем Иркиных, но это никого не смущало, главное – хватало на мечту! Сбегали и купили!

Начались игры. Две куклы давали нам возможность играть и в дочки-матери, и в подружек, и в разное другое. Но вот день закончился, Надька забрала свою куклу и благополучно ушла домой, а у нас начались дебаты: кому брать ночевать, у кого она должна «жить». Спорили мы на нейтральной территории, на площадке второго этажа нашего подъезда. Мимо прошел мой старший брат, молча поднялся на третий этаж, остановился на площадке и стал за нами наблюдать.

Надо сказать, что с тех пор, как меня выгнали из детсада за плохое поведение, я была одновременно хвостом, обузой и ответственностью

¹ Выкрестов.

моего брата Генки. Он много со мной не разговаривал, просто добросовестно выполнял родительское поручение: в балете мы танцевали парой, для занятий музыкой он выбивал меня ремнём из-под кровати, водил в поликлинику на прививки, брал в мальчишескую компанию, играя в казаки-разбойники. Хвост он и есть хвост, от него некуда деться. Впоследствии отдыхал от меня многие десятилетия, как будто сестры у него и не было.

Так вот, смотрит он на нас сверху вниз и спрашивает, о чем спорим. Объясняем ситуацию, он интересуется, кто и сколько вложил, подходит, вытаскивает из кармана деньги, отдаёт Ирке её долю, забирает куклу и загоняет меня домой.

Мы уже на площадке третьего этажа, а она стоит на втором и, сдерживая слёзы, говорит:

– Конечно, у тебя же старший брат, так же нечестно!

За меня впервые заступился брат, раньше мне не нужна была ничья защита, я – как та кошка – всегда гуляла сама по себе. Я не была уверена, нужно ли было ему вмешиваться, всё ли по-честному, сумма вложения не принималась мною во внимание, было что-то другое, что мешало мне спокойно жить после этого случая. Насовсем мы с подругой не рассорились, общаться продолжали и после того, как её семья получила новую квартиру. Как говорили бабки: «Валька, наконец-то, дотискалась по углам и за заборами – квартиру дали».

Прошло более полувека, Ирки уже давно нет. У неё не сложилась жизнь, как и у всех членов её семьи. Я поминаю её в молитвах, ведь Бог един. Когда я научилась просить прощения и прощать, в числе первых была моя соседка и подружка детских лет Ирка. Я просила у неё прощения за то, что забрала куклу, за то, что не знала, как правильно поступить, я просила прощения за то, что у меня есть старший брат. Еще просила прощения за то, что уже будучи взрослой пыталась помочь ей в сложной жизненной ситуации, но из этого мало что получилось, ведь я не всемогуща.

Прости меня, Ирка.

Олеся ШЕРЕУЖЕВА

Об авторе

Окончила в 2011 году КБГУ им. Х. М. Бербекова по специальности «Социальная работа». Ведущий специалист-эксперт отдела социальной защиты семьи и детства в Министерстве труда и социальной защиты КБР.

ЛАСТОЧКА

Рассказ

Моя резина уже давно облысела, а ржавчина почти проела кузов, я похож на старый сапог. Нельзя сказать, что обо мне совсем забыли, мои хозяева – очень хорошие люди, но... ладно, обо мне забыли, списали со счетов, и уже давно, а если точнее, то уже несколько лет как стою весь запыленный в старом, как и я, гараже. Чего уж скрывать, меня теперь можно отнести к машинам «ретро», а если передать словами мальчика, который недавно забежал ко мне за случайно закатившимся мячом, то я родился «в эпоху динозавров»...

Я стою целыми днями, всеми забытый и брошенный, в одиночестве, и каждый день надеюсь на чудо.

Развлекаюсь в последнее время тем, что подслушиваю разговоры хозяев. До меня часто доносятся лучистый смех детей, которые играют здесь, на лугу, веселые голоса соседской компании, которая часто собирается на шашлыки, но больше всего я люблю слушать звуки проезжающих мимо машин и определять по ним, какая это марка, какой хозяин и какие проблемы в движке...

Сегодня стоит солнечная жаркая погода. С чего я так решил? Каждое утро меня ослепляют лучики солнца, прорвавшиеся через щели в деревянных воротах гаража, и будят меня.

Именно в этот солнечный день ко мне неожиданно заглянули. Сначала свет ослепил мои фары, но чуть позже я различил знакомый силуэт. Это был мой старый хозяин – отец моего нового хозяина. С этим человеком я проехал полстраны, и те годы были самыми счастливыми в моей памяти. Как только он меня увидел, замер. В этих глазах я прочитал сначала удивление, а потом те самые счастливые воспоминания, которые так часто проносились перед моими фарами.

Старый хозяин сел на переднее сидение, и глаза его наполнились слезами. Что же именно он вспомнил?

Это было двадцать лет назад. Стояло жаркое лето.

– Аслан, только посмотри.

– Если тебе нравится, возьмем.

– Нравится? Ты шутишь, наверное, я влюбилась в эту машину, – сказала девушка, прихлопывая и прыгая на месте. Глаза ее как-то по-детски смеялись, и сама она была похожа на ребенка, которому подарили игрушку, от которой она в восторге.

Меня купили на рынке подержанных машин. Хочу сказать, что именно с этой минуты началась моя жизнь, о которой не стыдно вспоминать. В последующие полгода мне посчастливилось наблюдать свадебные хлопоты своих новых хозяев, и я был частью всей этой суеты, что было для меня в новинку.

После свадьбы молодые решили поехать на своей любимой машинке по стране, как говорится «налегке»...

В первый день Аслан и София просто ехали, куда мои фары глядят и весело подпевали песенкам из радиоприемника. Пообедать мы заехали в кафешку у дороги. Веселье, которое началось после прихода моих хозяев в это заведение, я легко наблюдал через окно. Аслан сразу же записался в конкурс самого быстрого поедания хот-догов, а София, как и в первый день нашего знакомства, весело прыгала и хлопала в ладоши. У всех участников конкурса глаза были навывкате и в слезах после первых двадцати, оставалось еще десять. Аслан, долго не думая, спрятал в карман несколько штук, что ускользнуло от общего внимания. Разумеется, он победил. София была так счастлива, как будто он выиграл в лотерею целую кучу денег. Аслан был очень доволен собой, честно говоря, я тоже был очень доволен его пусть не совсем честной, но победой, которой был обязан любящим и обожающим глазам своей жены.

Счастливых молодоженов сфотографировали, а снимок повесили на почетной стене победителей.

– Мы оставили свой след в этой кафешке, это так замечательно, изумительно! – не могла успокоиться София, пока садилась в машину.

– Милая, все твои капризы за наш счет, – в своей привычной манере пошутил Аслан.

Вечером они лежали на капоте и наблюдали за звездами, уплетая ванильное, как я успел заметить, мороженое.

– Дорогой, вот оно счастье, правда?

– С тобой и на краю света я буду счастлив. Сейчас мне кажется, что до встречи с тобой я жил для встречи с тобой.

– Ну, учитывая, как мы встретились, не было похоже, – засмеялась София.

– Ха, ты выстрелила в меня! У меня в жизни не было такого синяка!

– Это была случайность! И потом, я выстрелила картошкой, просто проверяла устройство, – смеялась она.

– Ну конечно! Твоя проверка чуть не оторвала мне голову, – констатировал Аслан.

– А я благодарна этому, после больницы я уже все про нас поняла.

Поездка продолжилась высадкой на морское побережье. Когда солнце закатывалось, чтобы совершить еще один круг, казалось, что большой светящийся шар погружается в воду, освещая ее изнутри, а потом и вовсе пропадал.

Аслан с Софией веселились как сумасшедшие. Целыми днями купались и загорали. Он учил ее серфингу, у нее ничего не получалось, а он злился, когда она со смехом в очередной раз плюхалась в воду. Но, сколько они ни ссорились, я не помню, чтобы хоть одна из ссор была серьезной. Аслан любил все планировать и смотрел на жизнь очень трезво и строго, София же была очень легкой и смешливой, и в тоже время невероятно доброй и справедливой. Относительно справедливости хочется отметить, что когда вокруг нее кого-то незаслуженно обижали, она становилась совершенно другим человеком и вставала стеной за первого встречного.

Я вспоминаю автостоянку супермаркета, где она в первый раз меня порзила.

Двое парней дрались не на шутку, яросто, и с каждым ударом на их лицах появлялись то синяки, то кровь.

София, как только увидела это, выронила все пакеты и рванула к ним с такой решительностью, что и гора попятилась бы.

– Как вам не стыдно?! Взрослые люди, а устроили здесь такой спектакль!

Молодые люди сначала с недоумением обернулись на нее, а потом под ее взглядом опустили глаза, как провинившиеся дети.

– Немедленно убирайтесь отсюда! Каждый идет в противоположную другому сторону! Живо!

Они что-то негодуяще пробормотали и разошлись в разные стороны.

София тяжелыми шагами подошла ко мне и села на переднее сиденье. Она долго не могла прийти в себя, руки дрожали, а биение сердца, я чувствовал это, было подобно звукам барабана. Так мы просидели полчаса.

Я очень хорошо помню, как тем же вечером Аслан пытался успокоить ее.

– Не могу спокойно смотреть на насилие! – выкрикивала София. – Они ведь могли и меня избить до смерти, разозлившись! – Она не могла успокоиться до тех пор, пока не выпила снотворное, после чего заснула мирным сном.

В общем, какими бы разными ни были эти два дорогих мне человека, они подходили друг другу как никто другой.

Сидя за рулем, теперь уже двадцать лет спустя, старый хозяин вспоминал именно эти счастливые дни. Я видел это по его глазам, в которых стояли слезы.

– Она умерла, дружище. В прошлом году. Мне так ее не хватает. Каждую секунду думаю о ней, дышать без нее, видеть... все это кажется теперь неважным. Даже, несмотря на эту болезнь, я был бы счастлив быть с ней до конца своей жизни.

Склонившись к рулю головой, он плакал, долго плакал. Хотел бы я поддержать его хоть одним словом.

Я не хотел вспоминать о болезни Софии, но все же придется. Последний год, что я провел с ними, она сильно болела. Аслан пытался делать вид, что не видит совершенно изменившуюся Софию, которая стала совсем другой: раздражительной, дерганной и угнетенной, в те моменты, когда ей становилось хоть немного лучше. Начиналось все, казалось бы, не так страшно, но болезнь очень быстро прогрессировала. Из-за того, что Аслан и днем и ночью находился рядом со своей женой, меня он отдал своему сыну. Так я и оказался здесь.

– Сынок, я заберу Ласточку к себе и отремонтирую, будет, чем заняться. И потом, эта машина мне напоминает о старых добрых временах...

– Конечно, пап. Прости, у меня не было времени заниматься ею.

Чудо случилось. Два потрепанных жизнью старых друга едут теперь по пыльному шоссе и поют незамысловатые песенки.

ВETERАН ЖУРНАЛИСТИКИ

К 85-летию Арнольда Афанасьевича Баскаева

Более тридцати трех лет Арнольд Афанасьевич работал в газете «Кабардино-Балкарская правда». Его имя было известно руководителям различного ранга, труженикам ферм и полей, промышленных предприятий, работникам учреждений образования и культуры.

Журналистскую практику Баскаев нарабатывал в газете «Красное знамя» Чегемского района, где работал с февраля 1966 по март 1973 года – сначала литсотрудником, затем ответственным секретарем (не путать с должностью секретаря, отвечающего за бумагооборот и т. п.).

Секретариат редакции – это организационно-творческий центр управления коллективом. Это штаб редакции, отдел, разрабатывающий тактику действий и воплощающий ее в жизнь. Ответственный секретарь и его заместители контролируют исполнение редакционных заданий, отвечают за сдачу очередного газетного номера в срок. Сотрудники секретариата разрабатывают макет каждого номера газеты и руководят процессом его выпуска.

Полученный в районной газете опыт очень пригодился Арнольду Баскаеву в редакции республиканского издания. С начала 1973 до середины 2007 года в «Кабардино-Балкарской правде» Арнольд Афанасьевич работал на различных должностях: и.о. заместителя главного редактора, заместителя ответственного секретаря, редактором отделов экономики и политической жизни республики. На заслуженный отдых ветеран труда ушел в возрасте 75 лет с должности редактора отдела экономики региональной газеты «Северный Кавказ».

В главном издании республики

В редакции газеты «Кабардино-Балкарская правда» профессиональный журналист ярко проявил высокий уровень владения мастерством.

А. А. Баскаев

«Для меня это был самый большой этап в журналистской практике, и о газете, ее замечательном коллективе остались самые лучшие воспоминания, – уже будучи на пенсии, говорил коллегам Баскаев. – Три года я добивался права работать в главном издании республики. Оттачивал перо в газете «Красное знамя» Чегемского района и регулярно приходил на прием к редактору «КБП» Борису Петровичу Черемисину.

Когда в 1973 году он принял меня на работу собственным корреспондентом газеты по Чегемскому и Эльбрусскому районам, я испытал легкий шок, потому что мне было позволено в течение полугода не сдавать ни одной строчки – только входить в курс дела, знакомиться с людьми и налаживать связи для регулярного пополнения своего «журналистского портфеля». После напряженного темпа районной газеты такая жизнь казалась раем, но со временем и я испытал в полной мере нагрузку, которую выдерживает штатный сотрудник ежедневной республиканской газеты.

Сейчас трудно представить условия, в которых приходилось работать журналистам в двадцатом веке. Не было не только сотовых операторов и мобильных телефонов, Интернета, электронной почты, факсов и ксероксов, компьютеров, локальных сетей, даже телефоном воспользоваться можно было далеко не всегда, потому что в селах связь была плохая. Цифровые фотоаппараты, удобные маленькие диктофоны тоже появились гораздо позднее. К примеру, радиийщики пользовались диктофонами размером с небольшой чемодан. Для сбора информации приходилось всюду бывать лично, вышагивать километры дорог, а иногда и бездорожья».

Работая в отделе сельского хозяйства, отделе промышленности, Арнольд Баскаев часто ездил в командировки. С наступлением весны его путь лежал в поле, на фермы, промышленные предприятия. Одним из самых трудных заданий считалась поездка вместе с проверочной комиссией, члены которой инспектировали объекты в городах и районах республики. Корреспондент сопровождал их днем, записывая, фиксируя факты, цифры, имена и фамилии, должности, критические замечания и указания, а вечером после поездки садился писать материал. Наутро он должен был принести рукопись в газету, отдать машинисткам, которые набирали тексты на пишущих машинках – сначала на механических, а позднее на электрических.

«В советские времена в газете публиковалось много критических материалов, которые активно обсуждались общественностью и способствовали решению многих проблемных вопросов. С газетой считались. Печатный орган Кабардино-Балкарского обкома КПСС был действенным инструментом в руках власти, – считает ветеран журналистики, удостоенный Почетной грамоты Верховного Совета КБАССР, Парламента КБР,

диплома Центризбиркома, многих почетных грамот республиканских министерств и ведомств. – Творческий коллектив был мобильный, компетентный, дружный. Михаил Иофин, Виктор Котляров, Михаил Розенберг – можно назвать десятки имен замечательных людей, вошедших в историю журналистики Кабардино-Балкарии.

На пороге XXI века я уже считался старым журналистом, молодые коллеги относились ко мне и сотрудникам моего поколения с уважением, всегда были вежливы и предупредительны. Я уверен, что каждый трудовой коллектив, как и каждое издание, имеет свою особую ауру. Главная республиканская газета унаследовала традиции многих поколений журналистов, освещавших жизнь республики на протяжении многих десятилетий. Трудовые и военные подвиги, события всех сфер жизни отразились на ее страницах. Надеюсь, что и впредь «Кабардино-Балкарская правда» будет оставаться газетой нужной, полезной обществу, востребованной читателями».

Общий стаж работы Арнольда Баскаева в СМИ составляет около пятидесяти лет. В мае 1991 года журналист был удостоен высшей награды нашего региона – Почетной грамоты Кабардино-Балкарской АССР.

Свидетельством высокого профессионализма Арнольда Афанасьевича являются многие другие награды, в их числе – Почетная грамота и Благодарственное письмо Парламента КБР; почетные грамоты Правительства КБАССР, Президиума рескома профсоюза работников культуры КБР, Союза журналистов РФ, Избиркома КБР, Комитета по печати при Совмине РСФСР и ЦК профсоюза работников культуры, правления Союза журналистов КБР, Кабардино-Балкарского республиканского совета ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов; Диплом Центральной избирательной комиссии РФ и Союза журналистов России.

В водовороте жизни

Профессию журналиста Арнольд Баскаев осваивал на Дону, в Ростовском госуниверситете, а родился он в Забайкалье, как указано в документах, на 74-м разъезде Оловяненского района Читинской области. В 30-е годы там дислоцировался кавалерийский гарнизон, в котором служил Афанасий Баскаев – впоследствии герой Великой Отечественной войны, орденоносец, в послевоенное время – комендант одного из венгерских городов.

Не удивительно, что Арнольд в подростковом возрасте стал курсантом Северо-Кавказского суворовского военного училища в городе Орджоникидзе (Владикавказ). Его имя числится в списке выпускников 1953 года. Безукоризненную осанку, военную выправку Арнольд Афанасьевич сохранил до почтенного возраста.

Работал Баскаев спокойно и без суеты, характеризуя себя в журналистской деятельности следующим образом: «Правил при необходимости авторские материалы, писал свои заметки, репортажи, статьи, иногда ломал голову над очерком, пытаясь создать правдивый образ человека, которому он посвящался. Хотелось сделать так, чтобы написанное было интересным для читателя».

Самому главному – работать для людей, быть полезным им – Арнольд Анасьевич ненавязчиво учил молодых коллег, посвящал их в тайны профессии.

Его привлекали в качестве эксперта организаторы школы для начинающих журналистов «Акулы пера», созданной по инициативе республиканского Союза журналистов, Совета ветеранов журналистики КБР при поддержке Государственного комитета КБР по печати и массовым коммуникациям. Участниками проекта были журналисты республиканских и районных газет, журналов, телерадиокомпаний, республиканского информационного агентства, работники пресс-служб, блогеры, старшекласники и студенты. Арнольду Афанасьевичу и другим опытным мастерам слова организаторы школы адресовали такие слова: «У каждого из вас, приглашенных старших наставников, мы перенимали жизненный опыт. Ваши рассказы от первого лица, полные искренности и любви к своему делу, затрагивали тонкие струны наших творческих устремлений. Своим примером вы показали молодежи, как можно любить свою профессию. Те знания, которые вы передали молодым ребятам, обязательно дадут прекрасные ростки, подобно зернам, упавшим в благодатную почву».

Статьи и рассказы журналиста и писателя Баскаева публиковались не только в средствах массовой информации Кабардино-Балкарии, но и на страницах журнала «Литературный Кавказ», федерального журнала «Мир музея», всероссийских газет «Литературная Россия», «Ветеран».

Арнольд Афанасьевич – автор нескольких сборников очерков и рассказов: «В вечном движении», «В круге земного бытия», «В живом потоке жизни», «Вслед за временем бегущим», «В водовороте жизни».

О буднях газетчиков

В вышедшей в 2012 году книге «Будни газетчика» в разделе с оптимистично-грустным названием «С гордостью и болью» Арнольд Афанасьевич собрал воспоминания о товарищах, с которыми ему довелось работать в редакции. Также Баскаев представляет на суд читателя свои рассказы, написанные в основном в зрелые годы.

Эпиграфом взяты слова Пушкина из «Бориса Годунова»: «Минувшее проходит предо мною... Немного лиц мне память сохранила, Немного слов доходит до меня...». Но имен героев и лиц на фотографиях в этой

книге несколько десятков, а замечательной памяти автора на детали можно позавидовать. Меж печатных строк проступают образы известных журналистов – Борис Черемисин, Михаил Розенберг, Людмила Суднова, Валентина Белухина, Арсен Булатов, Александр Махотлов, Михаил Суанов, Николай Котляров, Тазал Машуов, Азрет Теппеев... В числе руководящих работников, политических, общественных и театральных деятелей, писателей, музыкантов, педагогов, о которых говорится в книге, – Тимбора Мальбахов, Михаил Мамхегов, Азматгери Панагов, Асланби Ахохов, Казбек Дзудтагов, Хасан Тхазеплов, Светлана Шадова...

Люди разных профессий, судьбы и обстоятельства, мнения и противоречия – многое вместила книга. Более трехсот страниц кропотливого труда. О высокопрофессиональном отношении авторов к делу говорит тот факт, что текст сопровождается именным указателем героев произведений.

Тот, кто знает цену журналистскому, литературному труду, понимает, какую большую работу проделали А. Баскаев и Ж. Аппаева, стремясь остановить мгновение, зафиксировать определенный момент жизни – своей и героев книги. Издание быстро стало библиографической редкостью, разошлось по частным книжным собраниям, включено в фонды публичных библиотек и, конечно, осталось в архиве редакции «Кабардино-Балкарской правды», ведь журналисты пишут о многих, а о них – редко.

Слог у Баскаева легкий, речь образная, глаз острый. Чтение его книг доставляет удовольствие не только тем, кто был знаком с героями сюжетов. Как истинный патриот, автор желает процветания своей стране, благополучия ее жителям, счастья близким.

Совершил и сказал

Журналистская судьба забрасывала Арнольда Баскаева в самые дальние уголки Кабардино-Балкарии, сводила с коллегами на форумах и конференциях в других регионах страны. Промышленные и сельскохозяйственные предприятия, учреждения здравоохранения, науки, образования, культуры, спорта, в которых приходилось бывать. Тысячи людей, с которыми довелось общаться. Всё прошло через ум и сердце неравнодушного человека, которому дорог и интересен мир, в котором он живет, о котором пишет.

Деликатный юмор, тактичность, благородство, доброе отношение к окружающим – эти замечательные качества Арнольда Баскаева отражены в текстах его статей, в особенности – в очерках, рассказах, зарисовках из жизни, коих множество опубликовано на страницах периодических изданий, собрано под обложками книг.

В них – целая эпоха, социальный и культурный срез времени, на которое пришелся период активной творческой деятельности Арнольда

Афанасьевича. «Мудрость жизни» – так в двух словах можно определить содержание всего, что написано человеком со строгим лицом и добрым сердцем.

Пять лет назад, поздравляя Арнольда Афанасьевича с 80-летием, коллеги говорили о том, что работники и читатели газет «Голос Чегема», «Кабардино-Балкарская правда» добрым словом вспоминают журналиста и писателя Баскаева и его публикации.

Газетные подшивки уходят в архивы, но остаются книги. В одной из них Арнольд Баскаев писал: «Оглядываясь на пройденный путь, могу сказать, положив руку на сердце, что сделал всё, что позволяли мне мои способности. Конечно не хочу утверждать, что, мол, был безгрешен. Случались успехи, неудачи, ошибки и кое-какие достижения. Из всего этого я делал соответствующие выводы, старался не повторять ошибок. Стремление писать газетные материалы правдиво, интересно и привлекательно для читателя меня не покидало никогда. Но мерилом того, что и как сделано, не могут служить просто слова. Более основательный и, пожалуй, впечатляющий след оставляют поощрения за твою работу».

После перечисления государственных и общественных наград, которых он был удостоен, описания обстоятельств их вручения в Нальчике и в Москве, Арнольд Афанасьевич делает заключение: «Всё это я вспоминаю не для того чтобы покрасоваться. Просто мне нужно самому убедиться в том, что, проработав более четырех десятилетий в газетах республики, я сделал немало полезного для неё, как и многие мои коллеги, связавшие свою жизнь с журналистикой. И, как писал в одном из своих стихотворений Кайсын Кулиев:

*Может быть, не дождался я чуда,
Но я что-то свершил и сказал.
И себя в этой жизни покуда
Неудачником я не считал.*

ЧЕЛОВЕК ТРУДА

Очерк

– Люба, подожди, куда ты так бежишь? Мы и так самые первые из журналистов на мероприятии будем. Какая ты неугомонная! Ты вообще хоть когда-нибудь отдыхаешь?

– Какой отдых, Наташа, о чем ты говоришь! Лучший отдых – это работа. Помнится, постоянно маме говорила, что надавать бы по шее тому, кто сделал два выходных дня, так я любила и хотела работать, и сейчас люблю...

Эти слова заслуженного журналиста КБР, фотокорреспондента газеты «Заман» Любы (Марзият) Холаевой, которую иначе как Человеком Труда и не назовешь, являются не просто красивой фигурой речи, а формулой ее существования. Труд всегда был неотъемной частью ее жизни – да что там, он и есть вся ее жизнь, которая, как у каждого представителя балкарского народа ее поколения простой не была.

Ее мама, Шапи Биттирова, была учителем, а отец, Далхат Холаев, – первым директором первой школы в родном ауле Кязима Мечиева Шики. 8 марта 1944 года они были депортированы в Среднюю Азию, где в селе Ленинджол Джалалабадской области Киргизской ССР в сентябре 1952 года у них и родились близнецы Люба и Али.

В апреле 1957 года семья вернулась домой в Хасанью, хотя «домой» и не во всех значениях этого слова, так как в прежнем жилище Холаевых поселились другие люди. И тогда отец построил неподалеку от старого дома землянку из ореховых прутьев, где и поселилась семья. Все восемь детей часто болели, особенно слабыми были близнецы, которых родителям посоветовали отдать в интернат № 1 в Александровке, где те и оставались до шестого класса.

«Потом родители решили, что мы повзрослели и нас можно забрать домой, так мы вернулись в Хасанью, и начали учиться в 16-й школе. Из-за того что мы столько времени прожили в интернате, вообще не знали балкарского языка. А когда мама спрашивала, хотим ли мы добавки, то

Люба Холаева

*С народным поэтом Осетии
Нафи Джусойты*

поднимали руку, – вспоминает Люба, считающая, тем не менее, что ее детство нельзя назвать трудным. – Знаешь, уже в пятилетнем возрасте мы трудились. Нас не то чтобы заставляли работать, но мы помогали старшим. Они делали саман – такие глиняные блоки, а мы топтали его. Вечно чумазые, в желтой глине. И потом, когда мы с братом вернулись из интерната, копали огород, таскали воду коромыслами для полива деревьев. У нас был большой сад, росли разного сорта яблони. И была одна «антоновка», на которой были яблоки весом почти килограмм.

А наша мама с огорода собирала два урожая картофеля. Представь, она ранней весной сажала, а мы, все восемь детей, потом пололи, окучивали, собирали, а она взвалит мешок картошки на плечо и идет на автобусную остановку, чтобы поехать на базар. С родителями ходили собирать дикие яблоки, груши, шиповник, алычу. А сколько огородов мы перекопали стареньким соседям! После работы нам разрешали ходить на речку, там были дети с соседних улиц. Я собирала команду, и мы шли стенка на стенку, и мы их прогоняли с нашего пруда. Зачинщицей всегда не мальчики были, а я!»

Бойкость и живость характера Люба сохранила навсегда, и даже когда после окончания школы пришла работать в редакцию газеты «Коммунизмге жол», как тогда называлась газета «Заман», то получила шутовское прозвище «Главарь банды».

А попала она туда случайно, провалив вступительные экзамены в технологический техникум. И чтобы не сидеть без дела, с помощью сестры, нашла временную работу в главном балкароязычном печатном издании республики. Три месяца Холаева работала подчитчиком, попутно, подружившись с девушками из машбюро, научилась печатать на машинке. Когда закончились отпуска сотрудников, ей пришлось уйти. Но, к счастью, ненадолго – когда редакции понадобилась машинистка, ее пригласили работать на постоянной основе.

Вот так, с 6 января 1970 года жизнь Любы Холаевой оказалась неразрывно связанной с газетой «Заман», в которой она успела побывать на самых разных должностях. Подчитчик, машинистка, корректор, переводчик, корреспондент отдела культуры, отдела информации, новостей, спорта, специальный корреспондент – большой путь прошла когда-то позабывшая родной язык девочка, большой и непростой. И если в самом

начале трудового пути ей приходилось читать текст по буквам, то вскоре она научилась печатать на балкарском с закрытыми глазами. И диплом о высшем образовании она получила в области балкарской филологии.

А свой знаменитый, ставший настоящей визитной карточкой Холаевой акцент она приобрела у самого Кайсына Кулиева, которого ей посчастливилось встречать в редакции. Девушка так рьяно подражала говору своего любимого поэта, что вскоре сама стала разговаривать так же. И Кайсын Шувиевич был не единственным выдающимся человеком, с которым ее сводила профессиональная судьба. Всех героев своих материалов она помнит

*С народным артистом
Азербайджана Юлием Гусманом*

наизусть, и о каждом, дай ей волю, готова говорить бесконечно. Дебютная статья Холаевой была посвящена первой женщине-альпинистке Кабардино-Балкарии Тамаре Холамхановой и легла в основу телепередачи о профессиональной покорительнице гор, а сама Тамара Сахаевна стала близкой подругой молодого автора – случай типичный для Любы. Ведь, помимо огромной приверженности к труду вообще и непосредственно к своей работе, ее отличает настоящий талант восхищаться своими героями и дружить с ними. И это всегда взаимно – Любу действительно знают и любят все. Неслучайно именно под этим именем, а не официально записанным в паспорте, она известна большинству людей.

Ее журналистское резюме по-настоящему впечатляет: героями ее статей и фотографий становились рабочие, труженики сельского хозяйства, артисты, певцы, спортсмены, педагоги. Она помнит каждого из них, следит за их успехами, с гордостью рассказывает об их достижениях и, конечно, о своих встречах с ними.

«Я брала интервью у Муслима Магомаева, у Иосифа Кобзона, Александра Карелина, британского ученого Грейна Кларка. Была единственной из «газетчиков», беседовавшей с Евгением Евтушенко во время его приезда в Нальчик. Мурата Карданова после Олимпиады из представителей печатных СМИ тоже я одна встречала.

Когда Владимир Владимирович Путин в первый раз посетил Кабардино-Балкарию, от нашей газеты я была в аэропорту и сопровождала его в журналистском пуле. В 2012 году была на его пресс-конференции и сидела напротив. И в 2018 году, когда президент был на «Машуке» и общался с представительницей нашей республики, я тоже там работала.

*С народным артистом РФ
Львом Прыгуновым*

А недавно я познакомилась с начальником судебного департамента Псковской области Николаем Морозовым. Генерал-лейтенант пишет стихи, и очень хорошо говорит на балкарском языке, потому что родился в Бабугенте, а учился в Верхней Балкарии, – вот бы про него замечательная телепередача получилась бы».

Будучи по натуре скромным и чуждым какому-либо снобизма человеком, она обладает редким

по нынешним временам качеством настоящей профессиональной гордости. Например, она любит вспоминать, как много лет назад 31 декабря за считанные минуты до наступления нового года ей позвонили с сообщением о том, что необходимо осветить открытие президентом КБР В. М. Коковым построенного объекта в Чегеме, которое состоится первого января в восемь часов утра. Той ночью, боясь опоздать, она так и не легла спать. И, несмотря на холод, гололед и отсутствие транспорта, успела на мероприятие, материалы о котором оперативно сдала в номер.

Вот уже много лет обязанности спецкора Люба совмещает с основной работой фотокорреспондента, являясь первой балкаркой-профессиональным фотографом, и без фотоаппарата, с которым, она, кажется, не расстанется никогда, ее представить просто невозможно. Более того, ему она обязана жизнью. 25 июня 1998 года она присутствовала на открытии чемпионата России по вольной борьбе в спортивном комплексе «Юность России». Чтобы лучше заснять происходящее на ринге и возле него, она встала со своего места, и в ту же секунду обвалился балкон и придавил сиденье, на котором она только что сидела. Этот трагический момент стал переломным для нее, потому что тогда, увидев кровь и смерть в непосредственной близости, она отказалась от мечты стать военным репортером. Мирная жизнь во всех ее проявлениях – вот что она воспекает в своем каждом снимке.

Она много ездит, побывала во Франции, Италии, Испании, Португалии, Турции, Сирии, Египте, Германии и многих других странах. И везде встречала интересных людей, и везде фотографировала. «Представляешь, я познакомилась с первым кубинским космонавтом Арналдо Тамайо Мендесом! Хотя интересные люди – это не вопрос географии. Яркие личности встречаются везде, и наша маленькая республика ими

С коллегами-журналистами

очень богата. И неважно, какой у них статус, род занятий. Главное – человеческие качества, отношение к миру и к своему делу».

Отношение к миру и другим людям она проявляет не только в своей профессиональной деятельности.

Почти четыре года, с начала закладки первого камня до официального открытия литературного музея под открытым небом «100 шагов к Кайсыну» Люба, будучи в уже достаточно зрелом возрасте, активно работала волонтером, таская воду и камни на строительстве. А когда в КБР прибыли беженцы из Южной Осетии, Люба не только написала о них в газете, но и связала на четырех спицах 55 пар носков и подарила им.

Всегда веселый, не унывающий, невероятно хлебосольный и всеми любимый фоторепортер открыт всему новому, никогда не жалуется на молодежь, и на то, что раньше все было лучше. Ее младшие коллеги, которые обращаются к ней на «ты» и по имени, даже и не осознают ее паспортного возраста, настолько она бодра и молода душой и любовью к жизни и к людям.

И ей отвечают тем же. Именно поэтому ей так дорого полученное в 2012 году звание заслуженного журналиста КБР: «Когда в администрации города представитель «Замана» начал меня представлять, то все члены комиссии сказали: «Можете ничего не говорить, мы знаем, какой она человек», – и единогласно, без обсуждения, дали «добро». А когда подписали указ о получении звания, я была в командировке в Ростовской области, в Большой Мартыновке. Вместе с министром культуры КБР мы ездили по боевым местам 115-й Кавдивизии. И мне столько людей

звонили из республики, поздравляли! И в самой Мартыновке в мою честь накрыли праздничный стол для всей нашей делегации».

У Холаевой много знаков отличия: дипломы за участие и победы в фотоконкурсах, медали Артийского комитета, звание «Женщина года Нальчика», Серебряное перо Союза журналистов РФ, золотая медаль Ассамблеи народов России...

Но наибольшей ценностью для нее обладает медаль «Самой лучшей тете». Однажды несколько из 18 племянников, 43 внучатых племянников и девяти двоюродных внуков Холаевой после очередного награждения в ГКЗ, неожиданно вышли на сцену под гром аплодисментов и вручили ее своей Любе вместе с гигантским букетом.

А самой главной наградой была, есть и будет обожаемая профессия, позволяющая ей каждый день совершать чудесные открытия: «У журналиста есть уникальная возможность, честь, привилегия – узнавать интереснейших людей и рассказывать о них миру. Этим и ценна наша работа».

Сейчас Люба переживает непростой для нее период самоизоляции. Очень трудно сидеть и ничего не делать, говорит она, каждый день пекущая хлеб и всевозможные кондитерские изделия для родных и соседской детворы. Она – душа и сердце всей своей многочисленной семьи, которая ее обожает, и ей всегда есть, что делать. Но все же фоторепортер Холаева, пятьдесят лет проработавшая в газете «Заман», встречает каждый день с надеждой, что скоро снова сможет заняться любимым делом. И пусть эта надежда осуществится как можно скорее!

С юбилеем, Люба! Новых интересных сюжетов и героев!

Марьям БАГОВА

В 1982 г. окончила КБГУ по специальности «Филология», «Журналистика». Педагог высшей квалификационной категории. «Почетный работник общего образования РФ». «Учитель года России». Награждена золотым орденом Мирового Артийского комитета.

Неоднократный победитель республиканского конкурса-фестиваля «Язык мой – моя душа, мой мир». Автор нескольких программ, методических рекомендаций, многих сценариев литературных вечеров, утренников, встреч, планов нестандартных уроков. Автор книг «Адыгэ Гуэрыгуатэ» (2019 г.), «Жьэгужь мафIэ» (2020 г.), «Щхьэлыкьуэ Гуэрыгуатэ» (2020 г.).

ЧЕРКЕШЕНКА

Десять детей у двоих братьев – восемь девочек и один мальчик. Живут в одном дворе – два больших дома. Всегда шумно, весело. Все дети красивые, девочки – одна краше другой, и с ними постоянно их бабушка. Каждое утро накрывает стол на всех. Братья, их жены – все вместе завтракают. Бабушка уже и лакумы успела испечь, такие вкусные всегда, пышные, сладкие. А сыр – никто в округе не делает такой сыр, как она. У каждого свое место за столом. Все рассаживаются, горячий калмыцкий чай она наливает каждому в его любимую чашку. Она знает и никогда не перепутает их. В портфелях аккуратно завернутые пакетики с едой. Не дай Аллах, желудок испортят. Вечером уложит каждого. Подушки и перины собраны, пёрышко к пёрышку, руками бабушки. Ещё у всех нежные сорочки с маленькими цветочками. Она подбирала самые мягкие ткани и обшивала их. Они должны крепко спать.

В жару всех водила на реку Малка.

Она всегда с красивой палочкой. Ноги уже не те, но нет, детей одних не пустит. С ней отпускали и всех ребят микрорайона.

Девочки подросли. На вечера в школу, как же без нее, ни за что не отпустит, она с ними, ждет у дверей со своей палкой.

Очень строго следит за танцующими парами. Парни уже знали ее, свидание назначали только с ее разрешения, все ее слушались.

Родителям было некогда – работа, коровы, огород, сенокос.

Под ее чутким надзором выросли девушки. Всех выдала замуж. Единственного внука тоже женили. Все разъехались, появились правнуки.

Дети собирались по выходным дома. Бабушка, старенькая, но по-прежнему накрывает им стол по утрам.

«Мы по твоим лакумам соскучились», – радуются дети.

Сидя на стульчике, она делает им лакумы, такие же вкусные, как в детстве.

Время неумолимо. Родители умерли один за другим, двор опустел, осталась бабушка. Внучатые дети приезжают на лето к ней. Её просят переехать к ним, она не хочет: «Здесь собираются все души умерших, как я могу уйти, они на меня надеются».

Я пришла к ней в гости – жила недалеко от них. Когда приезжала в село, всегда заходила к ней. У нее на столе лежали фотографии.

– Это кто? – спрашиваю, показывая ей старую потертую фотографию.

– Мой муж, старший среди братьев.

– Как брат?! Вы разве не их бабушка?

– Нет, я сноха, сношница старшая. Мы поженились перед войной. Прожили вместе всего месяц. Он ушел на фронт и не вернулся.

– Вы остались здесь, почему?

Она улыбается.

– Я ждала его. Он пропал без вести, ждала каждый день. И вот, время улетело.

Я сидела ошеломленная. Все, как и я, думали, что она вырастила своих детей, а это дети деверей. Один только месяц прожила со своим мужем. У нее не было своих детей.

Преданная женщина, преданная мужу, роду, семье мужа, преданная всему. Святая бабушка. Она ушла из жизни недавно. Её провожало все село. Маленькая, но великая бабушка, черкешенка, которая жила только для других.

ПАМЯТЬ

На окраине нашего села есть протоптанная тропинка, которая выводит к большой светлой поляне. Дальше, сквозь дымку, проглядывает опушка небольшого леса. По преданию, место, занимаемое селом, было все сплошь покрыто дремучим лесом. Но теперь здесь, в основном, встречаются большие и малые сады. Остановилась в большом саду.

Быть наедине с природой – это непередаваемые ощущения. Уселась под большим деревом. Рядом со мной расположился наш пёс Тузик, который любит сопровождать меня везде. Решила дочитать книгу «Дорога домой» Мадины Хакуашевой.

Я была потрясена содержанием этой книги, в ней, кроме автобиографии, приводились малоизвестные факты из истории нашего народа, которые тщательно скрывались и никогда не упоминались в других книгах.

Я была шокирована. Ни одну книгу не читала так внимательно, с карандашом в руке, делая многочисленные пометки, никакая другая книга не заставила пережить такую бурю эмоций. Удивление, сострадание, сочувствие, ком в горле и слезы, мурашки по коже. Читаешь на одном дыхании, и горишь вместе с героями книги. Я не выдержала, заплакала навзрыд. Слезы лились без остановки. В какой-то момент подняла глаза – напротив, свернувшись кольцом и приподняв голову, находилась гадюка. Она смотрела мне прямо в глаза. Я похолодела, не чувствовала ни рук, ни ног. Она не двигалась. Выпрямилась наполовину, и глядела на меня блестящими глазами.

Тузик поднял голову и сразу, одним прыжком, кинулся на нее. Ухватив за шею, покрутил змею вокруг головы и бросил на землю. Я не помню, как я встала и отошла. Остановилась в конце сада, не хотела оставлять Тузика одного.

Гадюка лежала бездыханная. Собака стояла неподвижно и смотрела на нее. Затем Тузик медленно подошел ко мне. У меня дрожали колени, я присела на бугорок и, все еще скованная страхом, не могла отвести взгляд от змеи. Гадюка вдруг подняла голову, быстро осмотрелась, убедилась, что собаки рядом уже нет, и медленно уползла вглубь сада.

Оказывается, змеи умеют притворяться.

Я долго не могла забыть этот случай, много думала, потом сказала себе – это знак свыше. Нельзя плакать по прошлому.

Надо жить и помнить, жить и любить, жить и работать с удвоенной силой, чтобы достигать поставленных целей. Ведь жизнь ушедших продолжается в памяти живых.

ПУТЕВЫЕ ЗАРИСОВКИ

Обрывистый склон стремительно уходил к побережью. Неведомая сила влекла меня вниз, к унылой песчаной отмели. Неужто снова они... Да, неисповедимы пути господни! Вот уже который день стоит мне только присесть у валуна, как эта удивительная троица всплывает из зеленоватой толщи воды – крупная, поменьше, и... совсем кроха.

«Рыбье семейство» – так нарекла я неразлучных рыбешек цвета серебра, встречающих меня дружным заплывом на чужом берегу.

Как-то легко и просто мы нашли друг друга, и тут же завязался между нами этот необычный безмолвный диалог...

Словно в ритуальном шествии они кружили под ногами, а я, уверовавшая в бессмертие сознания, следила за вторившими тому круженью разрозненными промельками цепкой генетической памяти.

... Там все еще живы. Адыги... Море... Все могли быть живы, но – суда тонущие, суда кренящиеся!.. Адыги... Рыбья снедь... Кому же, кому,

кроме как этим безмолвным малькам я могла поведать о непреходящей боли по сгинувшим в морской пучине? И кто-то (но кто?), кроме этих безобидных тварей, услышит никак не умолкающий ропот крови?!

Рыбье семейство внимало моему бесконечному сказанью, уж в этом я не могла усомниться! Недаром вода заключает в себе мощный информационный потенциал.

Я не уставала, рассказывала. А раны... они будут саднить вне времени, вне пространства.

Сегодня у нас особенное утро: меня ждет дорога, и рыбье семейство заплыло к заветному валуну как-то торжественнее, чем прежде, – в сопровождении огромного косяка. Казалось, милая моя троица вознамерилась устроить мне помпезную церемонию «рыбьих» проводов.

Я взглядывала на десятки трепещущих плавников, на тревожную рябь искрящейся воды, и не сомневалась: где-то далеко-далеко, где-то в веках, в протоках неведомых морских пучин рыба стая была уже слышана о горькой участи моего племени.

Где-то и по сей день взывают из бездны неприкаянные их души.

ЗОЛОТЫЕ РОССЫПИ

Молочный сепаратор в нашей округе стоял только у Фатимат. Хозяйки с ближайших подворий ранним утром походили к ее дому с ведрами цельного молока. В ту пору моя мать серьезно занедужила, и мне, девочке, приходилось управляться в большом хозяйстве, а это – прежде всего – молочные хлопоты. Каждое утро я носила удой к той же Фатимат.

Бывало, заходишь во двор, наполненный духом ароматнейших лакумов... Не помню случая, чтобы поутру у Фатимат не было накрытого круглого стола, да с неизменными лакумами или пирожками, да с крепким калмыцким чаем. Сепаратор медленно перегоняет молоко. Фатимат снимает с плиты кипящий перченый чай и разливает по пиалам...

Женщины, поджидавшие своей очереди у машинки, угощались с удовольствием, коротая время в неторопливой беседе. О чем только они не говорили! Все разы хозяйюшки разные, с разными судьбами и не похожими по горести долями; с разными лицами и, как на подбор одинаковыми скупыми радостями. Я находилась среди них... Всего-то девушка, застенчивая, зажатая, но уже при них! Мои сверстницы еще и не просыпались, а мне надобно дожидаться снятого молока, затем позаботиться о завтраке для домочадцев, а потом и на занятия в школу.

...Да, когда-то давным-давно я каждое утро посещала этот своеобразный женский кружок... Нынче же, по прошествии десятков лет, я с благодарностью, нет – с благоговением вспоминаю круглый столик хлебосольной (теперь, увы, покойной) Фатимат. Помню моих милых

землячек и храню в сердце неизгладимые следы от той бабьей науки. Безусловно, те далекие утра во многом сформировали мое мировосприятие. Аульские матери роняли золотое семя в мое детское сознание. Аульские женщины заложили в моем естестве стойкость и волю.

ЛУЧИНА

Неиссякаемый свет доброй лучины... В былые времена ты завлекала к себе столько живых судеб! Сколько неторопливых мудрых сказаний передано под робкие сполохи твоего скуповатого света. Удивительно, что, освещая ночи и просвещая умы нескольких поколений подряд, ты излучала только мягкий полусвет, но какого невероятного сияния был этот таинственный свет! На него собирались и стар, и млад. Старики вели неспешную беседу. Кто-то трогательно напевал. Кто-то стругал гибкую хворостину от зеленой чинары и сосредоточенно внимал. Молодые же грациозно исполняли старинную кафу. Влюблялись. Восхищались. Томились безответным чувством и продолжали любить самозабвенно, любить, горя, как и ты. А ты, не сгорая, источала свет веры. Ты, дорогая, оставляла сполохи надежды.

Лучина... Там, где зажигали тебя, распахивались врата и двери. Там, где светила ты – непременно умели и понять, и принять. Откуда же ты, малая, черпала столько большого тепла и сильного света?!

Лучина... Ты была... Была прочно, незыблемо, надежно. И тебя не стало! И хотя теперь огни в сто раз ярче, увы, они не способны дарить столько света, сколько воздала ты одна: ты – тонкая – робкая – сильная!

В наши дни, на миру, все блестит и переливается искрами, а света, настоящего луча света нигде не сыскать... Нынче огни слепят, но не светят. Нынче свет пестрый, рябит, а не греет-радует. Нынешние огоньки, словно люди, которые, казалось бы, живут – теплятся, а жара любящих сердец, а теплоты горения уже нет.

Лучина... Я уверовала в твое чудо: тебе еще суждено воротить человека в сияние доброго света, ибо ты – Лучина!

ТЕНИ В ГОРАХ

Ни хлеба, ни дров. Свирепствует голод. Зимы суровы. Снега обильны. Случались такие заносы жилищ, что с трудом приходилось откалывать дверные проемы. Носящие папаху давно воюют на фронтах, а женщины, старики и малые дети в такие зимы особенно беспомощны. Топить нечем, люди замерзают в поисках хвороста. Его можно собрать только за горами, а это непросто. Приходится восходить по ледяному покрову,

потом – искать этот хворост, а найдя, извлечь из-под мерзлого наста и, увязав, волочить до спуска. Спустить-то по скользкому нетрудно, а вот самим спускаться по крутому заледенелому склону и, собрав остаток сил, дотащить сырую тяжесть до дома... И сколько же таких подъемов и спусков пережито моими земляками! Легко сказать «пережито» нам – не знаящим высасывающего хлюпанья голодного брюха... А они знали. Бывало, в доме нет съестного по несколько суток, а ходить в горы за хворостом по колено в сугробах, да в сырмятных, до дыр заношенных чувяках – следует ежедневно. Так жили: бедствовали, тужили, трудились, умирали, хоронили умерших от голода детей.

Дров достать невозможно, потому что в окрестностях аула одно безлесье, только за горами водится скудная кустарниковая растительность да редкий сухостой. Им и топили. Разведут огонь в очаге, соберутся вокруг него и просушат измокшие насквозь одежды. У всех одинаково скудный ужин: черный чай из алычовой ветви. Ели мороженную картофельную гнилушку, тайком подобранную на колхозных полях. Хворост выгорал быстро, так же скоро и остывало продуваемое из всех щелей жильё. Выстуженные очаги да сыровато-холодные лежаки увенчивали стынь краткого зимнего дня.

Вершины древних гор, немотствуя, взирали на аул, страждущий в заснеженных изножьях. Ох, горы, вечные горы! Сколько бед отошло под ваши бдения, сколько пота, сколько слез и теней помните вы?! И страшно себе представить, что вдруг вы заголосите о пережитом...

Нет! Нынешний человеческий разум не осилит подобное вещание: оглохнет слабое племя... Людской сон иссякнет, не справится холеное потомство! А те, духом сильные, кем пережито и прожито лихое время, давно упокоились подле вас!

Творец всемогущий, воздай им за все видениями благодными и светлыми! Упокой их вечные души вдали от той земли, где им пришлось промелькнуть тревожными тенями...

ТРОПАМИ ДЕТСТВА

Ранним летним утром я собралась в горы. Мухамед (мой брат), глядя мне вслед, приговаривал как-то нерешительно: «Негоже это... чтобы женщина одна бродила по холмам!» Улыбнувшись, я оставила его реплику без ответа, хотя хорошо понимала, что именно подразумевает мой брат: «Не девчонка уж босоногая! Не по летам и не к лицу...»

Если бы Мухамед мог знать, как несказанно сильно я истосковалась по всему здешнему, даже по назойливой мошкаре!

Дворняга Парий, учуяв во мне настоящего путника, мигом увязалась за мной, и мы двинулись в путь уже вдвоем.

Я ступала по зелени трав и тут же, непроизвольно склонившись, проводила по ней жадными ладонями. Луга были усеяны созревающей полевой земляникой. В многоцветной альпийской палитре преобладало желтое. Ах, сколько же тут медового духа и солнечных оттенков! Я припадала к лужайке лицом, погружалась скулами в лепестки, напитанные щедрым солнышком, вдыхала их неповторимый аромат, отдающий прогретой почвой.

Непостижимая мощь родных недр (уже на грани физических ощущений) волнующим комом подбиралась к гортани, к трепещущему небу. Медленно, словно жажду, я утоляла тоску по всему родному, что сокрыто в эфире. Невероятно, но в родных моих горах можно ясно узреть березовую синь альпийского воздуха: она зыбко колыхалось на пенистых макушках бесконечной горной гряды.

Здесь когда-то осталось мое «все». Все – радужное, светлое, невинное уходило по этим тропам в невозвратное. По ним, по взгорьям ушли наивные мечтанья, чистейшие идеалы, девичья милая восторженность, порывы непомерной экзальтации... Теперь здесь стоит такая тишина, и только Парий, верный мой поводырь – никуда не уходит! На какие-то доли секунд я засомневалась: «А почему пёс не покидает меня...» Возможно, он чувствует высоту моей боли по всему отошедшему и не желает своим внезапным исчезновением усугублять эту тоску? Возможно...

За долгий день я успела обойти все окрестные холмы и овражки. Везде коснулась земли моя ступня. Я напиталась звонкого, долгого счастья: синего неба, ласкового солнца и чудесного пения птиц. Предвосхитив миг, который может не повториться никогда, я застыла на кромке обрыва, чтобы... оглянуться!

Воротились в отцовскую усадьбу перед сумерками: солнце клонилось к закату. Дворняга Парий проковыляла за мной во двор. На этот раз Мухамед отмолчался, более того: он стал пронизательно предупредителен. Родной мой человек, должно быть, сумел постичь сердцем, до чего же глубоко во мне вкоренилась боль по вечному дому. Мы только переглянулись с братом... Потом я забралась к нему на изножье лежака и, свернувшись калачиком, забылась давно не бывшим беспечным сном.

НЕПРОХОДЯЩИЕ МИГИ

Моросило. Непроницаемый туман низко стелился по унылой земле, а небо – его и вовсе не стало за волоокой пеленой темени. В сырой тоскливой мгле изредка проступают причудливые силуэты. Это деревья, разом облетевшие после первого инея. В неуютную осеннюю пору воронье правит неопрятную тризну. Вот и оно: вразвалочку копошится у обочины, долбя промерзшую землю цепким осклизлым клювом.

В мареве тумана изредка подрагивают зыбкие тени, и неверно вырисовываются два силуэта. Женских... обе женщины закутаны от макушки до пят, но уже по изношенности «согревающих» их лохмотьев можно догадаться, как измождены они и как голодны. Только беспросветная нужда могла быть повинна в том, что две молодые женщины рискнули пуститься в опасный путь.

Зорко осматриваясь, они вышли на обочину, опустили на землю торбы и, завозившись, присели. Спутницы не обменивались взглядами, не подавали голосов. Тяжелое их молчание вязко утопало во влажных всхлипах свинцового тумана, рассекаемого надсадным граем шумных ворон.

Путницы, немного передохнув, взвалили торбы на плечи и, выйдя на узкую тропу, направились к аулу.

Туман слегка рассеялся. Еще на подступах к реке, сестры заприметили змеящиеся в небо дымки от редких аульских дымоходов.

Они вплотную подошли к низкой, сплетенной из прутьев ограде, когда из покосившегося глинобитного строения шумной гурьбой вывалилась детвора: Биба, Биба вернулась!

В обеих комнатках было натоплено и сухо: мальчики постарше набрали хворост за горой и протопили добрую печь, всегда отвечавшую благодарным треском... Сестры, оказавшись в тепле, скинули намокшее в долгих переходах тряпье, выпростали ноги из отяжелевших сырмятных чувяков. Кто-то сушил платья, кто-то, отсыпав малую горсть из драгоценных торб, хозяйничал за ручной молотилкой, а в большом черном казане весело и призывно кипело...

В тесных комнатках разносился дух ароматной похлебки.

Биба с младшей сестрой позвали детей к столу. Дети (их было девять) подбегали со счастливыми улыбками и каждый, сияя лицом, тянул свою деревянную миску. К очагу вдовьих сестер (оба кормильца погибли на фронте) прислонилось пугливое счастье: оно заглянуло сюда ненадолго: на краткий миг, краешком глаз, словно пыталось навсегда запомнить, каким бывает взгляд сытого ребенка.

Две сестры сидели за шумным столом и, молча скребя деревянными ложками по доньшкам мисок, исподлобья поглядывали на настоящее счастье, на краткое насыщение девяти голодных детей. Две сестры хорошо осознавали, как скоро оскудеют эти горько-обманчивые торбы и как дорого было за них заплачено...

...За несколько горстей кукурузы вдовьи сестры отдали то, с чем горянка благородного сословия расстается только перед ликом голодной смерти: пояса и нагрудники, завещанные от покойных бабушек – родовитых княжон...

Перевод Аси Кармовой

Наталья ШИНКАРЕВА,
руководитель ОО «Общество книголюбов КБР»

«КАК СЛОВО НАШЕ ОТЗОВЁТСЯ...»

Сегодня много говорится о признании разнообразия человеческого общества, об уважительном отношении людей к чужим культурным традициям, обычаям, обрядам. И действительно, познание этнических и социальных взаимосвязей позволяет поддерживать мирное сосуществование народов.

И не секрет, что духовной связи, пониманию, сближению во многом способствуют национальные литературы, но как познать этот бесценный, но многоязыкий мир, не будучи полиглотом? И здесь на первый план выходит особая роль профессионального переводчика и важность переводческой деятельности в целом.

Конечно, обилия переводной литературы прежних советских лет уже не вернуть. Но значимость художественного перевода для творчества писателей остается, на мой взгляд, такой же важной и необходимой и возрастает с каждым днём. Произведения авторов КБР разнообразны по тематике и жанру, однако из-за отсутствия качественного перевода они недоступны для широкого круга читателей. Я лично очень страдаю от того, что не знакома в полной мере с творчеством и новинками наших авторов, и мне, как и сотням других любителей чтения, приходится очень долго ждать, когда их произведения будут изданы в достойном переводе. Другими словами, переводчики у нас в дефиците.

В советские годы существовал государственный заказ на такой вид писательской работы, а в рамках государственной политики в области создания многонациональной литературы была разработана целая стратегия переводческой деятельности. К сожалению, в годы, так сказать, безвременья, всё ушло в никуда, по многим причинам, ниша постепенно опустела... Но сейчас всё потихоньку возрождается.

В Обществе книголюбов Кабардино-Балкарии семь лет назад было решено предпринять попытку вырастить своих переводчиков среди юных книголюбов. Мы организовали первый республиканский конкурс литературного перевода, посвятив его творчеству Лиуана Губжокова и Бориса Чипчикова, учредили денежные премии для победителей. Конкурс получил большой отклик, работ было представлено много, дети переводили с русского на балкарский, кабардинский, чеченский, осетинский языки. С кабардинского и балкарского языка – на русский, ингушский и английский. Но, как показало время, молниеносных положительных результатов не получилось, многие работы не достигали и уровня подстрочника. На следующий год мы подключили предвари-

тельные мастер-классы, консультации, где давали более расширенный материал по теории перевода, а писатели готовили рецензии, рекомендации участникам, делились личными воспоминаниями о творчестве представленных в конкурсе авторов. И результатом стали вполне приличные работы, достойные публикаций и денежных премий. Наверное, следует отметить, что мы – одна из немногих организаций, которая не берет денег за участие в конкурсах, а платит за это.

Впоследствии на участие стали поступать заявки не только от школьников, но и от взрослых людей, поэтому сегодня наш конкурс не имеет возрастных ограничений.

И если хоть один участник нашего проекта выберет своей профессией перевод и поступит в литературный ВУЗ, а работы лучших конкурсантов станут доступны читателям, кому язык оригинала не знаком, то мы на шаг, но продвинемся к возрождению института переводчиков национальной литературы в республике! Внесем свою маленькую лепту.

А в числе активных участников нашего движения «Забота о чтении – забота о будущем нации» считаю обязательным отметить участников литературной студии «Свеча», учащихся 21-й, 27-й школы и 29-й гимназии города Нальчика, школ Эльбрусского и Терского муниципальных районов, с. Шалушка и, конечно же, учителей и родителей.

В этом году наш Республиканский литературный конкурс «Как слово наше отзовется – 2020» был посвящен творчеству Берта Измайловича Гуртуева, Бетала Ибрагимовича Куашева, Хаджимусы Атабиевича Кулиева и Бориса Кунеевича Утижева.

Лучшими среди работ взрослых участников стали переводы Светланы Сиховой из г. Нарткалы и Зайнаф Джаппуевой из п. Нейтринно.

Среди учащихся школ лидеры:

Ирина Пшихачева, МКОУ «СОШ № 27» г. Нальчик;

Расул Джаппуев, МОУ «Лицей № 1 им. К. С. Отарова» г. Тырныауз;

Раяна Карашаева, ГБОУ ДАТ «Солнечный город». Школа юного филолога «Грамотей»;

Дарина Нахушева, читатель библиотеки с. Шалушка;

Инара Закураева, МКОУ «СОШ № 21» г. Нальчик;

Милана Бейтуганова МКОУ «Гимназия № 29» г. Нальчик.

Надеюсь, с этими и другими именами мы не раз встретимся на страницах книг и журналов. Но, если использовать спортивный язык, с большим отрывом от других призёров победила и удостоилась Диплома победителя конкурса I степени Светлана Сихова, переводческие опыты которой представлены в этом номере.

В номере:

Борис Зумакулов. Наш общий праздник. <i>Статья</i>	2
Аскерби Шортанов. Горцы. <i>Гл. из романа</i>	7
Борис Утижев. Сокровенное. <i>Миниатюры</i>	30
Страницы памяти. Фатима Узденова. Посмотри мне в лицо. <i>Статья</i>	33
Салих Гуртуев. «Я жив – покуда жив язык родной...». <i>Стихи</i>	44
Страницы памяти. «По закону сердца...» <i>Очерк</i>	49
Борис Мазихов. Родник Мусы. Два тополя. <i>Рассказы</i>	63
Мурадин Ольмезов. <i>Стихи</i>	76
Надежда Ворокова. <i>Стихи</i>	83
Алим Макоев. <i>Стихи</i>	87
Борис Балкаров. Песочные часы. <i>Рассказ</i>	89
Мажир Кучмезов. Дерево Рауба. <i>Главы из романа</i>	122
Дарья Шомахова. Баба Оля. Гриб Федя. Горе-гора. <i>Рассказы</i>	136
Наталья Шинкарева. Прости меня, Ирка. <i>Рассказ</i>	160
Олеся Шереужева. Ласточка. <i>Рассказ</i>	165
Ирина Вольская. Ветеран журналистики. <i>Очерк</i>	169
Наталья Печонова. Человек труда. <i>Очерк</i>	175
Марьям Багова. Черкешенка. Память... <i>Рассказы</i>	181
Наталья Шинкарева. «Как слово наше отзовется...». <i>Статья</i>	189

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

В номере использованы фотографии А. Елканова, Е. Бит-Сава

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс П5892

Компьютерная верстка *Е. Г. Бит-Сава*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 05.07.2020. Подписано к печати 05.08.2020.
Выход в свет 31.08.2020. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.
Тираж 750 экз. Заказ № 404. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 35,03 руб., за 6 мес. – 105,09 руб.,
за год – 210,18 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.
Тел.: главный редактор – 40-03-24,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
сайт: pressa.smikbr.ru,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в типографии ООО «Тетраграф»,
360000, г. Нальчик, пр. Ленина, 33

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).